

ЕКАТЕРИНА ГЛУЧКО

ИСТОРИЯ О КРАЖЕ
ЗАЩИТНИК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Екатерина Гичко
История о краже. Защитник

«Автор»

2020

Гичко Е. И.

История о краже. Защитник / Е. И. Гичко — «Автор», 2020

Зачинщик ограбления скрылся, и Майяри, горящая жаждой мщения, нацелена найти его и заставить заплатить за все страдания, которые был вынужден пережить её друг. Ранхаш, отстранённый по распоряжению Шереха Вотого от расследования, не готов так просто отступить. И тем более он не готов оставить Майяри, защиту которой считает своей обязанностью и уступать эту ответственность кому-то другому не желает. Вынужденные объединиться для достижения общей цели, харен и новая хранительница опасных артефактов становятся союзниками и втайне от Шереха продолжают расследование. И через некоторое время осознают причины, из-за которых старый консер запретил лезть в это дело. Второй том тетралогии "История о краже" Содержит нецензурную брань.

© Гичко Е. И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Преддверие кошмара	5
Ранхаш, Майяри и Шидай	12
Глава 2. Пробуждение	14
Глава 3. Пробуждение к жизни	20
Глава 4. О несправедливости мести	26
Глава 5. Судьба коршуна	31
Глава 6. Жизнь для других	38
Глава 7. Предатель	42
Глава 8. Обновление года	45
Глава 9. Неотвратимые изменения	50
Глава 10. Решение барса	55
Глава 11. Семейство Ррьявля	62
Глава 12. Недостаток харена	68
Глава 13. Прощание	71
Глава 14. Дочь рода Вотый	74
Глава 15. Соглашение	78
Глава 16. Украденное	82
Глава 17. Прощание с Санаришем. Догадка Шида	87
Глава 18. Начало пути	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Екатерина Гичко

История о краже. Защитник

Глава 1. Преддверие кошмара

Ранхаш прикрыл глаза, потёр переносицу и подался немного вперёд. Соприкосновение со спинкой сиденья всё ещё вызывало обманчивое ощущение доверчиво прижавшегося тела. Экипаж дёрнулся, выворачивая за угол, и харен опять откинулся назад. Воспоминания волной всколыхнулись в голове, и мужчина ожесточённо потёр лоб, словно пытаясь стереть их вовсе.

– Господин, всё в порядке? – осторожно поинтересовался Рладай, сидящий напротив харена.

Господин не отнял руку от лица, но между пальцев яростно сверкнул янтарно-жёлтый глаз. Ничего не было в порядке!

Печати на груди жгло почти нестерпимо, сердце бухало тяжело и неритмично, а лёгкие жадно хватали воздух.

– Я совершенно бесполезен?

Рладай онемел от неожиданности. Служил он господину уже двадцать восемь лет и никогда не сталкивался с подобными вопросами. Харен отличался редкостным хладнокровием, и если выходил из себя, то никогда это не обсуждал. Или обсуждал, но исключительно с Шидаем.

Сейчас же Шидае не было, и Рладай чувствовал себя очень неудобно на его месте.

– Отчего же, господин? – преувеличенно бодро спросил оборотень. – У всех в жизни случаются промашки. У вашего уважаемого прадеда консера Шереха их было великое множество, и порой они приводили к очень трагичным последствиям. Лучше вспомните, сколько удач было в вашей жизни. Значительно больше, чем промахов. Просто не всегда всё зависит от нас.

Но он был уверен, что справится! С того самого момента, как увидел перепуганную девочку в покосившемся сарайчике, Ранхаш был уверен, что она в полной безопасности. Потому что он её нашёл. Он ведь был готов сделать что угодно, чтобы защитить её.

– Я слаб?

Рладай мрачно уставился в окно, мечтая выбраться из экипажа. И зачем он только решил лично сопровождать господина?

– Не понимаю, почему вы так решили. Вы не единожды доказали свою силу и смелость.

– Тогда почему я не смог её защитить?

В экипаже повисла тишина, нарушаемая лишь стуком колёс и цокотом копыт.

Пальцы сдвинулись, закрывая испытующе смотрящий жёлтый глаз, и Ранхаш поджал губы. Шидае мог бы объяснить. У него всегда и на всё был ответ.

– Господин, вы когда-нибудь защищали женщин? – тихо спросил Рладай.

Ладонь медленно сползла с глаз на губы.

– Это имеет значение?

– Я знаю, господин, вы часто выступали защитником, всё-таки мы с вами оба военные. Защищать – это одна из наших обязанностей. Но защищать женщину... одну женщину... в одиночку – это несколько по-другому, чем защищать поселение, за стенами которого прячутся перепуганные жители. Но ты один и понимаешь, что ты и только ты можешь защитить слабую, неспособную держать оружие в руках девушку. Ответственность повышается в разы, и неудача воспринимается куда острее.

Ранхаш поморщился и уставился в окно. Это не объясняло, почему он потерпел крах. Он потратил на бой в дикой какофонии взрывающихся и взрывающихся в небо огненных цветов не

более пяти минут, но Майяри успели увести у него из-под носа. Он сразу поймал её запах, но умудрился несколько раз потерять его, запутаться и вместо девчонки находил лишь ближайшие развалы сена! Он потратил слишком много времени и оказался совершенно бесполезен.

А она, наверное, боялась...

Печати запекло с новой силой.

Экипаж дёрнулся и остановился. Рладай с облегчением поспешил выбраться наружу и посторониться.

Ранхаш несколько замешкался. Больная нога занемела, затекла и отказывалась гнуться. Стоило ему ступить на подножку, как колено так прострельнуло болью, что мужчине пришлось вцепиться в края дверного проёма. На мгновение он почувствовал себя совершенно разбитым, но лишь на мгновение.

Развалины уже успели разгрести. В ярком радостном солнечном свете почему-то особенно жутко смотрелись красные пятна, расцветившие снег. Особенно густо они испещряли истоптанный снежный наст рядом с развалинами, откуда выносили трупы. Сами тела лежали чуть в стороне под тёмными покрывалами. Восемь тел.

Мрачный данетий Трибан, увидев харена, неспешно направился к нему.

– Живых не нашли, – сразу сообщил он.

– Знакомые есть?

– Да все, у кого морда сохранилась, знакомы, – данетий сплюнул, и уши его недовольно шевельнулись. – Арона, правда, и по шевелюре опознали... – голос его сорвался, и Ранхаш неожиданно почувствовал что-то томительно-острое, вспыхнувшее внутри, словно бы занозу поймал. Он вдруг понял, что Трибан сильно опечален. Расстроен. – Вы уже знаете, что там приключилось?

– Нет, – Ранхаш мотнул головой. – Они ещё не пришли в себя.

Он не знал, но мог предположить. Арон Дебрий всё же был его главным подозреваемым. В Санарише проживало не так много хороших артефактчиков. Их в принципе было немного: занятия артефактологией требовали больших сил, средств и обширных знаний. Чтобы стать артефактчиком, нужно было иметь или огромный талант, как у Майяри, или огромное желание.

В Санарише же открыто проживали только двое сильных артефактчиков: Арон Дебрий и Милим Кийши – опальный сын прославленного рода Кийши. Последний подходил на роль преступника больше всего. Сто двадцать три года назад он собственноручно отрезал головы четырём своим двоюродным братьям и от расправы семьи его спасло только заступничество хайнеса и консера Хеша.

Тогда произошла какая-то мутная история, и, насколько знал Ранхаш, правящей семье пришлось вмешаться, чтобы прикрыть кое-какие грешки отпрысков рода Кийши. Но у наследника семьи оказался настолько крутой нрав, что он, наплевав на решение старших, сам вынес приговор и покарал виновников. Ранхаш пытался вызнать подробности той истории, но двоюродный дед, консер Хеш, распустил столько версий произошедшего, что узнать истину можно было, только спросив кого-то из участников событий. А они не отличались болтливостью.

Наследник рода, Милим Кийши, был известен как талантливый, очень одарённый артефактчик. Вспыльчивый, с крутым нравом, отличающийся полнейшей нетерпимостью к покровительству преступлений и способный к хладнокровному убийству. Ранхаш мог бы даже найти для него мотив для ограбления сокровищницы, но Милима в ту ночь не было в городе. Вместе с группой учеников он на неделю уехал на полевую практику.

Арон Дебрий был значительно моложе Милима и, соответственно, имел куда меньше опыта. Но он был куда талантливее. Именно так написал директор Жаанидйской школы магии в ответ на запрос Ранхаша. Арон мог добиться впечатляющих высот, но он бросил учёбу и вместе с племянницей вернулся в Санариш, в свой родной город, где довольно быстро снис-

кал известность среди населения и начал зарабатывать своим талантом. За помощью недоучки очень часто обращались и сыскари, и городская стража, и военные. Единственные, кому он всегда отказывал в помощи, – это представители преступного мира. Этим Арон заслужил огромное уважение. Уже одно это уважение могло защитить его от подозрений в глазах местных сыскарей.

Но у него был мотив для преступления.

И в ту ночь он был в городе.

Кухарка, служившая в его доме, уверяла, что в ночь ограбления хозяин был дома. Она сама относила в его кабинет травяной отвар и корила, что он опять работает допоздна. Но ведь отвести глаза бедной женщине не так уж и сложно, если ты такой прекрасный мастер артефактологии.

День за днём Ранхаш тщательно проверял предоставляемые ему данные на жителей города. Его оборотни следили за самыми подозрительными из них, пытаясь уличить скрывающихся артефактчиков, но Милим и Арон продолжали оставаться наиболее вероятными кандидатами.

Чаша подозрений склонилась на сторону Арона, когда Ранхаш наконец смог вытянуть из Майяри правду о произошедшем той злосчастной ночью.

Господин Ахрелий кого-то ранил, и этот кто-то точно не был служащим сокровищницы, так как все они наутро были здоровы, и это был не Одаш: внутри сокровищницы его не было, он поджидал у ворот. Арон же на следующее утро сказался больным, но не обратился к лекарю, хотя по словам той же кухарки болел тяжело. Если он действительно был ранен, то не мог обратиться за помощью. Хороший лекарь быстро бы раскрыл, что болен Арон не простудой, даже если бы он скрыл запах крови. Либо же он обратился к одному из тех лекарей, которые за приличную плату оказывают помощь не очень законопослушным жителям и в дальнейшем скромно умалчивают о своём милосердии.

– Кого-то вы узнали? – поинтересовался Ранхаш, присаживаясь на корточки (нога мстительно отозвалась болью) рядом с ближайшим телом и приподнимая край тёмного покрывала.

Взору его открылся широкоплечий мужчина со смятой грудной клеткой и искажённым ужасом и болью лицом. Рядом с его головой лежал какой-то клочок шерсти, и Ранхаш опознал в нём бороду.

– Да, узнал. К сожалению... – Трибан покосился на лицо мертвеца. – Есть тут у нас одна «призрачная» банда, – губы данетия презрительно искривились. – К нашему стыду мы уже лет двадцать с ними разобраться не можем. Они, видите ли, не горланят о своей принадлежности к какой-то определённой... семейке. Порой и не понять, на кого записывать очередную грязь. Мы их сперва даже не выделяли среди остальных банд, приписывая грабежи и убийства тем, кому больше по характеру исполнения подходили. А потом уже начали всплывать мелкие детали, ниточки... Наши ребята, те, кто подсадными в бандах сидят, по своим... кхм... дружкам поспрашивали и выяснили, что действительно объявилась ещё одна паршивая овца. Да ещё какая овца... Туда бывшие вояки и служивые из стражи стекаются. Маскируются и следы затирают так, что от любой другой банды не отличишь. Пару раз ловили кое-кого, но расколоть не смогли. Думается мне, что это из-за семей. У обоих жены с детьми были, так после казни мужей в нищету они не опустились. Помогает им кто-то.

– Уверены, что это их рук дело?

– Нет, – пожал плечами Трибан, – но этого мужика я знаю. Он лет восемь назад после стычки с командиром из отряда ушёл. При местном гарнизоне служил. Ещё двух, у кого лица сохранились, я не знаю, но мои ребята их признали. Они когда-то в городской страже начинали, но были вытурены со службы за превышение полномочий. У пьяного горожанина карманы обчистили. У оставшихся трёх головы размозжило, там если кто-то и признает, то только кто-то из близких.

– Трёх?

Данетий молча посторонился, и Ранхаш перевёл взгляд на тело, прикрытое, в отличие от остальных, плащом самого Трибана.

Когда харен откинул в сторону плащ, лицо данетия исказила настоящая мука. Ранхаш сам замер: не ожидал увидеть подобное. На ещё одном меховом плаще лежала Рена. Остеклевшие голубые глаза безучастно смотрели на харена, но вот губы всё ещё были чуть удивлённо изогнуты. Несколько секунд Ранхаш смотрел на её лицо, а затем осторожно сделал то, что не смог сделать сам Трибан: закрыл девушке глаза.

– Арон её собой закрыл, – глухо пророкотал данетий, – только ей-то уж всё равно было.

Ранхаш перевёл взгляд на кинжал, глубоко вдавленный в грудь Рены, и различил на рукоятке герб семьи Ишый. Вспомнился сумасшедший взгляд Виидаша, и стало как-то нехорошо.

– Им, наверное, артефакчик был нужен, чтобы разговорить Амайяриду, вот они и похитили Рену, чтобы Арон покладистей был, – в голосе данетия звучала надежда, и Ранхаш почувствовал, что от него ждут утешения.

– Наверное.

Заподозрив Арона, Ранхаш приставил соглядатаев к его племяннице и... Виидашу. Последнего он подозревал даже больше, чем Рену, поэтому не хотел ничего говорить Майяри. Она бы не поверила.

Лучи солнца скользнули по граням герба рода Ишый.

И оказалась бы права.

Ранхаш достал из внутреннего кармана платок и, обернув им рукоятку кинжала, осторожно вытащил его из груди девушки. Оружие переключало в глубокий карман плаща, и харен, опять накрыв мёртвую оборотницу, поднялся.

– Покажите мне остальных.

Погибшие выглядели на удивление однообразно: крепкого телосложения, черноволосые, широколицые.

– Четверо из этих были мертвы ещё до взрыва. А вот этого я знаю, и он раньше рыжим был, – сказал харену один из сыскарей, – и морда у него была поуже. Не в смысле похудее, а костяк как-то поуже был в скулах.

– Пусть их осмотрит лекарь и... – Ранхаш помедлил и продолжил, – и мастер Милим. В этот раз он не откажет.

– Заодно и на это глянет, – Трибан мрачно кивнул в сторону развалин.

Харен, хромя, забрался на груды камней и посмотрел вниз. Двое оборотней старательно сметали мелкий сор метёлками из сухой травы, очищая большое обугленное пятно на каменном полу. Ноздри Ранхаша хищно шевельнулись.

– Украденные воспоминания... Да, пусть мастер Милим посмотрит и на это.

Шидай поправил плед на плечах уснувшей женщины и бросил взгляд через плечо. В комнате было очень темно, свет шёл только от пылающего камина, занавеси же на окнах были плотно задёрнуты, но тихий шелест дыхания больных его успокоил. И Майяри, и Виидаш продолжали спать.

Шидай запретил разносить их по разным постелям, хотя мать Виидаша, обезумевшая от ужаса при взгляде на тело своего сына, требовала вынести «эту проклятую девку, приносящую одни несчастья», из их дома. Пришлось вмешаться Ерону, и невестка набросилась уже на него. Шидай выставил в коридор обоих и запустил несчастную женщину внутрь, только когда угрозы сменились униженными мольбами позволить ей просто быть рядом с сыном.

Желание госпожи Ярены оказаться рядом со своим больным ребёнком было куда сильнее желания избавиться от Майяри. Она даже не спрашивала, что произошло. Едва её опять допустили к постели сына, как она опустилась на колени и, боясь даже прикоснуться к перевя-

занному с ног до головы Виидашу, молча расплакалась. Когда она уснула, уткнувшись лицом в покрывало, Шидай просто перенёс её в кресло и укрыл.

Мужчина неслышно подошёл к постели и поочередно заглянул в лица спящих. Их жизням больше ничего не угрожало, но лекаря продолжало снедать беспокойство. Он всё ещё помнил пустой и в то же время безумный взгляд Виидаша. Что там произошло? Как Виидаш вообще там оказался?

Дверь скрипнула, и мужчина вздрогнул. Оказалось, что это всего лишь вернулся лекарь семьи Ишый, господин Юварий. В этот раз он был полностью одет, причёсан и даже, кажется, умыт. На уснувшую в кресле госпожу он взглянул с неодобрением, но Шидаю упрекать не стал.

– Не хотите привести себя в порядок? Можете воспользоваться моей комнатой и вещами, – предложил Юварий.

– Благодарю, – Шидай опять почувствовал себя безмерно уставшим, разбитым и очень грязным, – но до распоряжений харена я побуду здесь.

– Как вам угодно.

Юварий придвинул кресло ближе к Виидашу и расположился в нём. Шидай тоже решил, что стоит немного отдохнуть, и, расположившись в кресле недалеко от Майяри, с наслаждением вытянул ноги. Стало чуточку легче, но ощущение, что он находится на вражеской территории, не покинуло его. Как же давно он не был в этом доме. Здесь многое изменилось... Направляясь с Ранхашем в Санариш, он даже не думал, что ему ещё раз придётся здесь оказаться. Взгляд опять переместился на Виидаша. Надо же, внук Юары. А он ведь тоже уже мог быть дедом.

– Вы знакомы с господином Ероном?

Шидай выплыл из своих мыслей и взглянул на господина Ювария.

– Да, мы были знакомы.

Ответ прозвучал дружелюбно, но у Ювария почему-то пропало желание любопытствовать и дальше.

Майяри тихо застонала, и Шидай резко подался вперёд, всматриваясь в её сморщившееся лицо. Состояние девушки, если сравнивать с Виидашем, было весьма неплохим. Она потратила много сил, заработала очень серьёзные ожоги обеих рук, от которых теперь долго будет восстанавливаться, повредила лодыжку и поймала мелкий глиняный осколок в бок. Из всего перечисленного опасения вызывали только ожоги. И ещё кое-что, что Шидай обнаружил, переодевая её. Взгляд его в очередной раз упал на грудь Майяри. Хорошо, что в этот момент господин Юварий как раз вышел.

Майяри вроде успокоилась и расслабилась, и Шидай опять откинулся на спинку. Но не успел он в очередной раз вытянуть ноги, как девушка резко села и, распахнув глаза, закричала. Её дикий крик вырвал госпожу Ярену из сна, и перепуганная женщина свалилась с кресла. Господин Юварий подскочил, а Шидай метнулся к Майяри.

– Умри! – закричала девушка, подаваясь вперёд и впиваясь пальцами в одеяло. – Я хочу, чтобы ты сдох! Сдохни! Сдохни!

Шидай сгрёб её в охапку и, перетащив к себе на колени, начал укачивать, как ребёнка.

– Ну-ну, Майяри, ты чего? Всё хорошо, успокойся.

В расширенных от ненависти глазах блеснуло что-то осмысленное, и девушка уставилась на лекаря с ужасом.

– Что? Вы? Вы тоже?

– Что я тоже, моя дорогая? – ласково спросил Шидай, продолжая её укачивать.

– Вы умерли, – уверенно заявила Майяри.

– Нет, мы оба живы.

Почему-то это привело девушку в ещё больший ужас.

– Значит, этот кошмар не закончился? – девушка схватилась за горло, словно задыхаясь. – Почему он не закончился... почему...

Майяри закричала и попыталась вырваться из крепкой хватки лекаря.

– Пустите меня, пустите... Мне нужно всё закончить!

Отчаявшись вырваться, она зарыдала в голос.

– Я хочу, чтобы всё закончилось... пожалуйста, пусть всё закончится...

– Ну-ну, моя девочка, всё уже закончилось, – шептал ей на ухо Шидай. – Всё закончилось, ты в безопасности, тебе больше ничего не угрожает. Осторожнее, твои руки...

Майяри продолжала биться в его объятиях, совершенно не обращая внимания на боль, но стоило ей увидеть повязки на своих руках, как она замерла и глаза её опять наполнились яростью.

– Где мои браслеты? Где они?!

– Спокойно, Ранхаш их снял, чтобы почистить. Он вернёт их позже.

– Верните мне их! Верните мне мои силы! Верни-и-и-ите! Я...

Взгляд Майяри столкнулся с перепуганным взглядом госпожи Ярены, и девушка застыла, смотря на женщину с непередаваемым изумлением. Глаза её скользнули влево, на напряжённого господина Ювария, а затем ниже. Увидев бледного неподвижного Виидаша, Майяри посерела и, казалось, преисполнилась ещё большего ужаса.

– И Виидаш жив, – продолжал ласково шептать Шидай. – Мы все живы и все в безопасности.

Майяри продолжала взирать на Виидаша так, словно видела нечто кошмарное.

– Ты не хочешь лежать рядом с ним?

Девушка сглотнула.

– Хочу... – с трудом просипела она.

– Тогда давай ты ляжешь.

Майяри съехала в руках лекаря, но сопротивляться не стала. Шидай аккуратно уложил её на подушки, оправил задравшуюся рубашку и укрыл одеялом. Майяри же продолжала смотреть на Виидаша. Она смотрела с ужасом и жадностью. Протянув дрожащую руку, под сдавленный вздох госпожи Ярены девушка коснулась перебинтованными пальцами лица Виидаша и тут же их отдернула.

– Тёплый, живой... Верно? – едва слышно прошептал Шидай и погладил Майяри по голове. – Всё хорошо. Поспи. Вот увидишь, когда проснёшься, кошмар уже будет позади. Спи.

Пальцы лекаря слабо полыхнули синим, и Майяри сонно моргнула. Некоторое время она всё ещё пыталась удержать тяжелеющие веки распахнутыми, но уже через минуту тяжелое дыхание выровнялось и глаза закрылись.

Шидай устало потёр лоб и посмотрел на напряжённого господина Ювария и перепуганную госпожу Ярену.

– Я всё-таки воспользуюсь вашим предложением и приведу себя в порядок. Думаю, к их пробуждению нам нужно запастись силами. Госпожа Ярена, надеюсь на ваше благоразумие.

Шидай повернулся к двери и почувствовал, как на его плечи разом наваливается усталость от этой бурной ночи и нескольких дней, проведённых в заточении. В коридор он вышел, слегка пошатываясь, и замер, шурясь от солнечного света, льющегося в окна.

– Как он?

Проморгавшись, Шидай повернул голову и увидел стоящего у стены Ерона.

– Эти раны залечатся, – кратко ответил он, прикрывая за собой дверь.

Ерон нахмурился и отвёл глаза.

– Не думал, что ты ещё когда-нибудь будешь лечить кого-то из моей семьи, – признался он.

– Я тоже не думал, что такое случится. Надеялся, что больше никогда не переступлю порог этого дома, но у судьбы свои планы, – Шидай слабо усмехнулся. – Я так давно ничего не слышал о вашей семье.

Точнее отказывался слышать.

– Последнее, что я слышал, что у госпожи Юары возникли проблемы с сердцем, но это было около ста пятидесяти лет назад. Вроде бы что-то серьёзное. Меня даже уверяли, что стоит ждать письма от вас.

– Мы не надеялись, что ты согласишься помочь, – спокойно ответил Ерон, – поэтому не стали писать.

– Да, я бы не помог, – так же спокойно согласился с ним Шидай. – Я недостаточно благороден для этого. Она в этом доме?

Ерон склонил подбородок к груди и отрицательно мотнул головой.

– Нет. Она умерла восемьдесят два года назад. Сердце всё же не выдержало.

Внутри ничего не отозвалось. Ни ненависти, ни злорадства, ни тем более печали. Надо же, умерла, а он и не знал.

– Соболезную.

Голова Ерона дёрнулась.

– Мне надо помыться и переодеться. Я могу сделать это где-то здесь?

Старик отделился от стены и, всё ещё не поднимая глаз на Шидаю, слабо махнул рукой.

– Да, я провожу.

Шидай посмотрел на его сгорбленную спину и тряхнул головой, стараясь избавиться от странного ощущения нереальности происходящего.

Ранхаш, Майяри и Шидай

1

---

¹ Художник Толочко Ирина (псевдоним tsig).

Глава 2. Пробуждение

Уродливые чёрные фигуры без лиц кружили вокруг Майяри с глумливым гоготом и тянули к ней длинные руки с устрашающе тонкими, похожими на паучьи лапки пальцами.

– Я помогу тебе встать. Давай, возьми меня за руку.

Девушка испуганно шарахалась, прижимая ладони к груди.

– Не трогай, не трогай... – шептала она.

Животный страх узлом завязывался в груди и заставлял несчастное сердце метаться испуганной птицей.

– Майяри, иди ко мне!

Девушка резко развернулась и увидела в рассеивающейся тьме светлый силуэт Викана.

– Давай, беги ко мне!

Расплакавшись от облегчения, Майяри бросилась к нему, но не успела сделать и пары шагов, как перед ней возник мрачный Виидаш.

– Ты обманула меня.

Воздух пронезало блестящее лезвие кинжала, и Майяри распахнула глаза.

Над головой висел утопающий в темноте потолок, довольно быстро сменившийся обеспокоенным лицом Шида.

– Как ты себя чувствуешь? – шёпотом спросил лекарь.

Майяри с трудом сглотнула вязкую слюну и прислушалась к себе. Стоило ей это сделать, как руки до самого локтя обожгло огнём.

– Мои руки... – едва слышно просипела она.

– Болят? Сейчас я дам тебе лекарство, и боль уйдёт. Что-то ещё беспокоит?

Что-то беспокоило, но Майяри не могла понять, что именно. Беспокойство зрело где-то глубоко внутри и было настолько острым, что хотелось кричать.

– Мне... плохо...

– Тошнит? Болит что-то ещё? Нога? Бок?

Бок и нога действительно заболели, но зреющее беспокойство было связано не с ними. Отчего ей так плохо? Что произошло? Майяри устало прикрыла глаза, и перед внутренним взором тут же предстал пустой стеклянный взгляд Виидаша. Ужас обжёг её подобно ледяному ветру. В памяти одна за другой промелькнули кошмарные картины с участием Рены, и Майяри засипела от ужаса.

– Я... выжила?

– Вам с Виидашем очень повезло. Одна из балок упала под углом, и часть веса обрушившейся стены пришла на неё. Остальное Виидаш смог удержать до прихода помощи.

– Виидаш? – повторила Майяри и, следуя за взглядом Шида, повернула голову.

Виидаш оказался рядом, укрытый до середины груди одеялом, а выше, до самого подбородка, обмотанный повязками. Если бы его грудь не вздымалась от дыхания, Майяри подумала бы, что он мёртв.

Осознание, что Виидаш жив, на мгновение наполнило её пьянящей радостью, но эта радость почти мгновенно превратилась в панику.

– Майяри, что не так? Ты его боишься?

Шида напряжённо посмотрел на спящего парня. Роль Виидаша в произошедшем до сих пор была ему неясна, но если бы он был врагом, стал бы он закрывать Майяри своим телом? Он рискнул жизнью, спасая её. Переведя взгляд на девушку, лекарь вздрогнул и испуганно склонился ещё ниже: по её щекам текли слёзы.

– Рену уже принесли? – сдавленно спросила Майяри.

– Рену?

– Да, Рену, – повторила девушка, и госпожа Ярена, сидящая в кресле, судорожно вздохнула, внезапно осознав, что мог означать этот вопрос.

Шидай медленно откинулся на спинку кресла. Похоже, самые страшные раны ещё впереди.

В первый раз Ранхаша Вотого встретили в доме семьи Ишый если не с радостью, то хотя бы со сдержанной вежливостью. Услужливый дворецкий, ничего не спрашивая и не спеша доложить о визите харена своему господину, проводил его наверх, но не в ту комнату, где он ранее оставил Майяри и Шидаю. Указав на покои, слуга откланялся и неспешно удалился.

Ранхаш не торопился заходить, наблюдая, как лучик утреннего солнца ползёт по медной ручке. О пробуждении Майяри ему доложили час назад, и сперва он почувствовал облегчение. Проспав сутки, девушка всё-таки проснулась. Почему-то он думал, что она может не проснуться. Мысли были какими-то неправильными, словно он не доверял словам Шидаю, который убедил его, что Майяри выживет. В подобном Шидай никогда не врал. Наверное, скрывались усталость и напряжение. Вчера после посещения развалин, бывших ранее укрытием для преступников, он ещё осмотрел место заключения Шидаю, но не обнаружил ничего интересного. Ещё один заброшенный дом, который преступники использовали под свои нужды. Об их присутствии напоминали только оставленные Шидаем трупы. Ранхаш отдал приказ проверить все до единого заброшенные дома в городе и сперва тоже хотел заняться их осмотром, но потом всё же решил поспать.

Решение оказалось не самым удачным. Толком отдохнуть так и не удалось, всю ночь снились кошмары и какая-то дрянь. Один раз даже приснились Гава-Ыйские болота. Он опять лежал в болотной жиже, корчась от боли, а над головой звучал знакомый надменный голос: «Я богиня!».

Ранхаш положил ладонь на ручку и, мягко повернув её, приоткрыл дверь.

Бледная осунувшаяся Майяри в одной ночной рубашке сидела в кресле перед столиком, а напротив неё с дымящейся чашкой в одной руке и ложкой в другой располагался Шидай.

– Это бульончик. Он совсем лёгкий, и я даже покрошил туда твоё любимое яйцо. Открывай рот, – лекарь направил ложку в сторону рта Майяри, но девушка даже не подумала разомкнуть губы.

– Меня тошнит, – голос её звучал пугающе безразлично.

– Поесть нужно, – настаивал Шидай, – хотя бы немного.

– Позже.

– Майяри, просто открой рот и проглоти. Тебе больше ничего делать не нужно. Давай же.

Почувствовав лёгкий сквозняк, лекарь обернулся в сторону двери и наконец заметил Ранхаша.

– О, Ранхаш, как здорово, что ты пришёл, – обрадовался Шидай. – Может, тебе удастся убедить её немного поесть? Один раз у тебя это уже получилось.

Майяри бросила на харена равнодушный взгляд и опять уставилась на столешницу. Ранхаш успел заметить красные пятна на её лице. Он уже видел однажды что-то подобное. Она опять мёрзнет? Взгляд скользнул по ногам, тщательно укрытым пледом, и снова переместился на лицо девушки. Ранхаш смутно осознал, что чего-то не понимает.

– Как вы себя чувствуете?

Майяри не ответила, а Шидай отрицательно мотнул головой и приложил палец к губам, прося Ранхаш больше не спрашивать об этом.

– Простите, госпожа Майяри, но мне нужно поговорить с вами. Я понимаю, что вам неприятно вспоминать произошедшее, но мне необходимо знать, что случилось.

– Я расскажу об этом столько раз, сколько потребуется, – голос девушки окреп, и в нём прозвучала мрачная решимость. – И припомню все до единой детали.

В комнате воцарилась тишина. Недовольный Шидай брякнул ложку в чашку и, поставив посудину на стол, встал со своего места, уступая его Ранхашу. Но уходить лекарь не стал. Отошёл к окну и там замер, неодобрительно посматривая на харена и девушку.

Усевшись, Ранхаш поднял глаза и невольно отметил лохматость Майяри. Почему-то это зацепило его сильнее, чем опустошённый взгляд девушки и её болезненный вид. Наверное, оттого, что с последними двумя состояниями он ничего сделать не мог.

– Начните с того момента, когда мы с вами расстались, – попросил Ранхаш.

– Я не очень чётко помню, что тогда произошло, – взгляд девушки был всё таким же безучастным. – Я почти ослепла от вспышек и оглохла от грохота и, когда кто-то схватил меня за руку и потянул за собой, решила, что это вы. Помню, что к нам бросился Род. Он закричал, чтобы я бежала, но почти тут же меня ударили по голове, и очнулась я уже в том доме.

Голос её дрогнул, и рассказ прервался. Зрачки едва заметно расширились, и Ранхаш увидел, как безучастность сменяется страхом.

– Это была Рена, – наконец выдавила из себя Майяри. – За этим ограблением стояли её дядя, Деший и Одаш. Думаю, в сокровищнице её не было, она ни разу об этом не упомянула, но в самом деле она принимала активное участие и была уверена, что совершает что-то хорошее... правильное.

Она опять умокла, пальцы её судорожно вцепились в плед. Ранхаш перевёл взгляд на Шидая, засомневавшись, что стоит продолжать этот разговор. Лекарь поморщился, но всё же кивком подбодрил его на продолжение. Им нужно было знать, что там произошло, чтобы попытаться помочь девушке.

– Кто-то кроме неё был рядом с вами? – осторожно уточнил Ранхаш.

– Нет, только двое мужчин, наверное, что-то вроде охраны и мелких пособников, каким был Одаш. Думаю, её дядя и *он* искали в тот момент меня. Они все искали меня, но повезло Рене. Или не повезло. Она была не очень рада, что именно на её плечи легла ответственность допросить меня, и пожаловалась, что у них совсем нет времени допытываться у меня правды о нахождении артефактов, ругали вас, харен, за вашу догадливость и излишнюю подозрительность... – Майяри сбилась и потёрла щеки ладонями. – Простите, это не то, что вы хотите услышать, но мне сложно собраться с мыслями. Я всё ещё там, вместе с ней и Виидашем... – голос её сорвался, и она шумно вздохнула.

– Можете не торопиться и рассказывать всё, что захотите.

– Я постараюсь быть последовательной, – девушка ещё раз глубоко вздохнула и продолжила: – Я пришла в себя уже в круге. Вы же уже обнаружили печать Украденных Воспоминаний?

Ранхаш кивнул.

– Они не были готовы к долгим допросам и хотели закончить всё быстро. Похоже, вы загнали их в угол и они начали торопиться. Рена активировала печать, и, пока та набирала силу, мы... поговорили. К ограблению они готовились семь лет, и главным был Деший.

Значит, в сокровищнице был убит кто-то другой, вероятно, хранитель, которого ранее заподозрили в побеге. Ноздри Ранхаша хищно раздулись.

– Моё вмешательство всё испортило. Я действительно всё испортила, – губы Майяри задрожали, и Ранхаш вдруг почувствовал страх.

– Мы можем поговорить позже, если вам сложно... – начал он, но Майяри вскинула голову и разозлённо посмотрела на него.

– Я сказала, что расскажу!

– Хорошо, – Ранхаш откинулся на спинку и с мрачной обречённостью приготовился слушать. Не стоило ему приходить сегодня.

И Майяри продолжила. Медленно и монотонно она поведала весь разговор с Реной. Всё, утаив лишь то, что Рена говорила о своих чувствах к Виидашу. Это то, что навсегда останется между ней, Реной и Виидашем.

– Кто-то сообщил им, что я соврала вам о произошедшем той ночью. Они знали, что артефакты до сих пор у меня, поэтому и не отступили и даже пытались убедить вас, что моя жизнь для них не имеет значения. На это и был направлен взрыв кареты. Они знали, что меня в ней не будет, ведь Рена помогала организовать моё похищение. Вероятно, Мадиш и остальные думали, что похищение – полностью их заслуга, но я уверена, что им помогли. Они гениальны в своей безбашенности, но провести тюремную охрану не так просто. Возможно, если бы их задумка воплотилась до конца и меня доставили в поместье Лироя, Рена попыталась бы втереться ко мне в доверие и вызнаться что-то про артефакты, но вы перехватили меня раньше.

Ранхаш сжал зубы. Значит, предатель действительно есть. При первом допросе Майяри присутствовали только он, Шидай, Харийд, Трибан и Одаш. Сомнительно, что последний успел бы передать своим подельникам, что девушка соврала. Одаша сразу же арестовали, а охраняли его камеру подчинённые Ранхаша, ранее в Санарише не бывавшие. О произошедшем разговоре знал ещё Варлай, так как он был приставлен помощником по делу об ограблении. Так кто предатель? Харийд, Трибан или Варлай? Харийд появился в городе уже после ограбления, Варлай среди сыскарей появился чуть более полугода назад. Так кто?

– Деший, – безучастное лицо Майяри исказилось ненавистью, – говорил о господине Ахрелие, как о ком-то особенном. Видимо, мы были с вами правы и господин Ахрелий – действительно хранитель смерти рода хайнеса.

Шидай вздрогнул и пронзительно, требовательно уставился на Ранхаша.

– Ранхаш! – взбешённо прошипел он. – Почему я узнаю об этом только сейчас?

– А теперь этот хранитель... я, – в голосе девушки прозвучало отвращение. И особенно сильно оно проявилось, когда она сказала о себе.

– Деший был там? – нахмурился Ранхаш. – Пока вы упоминали только о Рене. Мы же нашли там восемь тел. И с вами был Виидаш...

Лицо Майяри исказилось от ужаса, и глаза её широко распахнулись. Перебинтованные пальцы скрючились, впиваясь в плед, и девушка судорожно выдохнула.

– Он не имеет отношения к этому делу, он ничего не знал, – лихорадочно зашептала она, – он не виновен...

– Я верю, – спокойно произнёс Ранхаш, стойко выдерживая испытующий, слегка сумасшедший взгляд девушки. – Я видел Рену. Он убил её?

Майяри отшатнулась от него и вцепилась пальцами в подлокотники. Шидай побелел и отступил к окну. Его ярость на Ранхаша мгновенно утихла.

– Он не хотел, – едва слышно прошептала девушка, – но я умирала... – Майяри запустила пальцы в волосы. – Это всё из-за того, что я умирала. Он не мог остановить её по-другому, он просто хотел всё исправить... Он же знал, что печать перестанет действовать, только если умрёт жертва или заклинатель. Я сама заставила его выучить тот проклятый список запрещённых печатей к экзамену! Это я сделала! Зачем я взяла эти артефакты?! Нужно было бросить их, бросить! – лицо её искривилось от ярости, и Майяри долбанула коленом в столешницу.

Чашка с бульоном дрогнула, едва не расплескав своё содержимое, и обеспокоенный Шидай шагнул к Майяри. Но Ранхаш опередил его. Встав, он медленно, стараясь не делать резких движений, приблизился к девушке и, опустившись перед ней на колени, прижался грудью к её ногам. Майяри, казалось, даже не заметила его.

– Это всё моя вина! – она с силой потянула себя за волосы. – Я виновата! Если бы я не взяла эти проклятые артефакты, ничего бы не было. Мне нужно было просто бросить их рядом с хранителем. Тогда бы Виидаш никогда не был втянут в эту историю. Ну почему, почему он выбрал меня?! Почему не её?!

Майяри взмахнула кулаками, намереваясь обрушить их на столешницу, но Ранхаш успел перехватить её за запястья. Девушка, тяжело дыша, ошеломлённо уставилась на его перебинтованные пальцы.

– Это не ваша вина, госпожа Майяри, – мягко произнёс Ранхаш, и Майяри, вздрогнув, уставилась в его глаза. – Это целиком и полностью моя вина. Вам некого винить, кроме меня. Это я заставил вернуться вас в город, это я умолчал о своих подозрениях. Если бы я сказал вам, что подозреваю Арона Дебрия, вы бы никогда не позволили себе приблизиться к Рене. Но я подозревал и вашего друга и умолчал. В произошедшем виноват только я.

Майяри сглотнула и зло усмехнулась.

– Если бы я не взяла эти артефакты, вас бы здесь даже не было.

– Вы не могли их не взять. вспомните, какой страшной силой они обладают. Вы взяли их, чтобы уберечь жизни и покой тех, кто вам дорог. Вы исчезли из этого города. Но я вас вернул. Это моя вина.

– Не надо меня успокаивать! – сквозь зубы процедила Майяри. – Оставляя артефакты себе, я думала, что всё контролирую. Думала, что самое страшное, что может произойти, – это переход проклятых безделушек в руки этих ублюдков! Я не предусмотрела того, что произошло!

– Нельзя предусмотреть всего, вы сами мне об этом говорили.

Майяри замерла, тяжело дыша и пристально смотря в жёлтые глаза харена. Сейчас они не были такими холодными, как обычно, но почему-то всё равно принесли успокоение. Среди пожирающих её ярости и вины девушка смогла найти крупицу здравого смысла и напомнила себе, что харен ждёт от неё рассказ о произошедшем. Глубоко, прерывисто вздохнув, Майяри выудила из памяти взбешённое лицо Арона и продолжила:

– Потом появился дядя Рены. Он... он не сказал ничего интересного. Увидев её, он впал в безумие. Уже на его крик явился... – девушка стиснула зубы и едва выдохнула: – Деший. И он совершенно не был похож на того идиота, что я видела ранее. Даже не сразу узнала его. Мягкий такой, вкрадчивый, – в её голосе зазвучало презрение, – словно бы всё понимает. Я уверена, что господин Ахрелий говорил о нём.

«Этот так просто от нас не отстанет. Как же слеп я был! Как я мог не узнать его?!»

– Я уверена, он говорил не об Ароне. Он говорил о Дешие! Он знал его раньше, но не смог признать в идиоте-уборщике, которого сам и привёл в сокровищницу.

Ранхаш нахмурился, не совсем понимая связь, но перебивать не стал.

– В тот момент я уже плохо себя контролировала и всё, чего я желала, – чтобы этот кошмар закончился. Он испугался, – по губам Майяри скользнула жуткая торжествующая улыбка, – попытался убить меня, но не смог обойти Защитницу.

Шидай было предостерегающе посмотрел на Ранхаша, чтобы тот не задавал лишних вопросов. Кто такая Защитница, можно уточнить и позже, когда Майяри будет более вменяемой, но Ранхаш даже не подумал открывать рот.

– Он вроде пытался остановить меня, поставить щит... – Майяри поморщилась и попыталась потереть лоб, но харен продолжал мягко удерживать её руки. – Я не помню точно, кажется, всё же пытался... В любом случае остановить меня, когда я в таком состоянии, такими смехотворными способами нельзя. Только убив или сломав в моём теле столько костей, чтобы я не могла более находиться в сознании. Последнее всегда помогало.

Ранхаш похолодел, представив её изломанное тело, и пристально взглянул на Шидаю. Тот нахмурился и отвёл глаза. Спайки на костях рук и ног у девушки действительно были.

– А потом я похоронила всех нас, – с мрачным удовольствием закончила Майяри, и взгляд её застыл.

Ранхаш слегка подался вперёд, вглядываясь в её глаза, и тихо произнёс:

– Деший нет среди погибших.

Зрачки девушки дрогнули и расширились. На мгновение она застыла, потом её брови чуть-чуть изогнулись, верхняя губа приподнялась, обнажая зубы, и в глазах мелькнула ярость. Мелькнула и исчезла, сменившись ясностью. Безумие испарилось без следа, пугающе быстро превратившись в осмысленность. Взгляд обрёл трезвость и твёрдость. Майяри будто бы за несколько секунд превратилась в прежнюю здравомыслящую себя, выпрямилась и, холодно взглянув на харена, потребовала:

– Отпустите.

Ранхаш разжал пальцы, освобождая её руки. Майяри уставилась на едва исходящую паром чашу и потянула к ней дрожащие ладони.

– Мне нужно съесть это, – уверенно заявила она и попыталась взять ложку.

Скрюченные пальцы не хотели слушаться, ложка выскользывала и билась о края чаши. Майяри уже хотела просто обхватить посудину руками и выпить её содержимое, как поднялся харен.

– Я помогу.

Ранхаш забрал чашу и под настороженным взглядом девушки и удивлённым – Шидаю зачерпнул ложкой бульон и направил её в сторону Майяри. Та смерила его подозрительным взглядом, но всё же открыла рот и слегка подалась вперёд. Ей нужны силы, чтобы жить дальше.

– Уверена, что хочешь вернуться туда? – уже у двери спросил Шидай.

Майяри вцепилась в его пояс и, закрыв глаза, перевела дыхание. После бульона сильно тошнило и кружилась голова. Её продолжало потряхивать и казалось, что безумие вот-вот вернётся опять. При мысли, что ей придётся оказаться рядом с Виидашем, становилось невыносимо страшно, но ещё больше она боялась не увидеть его.

– Хорошо, – правильно истолковал её молчание Шидай и потянул дверь на себя.

Девичьи пальцы судорожно впились в его пояс, да и сам Шидай на мгновение оторопел.

Госпожа Ярена, едва сдерживая слёзы, суежилась рядом с сидящим Виидашем. Господин Юварий просто стоял и мрачно смотрел на молодого господина. Бледного, осунувшегося, с потухшим безжизненным взглядом. Казалось, что Виидаш продолжал быть без сознания, просто кто-то зачем-то посадил его и открыл ему глаза. Но так казалось только какое-то мгновение. Стоило двери распахнуться, как взгляд его стремительно переместились на лицо Майяри. Страх тугой струной натянулся в груди девушки, и она забыла как дышать.

В полумраке голубые глаза Виидаша казались серыми, а пустота придавала им какую-то жуткую потустороннюю глубину. На мгновение Майяри показалось, что она сейчас провалится в них и умрёт. А затем губы Виидаша шевельнулись и раздался тихий прерывистый шёпот:

– Помоги... мне...

Майяри словно кто-то в спину толкнул. Вырвавшись из рук господина Шидаю, она бросилась к другу и, забравшись на кровать, подползла к нему. Виидаш подался вперёд и, рухнув лицом на её колени, что есть сил впился пальцами в её бёдра. Хриплый рык смертельно раненного зверя сотряс его тело, и Майяри, закусив губы, чтобы сдержать рыдания и мольбы о прощении, склонилась, закрывая его спину собой.

Глава 3. Пробуждение к жизни

– Их принесли...

Майяри бдительно прислушалась, а затем бросила настороженный взгляд на Виидаша, опасаясь, что он тоже что-то услышит. Безучастно серый взгляд друга не изменился, но девушка всё равно занервничала.

– Виидаш... он должен знать, – донёсся до её слуха прерывистый голос госпожи Ярены.

– Не сейчас, он слишком подавлен. Госпожа, давайте поговорим в другом месте.

Майяри горячо поддержала господина Шидая и опять бросила обеспокоенный взгляд на друга. Тот сидел на постели, опираясь спиной на подушки, и смотрел на одеяло совершенно равнодушным взглядом. Девушка почувствовала, как узел переживаний затягивается в груди ещё сильнее.

Вчера Виидаш рыдал у неё на коленях, выплёскивая своё отчаяние, горе и чувство вины. Вместе с ними он, похоже, выплеснул и все остальные чувства. Теперь он не реагировал, когда к нему обращались, не отвечал на вопросы, не показывал, что ощущает чужие прикосновения... Словно из тела изъяли душу.

Виидаш послушно размыкал губы, когда к ним прикасалась ложка, глотал не жуя всё, что положат ему в рот, ложился в постель, когда на его плечи нажимали, и даже закрывал глаза, когда по ним проводили ладонью. Последнее Майяри казалось особенно жутким: словно усопшему веки опускают.

Девушку пугало такое безжизненное состояние друга, но в то же время она дико боялась того момента, когда он наконец осознанно посмотрит на неё. Она очень сильно страшилась того, что он возненавидит её. А он может возненавидеть её...

Дверь так резко распахнулась, что Майяри вскочила от неожиданности и шагнула к кровати, намереваясь... Она сама не понимала, что хотела сделать. Броситься на защиту Виидаша? Но защищать друга не пришлось. Через порог стремительно перелетел и бросился к кровати больного высокий крепкий небритый мужчина с густой светловолосой гривой до самых плеч. Майяри невольно отступила, узнав господина Итара – отца Виидаша.

Мужчина молча обнял сына и крепко прижал к своей груди. В комнате опять повисла тишина, нарушенная только спустя пару десятков секунд тихими шагами. Майяри вздрогнула, увидев остановившегося на пороге харена. Тот встретил её пристальным взглядом, почему-то не очень одобрительно посмотрел на её голову и опять перевёл взгляд на господина Итара. Тот наконец отстранил безучастного сына от груди и с жадностью уставился на его лицо.

– Тёмные, Виидаш, – пророкотал он и опять, но уже куда бережнее, прижал к себе.

Взгляд его прошёлся по комнате и замер, наткнувшись на Майяри. Сперва он словно бы удивился, видимо, не ожидал увидеть её здесь или просто не ожидал встретить так скоро. А затем голубые глаза сощурились и потемнели от гнева, приобретя цвет грозового неба. Майяри ответила мрачным взглядом. Её совершенно не волновали гнев или даже ненависть родственников Виидаша, её страшил только он сам. Хотя ранее они с господином Итаром прекрасно ладили. Если господин Ерон выражал неприкрытую неприязнь, а госпожа Ярена, глядя на супруга, лишь сдержанное неодобрение, то отец Виидаша всегда встречал её очень дружелюбно, называя «глупой хитрой человечкой». Это прозвище приклеилось к Майяри ещё при первом знакомстве с семьёй Виидаша, и она никогда не обижалась на него. Хитрой человечкой её тогда назвал Ерон Ишый, заявив, что она решила облапошить его правнука и примазаться к знатному роду. Зычный хохот господина Итара тогда громыхал на весь дом. Заявив, что если это действительно так, то его будущая невестка самая глупая из хитрых человечек, так как такого разгильдяя, как его сын, ещё поискать надо, господин Итар высказал Майяри свои соболезнования и расхохотался уже в ответ на возмущение сына.

Видимо, времена, когда они ладили, безвозвратно ушли в небытие.

Ранхаш быстро отметил недружелюбный настрой и постучал в дверной косяк, привлекая внимание господина Итара к себе. Тот резко обернулся, одаривая недружелюбным взглядом уже чужака.

– Вы кто? – неприязненно проворчал мужчина.

Господин Итар обладал зычным голосом и говорить тихо у него получалось плохо. Когда он понижал тон, казалось, воздух начинал дрожать.

– Харен Ранхаш Вотый, – представился Ранхаш. – Я расследую дело об ограблении сокровищницы.

– А-а-а, – неприязненный взгляд опять переместился на Майяри. – То дело, в которое влезла она и затащила моего сына.

Майяри спокойно выдержала этот упрёк. Пока он звучал не из уст Виидаша, она могла это вынести.

– Я опекун Амайяриды Мыйм, – глаза Ранхаша предостерегающе прищурились.

– Вотые, как всегда, впереди всех, – зло усмехнулся господин Итар, осторожно опуская сына обратно на подушки. – Кажется, я начинаю понимать, почему дед вас так терпеть не может.

– Майяри, выйди, – попросил Ранхаш, – нам с господином Итаром нужно поговорить.

– Да нет, зачем же? – мужчина криво усмехнулся, прожигая Майяри взглядом. – Пусть остаётся. Мы же будем говорить о том, что произошло по её вине. Так ведь, Майяри?

– Верно, – спокойно согласилась та, с лёгкостью выдерживая презрительный взгляд.

– Какое самообладание... – господин Итар поднялся. – Наверное, думаешь, что мой сын заслужил это за своё предательство?

Мужчина шагнул к ней, но второй шаг сделать не успел. Кто-то вцепился в его пояс и с силой дёрнул обратно на кровать. Не успел господин Итар опомниться, как его шею сковал локтевой захват, а Майяри с распахнутыми от ужаса глазами бросилась к нему.

– Виидаш, нет! – завопила она.

Нападавший замер, и его рука перестала давить на горло господина Итара. Мужчина скопил глаза вправо и увидел бледное безжизненное лицо своего сына.

– Виидаш, это твой отец, ты чего? – девчонка дрожащими перебинтованными руками попыталась оттянуть руку Виидаша на себя, и он после секундной заминки поддался.

– Боги, Виидаш! – в комнату забежала госпожа Ярена и в ужасе прижала руку ко рту.

– Пожалуйста, не надо больше, – голос Майяри нещадно дрожал и хрипел.

Она оползла господина Итара справа и обняла Виидаша, прижимая его руки к бокам.

Господин Итар скользнул взглядом по перебинтованным скрюченным пальцам девчонки и устался на её макушку. Девушку трясло как в лихорадке, и самообладание, так взбесившее его ранее, бесследно исчезло. Мужчина наконец обратил внимание на её болезненный вид, спутанные волосы и платье его жены, висевшее на Майяри мешком. Медленно обернувшись, он тяжело устался на харена и произнёс:

– Я готов побеседовать.

– Думаю, для этого лучше выбрать другое место, – харен спиной вперёд шагнул за порог.

Как только отец скрылся за порогом, Виидаш ошутимо расслабился и Майяри вместе с госпожой Яреной смогли уложить его на подушки, после чего заняли кресла по разные стороны кровати.

Майяри до боли (даже стараться особо не пришлось) сцепила ладони, пытаясь унять дрожь, сотрясающую всё её тело. На мгновение она до ослепляющего ужаса испугалась, что Виидаш всё-таки свернёт шею своему отцу. Подобного она перенести бы уже не смогла. И это она ранее наивно думала, что способна вынести любые беды и испытания? Оказывается, она

даже не представляла, какими могут быть настоящие беды. Она, как та самая Рена, видимо, считала, что нет боли сильнее той, что она уже пережила. Какая глупость!

Бросив испуганный настороженный взгляд на Виидаша, Майяри посмотрела на госпожу Ярену. Та устало глядела на сына и совершенно не обращала внимания на нежеланную гостью. Словно бы смирилась с её присутствием, увидев однажды, как сын судорожно хватается за острые колени, рыча и захлёбываясь слезами от отчаяния. Майяри чувствовала неприязнь, исходившую от женщины, но та более ни словом её не показывала.

Майяри опять перевела взгляд на Виидаша и почему-то вспомнила своё самое первое впечатление, которое возникло у неё при встрече с госпожой Яреной. Её поразило, насколько всё же Виидаш был непохож на свою мать. Слишком хрупкая, тонкая и нежная. Как такая женщина могла родить такого большого и сильного сына? Сколько Майяри ни смотрела, она не могла найти ни одной похожей чёрточки. Даже их волосы, светлые у обоих, имели разные оттенки: волосы Виидаша отливали золотом, а длинные локоны госпожи Ярены больше подошли на хлопок.

– Иди спи, – отрывисто приказала госпожа Ярена, не отрывая усталого взгляда от сидящего сына.

Майяри обеспокоенно взглянула на друга, затем на его мать и всё же поднялась, не осмелившись перечить.

Ей выделили покои рядом с комнатой Виидаша, чтобы и Шидаю было недалеко бегать от одного больного к другому, и сама Майяри могла спокойно добраться до спальни друга. Лекарь почему-то был убеждён, что её присутствие благоприятно влияет на Виидаша. Сама же Майяри была уверена в обратном.

Уже в гостиной девушка поняла, что здесь её точно не ждали. Из спальни глухо доносились мужские голоса. С некоторым замешательством она поняла, что подходящим местом для разговора харен счёл её спальню, видимо, решив, что в ближайшее время она от Виидаша никуда не уйдёт. Пару секунд Майяри боролась с собой, а потом всё же осторожно подобралась к двери и прижалась к щели ухом.

– Я приехал, как только смог, – мрачно сказал господин Итар, усаживаясь в кресло и окидывая харена неодобрительным взглядом.

Невозмутимости отпрыска семьи Вотый могла позавидовать и эта девчонка. Итар что-то уже слышал про Ранхаша Вотого, но память выдала какую-то несурязицу о беспощадной тени. Тень у парня вроде бы нормальной, Итар на всякий случай посмотрел.

– Внизу я видел тела Рены и... Арона, – мужчина слегка замешкался, не уверенный, что опознал второе тело правильно.

– Лекарь осмотрел их, и мы не посчитали нужным держать их у себя и дальше, – харен присел и вытянул левую ногу. – Так как у Арона нет других родственников, мы сочли возможным привезти его тело вам.

– А почему девчонка всё ещё здесь ошивается? Может быть, вы не заметили, но здесь её видеть не рады.

– С большим удовольствием я забрал бы Майяри в свой дом, но мой лекарь, господин Шидай, уверен, что её присутствие пойдёт на пользу душевному состоянию вашего сына, – Ранхаш взглянул так, что холодом повеяло. – И господин Ерон согласился потерпеть её присутствие.

– Шидай? – глаза Итара удивлённо округлились. – Шидай Итыший?

– Даший, – прохладно поправил его Ранхаш. – Теперь он Даший.

Господин Итар растерялся и нервно отёр лоб.

– Вот как... Последний раз я его видел, когда мне было десять. Не думал, что после того, как дед и моя мать...

– Не будем об этом, – холодные жёлтые глаза упреждающе прищурились, и Итар сжал губы.

– Да, простите, – Итар, ещё минуту назад с трудом удерживающий свою ярость в узде, почувствовал себя виноватым. – Моя жена написала мне, что Арона и Рену похитили, чтобы Арон вытянул из Майяри какие-то сведения с помощью запрещённого ритуала, а когда те заартачились, их убили. Виидаш успел спасти только Майяри.

Ранхаш шевельнул ноздрями и бросил недовольный взгляд на дверь.

– К сожалению, так и есть, – подтвердил он. – В Санарише не так много хороших артефакчиков, способных провести такой ритуал, а на Арона можно было надавить, угрожая его племяннице. Видимо, злоумышленники сперва пытались договориться с ним, но он упёрся и Рену похитили с праздничного гуляния вместе с Майяри. Увы, мы подросли к их логову позже вашего сына.

– Куда влезла эта девчонка?! – в ярости прошипел Итар, стискивая кулаки и едва сдерживаясь от того, чтобы не броситься обратно и не задушить причину всех бед. Рена была такой милой девочкой! Разве она заслужила это?

Ранхаш не спешил продолжать, наблюдая за господином Итаром, и, когда счёл, что тот уже слегка успокоился, добавил:

– Это официальная версия.

Итар резко вскинул голову.

– То, что я скажу вам сейчас, вы не скажете больше никому. Ни своему деду, ни жене, ни кому-то ещё, – Ранхаш слегка склонил голову и приподнял брови. – Я и вам расскажу это только для того, чтобы вы могли помочь своему сыну. Он спас... мою подопечную, так что я в долгу перед ним.

Господин Итар выпрямился, напряжённо всматриваясь в лицо харена и ощущая, как внутри зарождается и разрастается очень нехорошее предчувствие.

– Арон Дебрий был одним из участников ограбления сокровищницы.

Эти слова вышибли дыхание из груди Итара, но он быстро восстановил самообладание и судорожно втянул воздух.

– Не может быть, – решительно заявил он. – У него нет на то причин.

– Есть, – не согласился с ним Ранхаш. – И у него, и у Рены.

– Рена-то здесь причём? – зарычал Итар.

– Ваш сын оказался обманут ими, – спокойно продолжил харен. – В ночь ограбления госпожа Амайярида возвращалась от лекаря и столкнулась с умирающим господином Ахрелием. Видимо, преступники решили, что старик перед смертью сказал ей, куда спрятал артефакты, но госпожа Майяри, испугавшись прихода стражи, которая явилась к ней с обвинениями в ограблении и убийстве, сбежала и поставила этим настоящим грабителей в тупик. Видите ли, у неё в Санарише нет близких, через которых можно было бы до неё добраться. Только ваш сын.

В комнате повисла звенящая тишина.

– Это ложь! – категорично заявил Итар. – Я не знаю, что именно вы хотите проверить, но...

– Главный свидетель того, что я говорю правду, – ваш сын.

Ранхаш опустил руку в глубокий карман плаща и выложил на стол кинжал. Глаза Итара зацепились за родовой герб семьи Ишый.

– Это нашли в груди Рены.

В голове стало пусто.

– Дознание проводила она. В ту ночь они искали Майяри и первой её нашла именно Рена. Виидаш же оказался случайным свидетелем.

– Это не он...

– Возможно, – покладисто согласился с ним харен. – Сам он пока это подтвердить не может. И я не уверен, что стоит его об этом спрашивать сейчас.

Итар вспомнил лицо своего сына и похолодел.

– Я не стал отражать это в отчёте, – Ранхаш подтолкнул кинжал в сторону Итара. – У нас есть причины, по которым мы не хотели бы оглашать истинное отношение Арона и Рены к этому делу.

Итар с самым ошалевшим видом запустил пальцы в волосы и неверяще уставился на кинжал.

– Но как это может быть? – мужчина непонимающе уставился на харена. – Они же столько прожили в Санарише и у всех были на хорошем счету. Это... это... – лицо его исказилось, – насколько нужно быть лживыми тварями, чтобы вот так спокойно врать и обманывать всех. Ладно Арон, но Рена! Это же совсем юная девочка! Как в своём возрасте она могла быть такой насквозь лживой?

– Я не могу ответить на этот вопрос. Думаю, вам стоит дождаться момента, когда разум вашего сына вернётся и он сможет сам развеять ваши сомнения, – равнодушно отозвался Ранхаш. – В принципе это всё, что я хотел вам сказать. На счёт Амайяриды можете не переживать. Она пробудет здесь столько времени, сколько Шидаю потребуется, чтобы попытаться помочь Виидашу. И она не будет противиться отъезду, я же прав?

Холодный взор переместился на дверь. Господин Итар невольно перевёл взгляд туда же. Медная ручка дрогнула, проворачиваясь, и створка медленно распахнулась, открывая взгладам стоящую на пороге Майяри. Девушка окинула мужчин мрачным взглядом и замерла, став до жути похожей на поднятую некромантом покойницу.

– Не буду, – тихо ответила она на вопрос харена.

– Не нужно смотреть таким взглядом, – неожиданно жёстко сказал Ранхаш. – Вам, госпожа Майяри, проще чувствовать виноватой во всём себя, но придётся смириться с тем, что это не так. Господин Итар, я могу попросить вас оставить нас? Мне нужно поговорить со своей подопечной о пользе и вреде подслушиваний.

Итар неспешно смерил застывшую Майяри взглядом и поднялся. Когда он проходил мимо, девушка посторонилась и зажмурилась. Открыла она глаза, только когда услышала хлопок двери в гостиной. И тут же столкнулась с недовольным взглядом харена.

– Подойдите сюда, – Ранхаш встал и поманил её рукой.

Девушка настороженно посмотрела на него, ощущая, что он почему-то сердится.

– Ну же.

От пристального взгляда мурашки по коже пробежались, а когда харен в очередной раз поманил её рукой, у Майяри возникло ощущение, что он сейчас выполнит своё обещание, данное ей, когда он нашёл её в сарайчике: выпорот. Сцепив руки перед собой на уровне пояса, девушка осторожно сделала два шага навстречу господину Ранхашу и замерла, чем вызвала недовольную складочку между бровей мужчины.

– Ближе, – потребовал он и запустил руку во внутренний карман.

У Майяри аж сердце споткнулось, а мысли в узел завязались, когда она попыталась вообразить, что же он сейчас достанет.

– Понять не могу, почему Шидай до сих пор сам этого не сделал, – недовольно процедил Ранхаш, вытаскивая на свет расчёску.

При её виде у Майяри даже рот приоткрылся от непонимания.

– Повернитесь, – не дожидаясь выполнения приказа, Ранхаш сам подошёл и повернул девушку к себе спиной.

– Ай! – невольно вырвалось у Майяри, когда он дёрнул её за волосы.

– Простите, – раскаяния в его голосе не было ни на грамм, – у вас волосы вокруг ленты завязались.

Майяри непонимающе хлопнула глазами и беззвучно открыла и закрыла рот. Он её расчёсывать собрался? Все недавние горести ненадолго отступили в тень перед этим вопиющим происшествием.

– Вы же хотели поговорить о вреде подслушиваний, – поспешила напомнить девушка.

– Лишь слова потрачу впустую. Будет больно, – предупредил Ранхаш. – От каменной пыли всё слиплось. Если не прочедем, придётся отрезать, а вы и так не очень выглядите.

– Я? – невольно возмутилась девушка.

– Я вроде бы однозначно говорил про вас, – мужчина с мрачной безнадёжностью уставился на колтун, щедро сдобренный строительным мусором.

– А я должна радовать ваш взор? – почему-то разолилась Майяри, чувствуя, как зубцы расчёски впиваются в что-то жёсткое на голове. Это у неё волосы такие?

– Мне было бы любопытно увидеть вас хоть раз полностью здоровой, – колтун выпустил зубья расчёски, оставив в них клочок волос. Девушка сдавленно выдохнула. – Но, похоже, это останется моей недостижимой мечтой. Хм-м... Мне кажется, в прошлый раз волос у вас было больше.

Раздосадованная Майяри посчитала ниже своего достоинства что-то отвечать на это и, стиснув зубы, приготовилась терпеть попытки харена разобраться с её волосами.

Чтобы разобрать все колтуны и вычесать весь мусор, харену потребовалась почти четверть часа. Майяри, ослабленная после травм, быстро устала, но терпела, решив, что жалоб от неё оборотень точно не услышит. Но когда самое сложное осталось позади, и пальцы господина Ранхаша начали скользить между её прядями, порой оглаживая кожу головы, Майяри почувствовала стыд за то, что волосы у неё грязные и нечёсанные. Остро захотелось искупаться и смыть с себя наверняка неприятный запах.

– Всё, – Ранхаш полюбовался на несколько кривовато заплетённую косу (с перебинтованными пальцами лучше не получилось) и, отступив, убрал расчёску в карман.

Майяри едва на колени не упала от облегчения.

– Устали? – Ранхаш запоздало обратил внимание её трясущиеся локти и отступил в сторону, открывая путь к кровати. – Идите ложитесь.

Майяри не стала перепираться и, добравшись до постели, плюхнулась на покрывало. Руки харена было дёрнулись, чтобы подхватить её, но мужчина вовремя себя остановил.

– Отдыхайте, – склонив голову, оборотень стремительно развернулся и, хромая, покинул комнату девушки.

Майяри приподняла лицо и, прищурившись, проводила его взглядом. Когда дверь за мужчиной закрылась, девушка перевернулась на спину и вытянула косу перед глазами. На мгновение она озадачилась, решив, что волос действительно стало меньше, а потом вспомнила, что сама отрезала от них часть.

– В прошлый раз... – недовольно пробурчала она. – Сказал, словно бы уже не первый раз меня расчёсывает. И сдалась ему моя причё... – девушка осеклась и резко села, пристально вглядываясь в переплетения прядей.

Так и есть! Глаза не обманули её. В тёмно-русой косе блестела улика, подтверждающая только что совершённое деяние: серебряный волос. Майяри без труда нашла его кончик и с лёгкостью вытянула.

– Вот же Тёмные... – искривила губы девушка, оценивающе осматривая длинный (длиннее, чем у неё) волос.

Осмотревшись, Майяри встала и, подбежав к камину, быстренько спровадила в него серебряного чужака. Воровато осмотревшись, девушка уже спокойнее направилась к кровати и только там спохватилась и громко ударила себя по лбу. Вот что за глупости она творит?

Глава 4. О несправедливости мести

– Боги, стоит ненадолго уснуть, как все начинают шевелиться, – Майяри подняла голову, встречая ворчащего Шидаю взглядом. – Как чувствуете, поганцы! Что Ранхашу здесь нужно было?

– Он с отцом Виидаша говорил. И тела Рены и её дяди привезли.

– О, – многозначительно приподняв брови, Шидай опустил на кровать рядом с ней. – Ну последнее я знаю. Госпожа Ярена спрашивала, как лучше сообщить об этом Виидашу.

– И? – Майяри с жадностью уставилась на лекаря.

– Никак, – поймав непонимающий взгляд девушки, он пояснил: – Лучше вообще не говорить.

– Думаете, Виидаш не захочет проводить Рену? – ужаснулась Майяри. Она была уверена, что друг захочет.

Как выяснилось, господин Шидай тоже был в этом уверен.

– Захочет, но это ему ничего не даст, – пожал он плечами. – Поэтому лучше не надо. Ему это не поможет и даже может сделать только хуже.

– Но увидеть её в последний раз... – не понимала девушка.

– А он не видел её мёртвой? – Майяри осеклась, заметив в глазах господина Шидай усталость и что-то очень похожее на тоску. – Мертвецы через несколько дней после смерти выглядят не самым лучшим образом. В таком виде близких лучше не запоминать. О, ты причесалась!

– А? – рассеянно отозвалась Майяри. Мужчина так стремительно поменял тему разговора, что она не сразу нашлась с ответом. – А, да.

– И как ты умудрилась справиться с этим гнездом?

– Да кое-как справилась, – отмахнулась девушка. – Я слышала разговор харена с господином Итаром и поняла, что господин Ранхаш хочет по какой-то причине скрыть участие Рены и её дяди в этом деле. Почему?

– А ты против?

Майяри опустила глаза и отрицательно мотнула головой. Она была даже рада, что преступление Рены не коснётся Виидаша хотя бы в виде общественного порицания.

– Ранхаш думает, что в городе должны ещё оставаться поделщики Арона. Кто-то из мелких сошек. Раскрытие артефактика спугнёт их, а так ещё есть шанс кого-то выловить.

– Байки мне травите? – девушка неприязненно прищурилась. – Если у них есть мозги, то они уже залегли на дно.

– Ой-ёй, а кто-то у нас, оказывается, хорошо разбирается в поведении преступников, – судя по улыбке, Шидай ничуть не расстроился, что его сказочка не заимела успеха. – В сыскари не хочешь податься? Да ладно, не смотри на меня так разгневанно! На это есть две причины и обе исключительно благородные. Первая причина, – лекарь наставительно поднял палец вверх, – весомых доказательств их вины у нас до сих пор нет. Ты в качестве свидетеля слишком у многих вызываешь недоверие. Репутация у тебя сейчас очень своеобразная, почти как у Викана, только в другом направлении. А из Виидаша вменяемого свидетеля пока не получится и не известно, получится ли.

Да ладно? И это господин Ранхаш не нашёл-то весомых доказательств? Опять сказки. Опытный маг с лёгкостью определит, кто именно закачивал силы в печать Украденных Воспоминаний.

– И вторая причина. Виидаш всё же спас тебя, будет слишком сурово после этого подвергать его общественному порицанию из-за деяний его жены... – Шидай прервался, по взгляду Майяри сообразив, что она сейчас придушит его, и отбросил шуточный тон. – Причина есть, Майяри.

– И мне её знать нельзя, – девушка очень старалась сдержаться, но голос всё равно задрожал. – Может быть, у меня есть хотя бы крохотное право знать?

Шидай окинул её взглядом и признался:

– Вообще-то Ранхаш должен был тебе сам рассказать, но, видимо, как всегда тянет. Или ждёт, когда ты в себя придёшь.

– Да он, наверное, считает, что я всегда не в себе! – фыркнула девушка. – Единственный способ добыть информацию у харена – это вытащить её из вас.

Шидай польщённо усмехнулся. Улыбка, правда, быстро сползла с его лица, уступив место озабоченности.

– Причина на самом деле кроется в мотивах Арона и Рены, – неохотно признался он. – Я всё-таки выудил из Ранхаша кое-какую правду, – Майяри заслужила неодобрительный взгляд, – об украденных артефактах. И меня это совсем не порадовало, – лекарь холодно прищурился, и черты его лица как-то заострились. Девушка вдруг поняла, что, несмотря на весёлость, господин Шидай был очень зол. – Двенадцать лет назад в окрестностях Жааниды произошла неприятная история. Две весьма знатные семьи крупно повздорили, – помедлив, господин Шидай назвал и имена родов: – Лерый и Жиин. Наследник семьи Жиин во время пьяной ссоры убил младшего члена семьи Лерый. Выяснение отношений вылилось в кровопролитную схватку, и под горячую руку подвернулся торговый отряд, следующий в Жааниды. Погибли все.

Перед глазами предстало разъярённое лицо Рены.

«...каково это – услышать, что твои мама и папа больше никогда не вернутся...»

– В то время обе семьи финансировали освоение северных земель. Переселенцы под их флагами шли в дикие земли строить новые поселения. Стоит ли говорить, что подобный инцидент сильно бы подмочил им репутацию и количество добровольцев сократилось бы? Хайнесу пришлось замаять это происшествие. Зачинщики и наиболее ярые участники были наказаны и лишены покровительства семей. А родственникам погибших выплатили щедрую компенсацию, – помолчав, Шидай добавил: – Арон от денег отказался.

Майяри опустила на постель, ощущая, как тяжелеет в груди.

– В Жааниды они с Реной остались совсем одни. С родственниками погибших в той войне старались связь не поддерживать. Боязно было. Мол, сейчас вышестоящие деньги им платят и на раны дуют, а потом уберут за излишне длинные языки. А заодно и тех, кому они потрепаться успели. Вот Арон с Реной и вернулись в Санариш, тут им полегче было. Как понимаешь, хайнес, выгородивший убийц матери и отца Рены, благих эмоций вызвать у них не мог. Собственно, по этой причине Ранхаш и не стал пытаться доказать их вину посмертно. Об их участии он знает и из расследования этот факт не упустит. Нет, не нужно считать его излишне сентиментальным. Это тут не при чём. Ранхаш не очень хорошо относится к покровительству, которое хайнес вынужден порой оказывать, – судя по скривившемуся лицу лекаря, харена этот факт невероятно бесил, – поэтому это своего рода справедливость. Хайнес скрыл преступление убийц, а Ранхаш скрыл попытку мести именно со стороны Дебриев. Своего рода компенсация, от которой когда-то отказался Арон.

– А если хайнес прознает об этом покровительстве?

– Переживаешь за Ранхаша? – Шидай хмыкнул, но почти тут же опять стал серьёзным. – Если говорить об участии Арона и Рены, то придётся сообщить и причины и разворошить эту историю с Лерыми и Жиинами. Хайнесу это тоже не нужно. Можно отмазаться заботой о его спокойствии, а там, если что, Шерех подсобит.

Шидай умолк и с сомнением посмотрел на бледное лицо Майяри, думая, рассказывать ли ещё кое-что, и всё же продолжил:

– Вчера Ранхаш опять допросил слуг Арона, пытаясь вызнать что-то про этого Дешия. Нынешние слуги вообще ничего про него не знают, но, как выяснилось, служили они Арону

всего шесть лет. Ранхаш нашёл кое-кого из старых слуг, и они рассказали, что раньше в доме жил старик, безбородый, с длинными седыми волосами. Весь такой благостный, вежливый, всегда готовый помочь. Он к Рене был приставлен как нянь, говорят, баловал девчонку нещадно. Лет пять прослужил, а потом куда-то исчез, и никто не знает куда. То ли умер, то ли расчёт взял и уехал.

Майяри закрыла голову руками и уткнулась лицом в покрывало. Тяжесть с груди переползла на всё тело.

– Не принимай это так близко к сердцу, – Шидай вздохнул и погладил скрючившуюся Майяри по голове. – Они сами выбрали этот путь.

С губ девушки сорвался судорожный вздох.

– А как выбрать другой путь, когда кто-то близкий, кому ты доверяешь больше всего, твердит, что это единственно верный путь? – тихо спросила она, и лекарь в замешательстве посмотрел на неё. – Я уверена, Деший не молчал. Если бы вы видели его, то сразу поняли бы, кто главный в этом деле. Вот вы все говорите, – вы все так будете говорить! – что они сами выбрали свой путь, сами всё сотворили, осуждаете их... А кто-нибудь из вас подумал протянуть им руку помощи и вытянуть из того болота, в которое они угодили? Хоть кто-нибудь? Нет, вы жалели их, но при этом считали, что они сами должны справиться. Обязаны! – последнее слово она выплюнула с таким отвращением, что Шидай почувствовал вину. – Все обязаны быть смелыми, умными, рассудительными и поступать правильно. И плевать, что с ними происходит, они всегда обязаны быть сильными. А если ты не можешь быть сильным, что тогда? Не жить? Но ведь все вокруг слабые. Все!

Майяри вскинула голову и, тяжело дыша, уставилась в окно. Перед глазами плавали тёмные пятна, и ей казалось, что весь мир осуждает Рену и её дядю.

– Что будет со всеми этим хорошими и правильными людьми, если в самый тяжёлый момент в их жизни, когда им будет казаться, что они полностью раздавлены, никто не захочет им помочь? Им будут сочувствовать, жалеть, но руку помощи никто не протянет. Они же окружены такими же, как они сами. Неужели они действительно будут считать себя обязанными быть сильными? Ха! Да они просто никогда не были на самом дне и не знают, что там, в пучине отчаяния, ты не хочешь быть сильным. Ты ничего не хочешь! Всё, что ты можешь, – это страдать! А потом приходит что-то другое: злость на окружающих за то, что оставили тебя в одиночестве, ненависть, вина, жажда заставить кого-то страдать... Да, ты можешь выползти из всего этого сам. Но, окружённый такой гадостью, ты подобен слепцу и просто ползёшь из той ямы, в которую угодил, цепляясь за те уступы, что окажутся под рукой. Куда ты выползешь? – Майяри зло рассмеялась. – Это никогда не известно. Человек в таком состоянии слаб, слаб! Говорить ему, что он обязан быть сильным? Да вы просто издеваетесь! Вам просто-напросто лень протянуть руку помощи или хотя бы подсказать нужное направление. Вы же не обязаны кого-то вытягивать, но этот кто-то обязан выползти и стать правильным в ваших глазах. И вот такие ленивые идиоты смеют кого-то осуждать!

– Прости, Майяри, я погорячился, – Шидай осторожно прикоснулся к локтю девушки, но та резко отстранилась. – Я выбрал неправильные слова. Я понимаю, о чём ты говоришь. Я прожил долгую жизнь и измерил дно не одной ямы. Поверь, не все люди ленивы. Есть те, кто готов веками вытаскивать тебя, а потом ещё и тащить на своей спине.

– И их тоже вытащили, – Майяри, погружённая в собственное отчаяние, совершенно не замечала попыток Шидая приободить её. – Деший!

Перед её глазами предстали Арон и Рена. Арон более молодой, совсем юный, а Рена – рыжекудрая очаровательная малышка. Майяри никогда не видела их такими, но возбуждённое воображение услужливо нарисовало их образы. Они потерянно жались друг к другу, смотрели с болью и отчаянием. Они только что пережили несправедливую утрату и не знали, как спра-

виться с этим. И перед ними появился ласково улыбающийся Деший, который и заключил их в свои объятия.

– Господин Шидай, вы можете себе представить, насколько близким может стать тот, кто помог тебе выбраться из пучины отчаяния?

– Могу.

– Я бы умерла за этого человека, – выдохнула Майяри. – Я бы приняла за веру каждое его слово. Деший стал их единственной поддержкой. Поддержкой сильной, крепкой, нерушимой. Арон и Рена же не имели близких отношений с кем-то ещё после гибели близких. Деший был единственным, кто оказался рядом. И он говорил им то, что должно быть правильным и справедливым. Они ведь действительно до конца верили, что поступают так, как нужно.

– Майяри, – тихо позвал Шидай, и девушка вздрогнула, словно бы просыпаясь.

– Простите, – закрыв лицо ладонями, она откинулась на подушку. – Вы ни в чём не виноваты, господин Шидай, а я на вас так...

– Нестрашно, – лекарь опять прикоснулся к её локтю, и в этот раз девушка не стала вырываться.

– Просто я могу их понять, – голос Майяри прозвучал глухо. – Я была в таком же положении. Мне было десять, когда единственного моего близкого изувечили и выбросили.

Глаза Шидаея распахнулись, а лицо выбелилось.

– Я ненавидела. Я дико, ужасающе сильно, до сумасшествия их ненавидела и мечтала отомстить! И мне было плевать на цену. Я была готова убивать невинных, лишь бы они мучились. Если бы мне пришлось убить тысячи невинных, чтобы стереть этих тварей с лица земли, я бы убила! И знаете, почему я не отомстила? Потому что меня некому было поддержать. Не было никого, кто бы сказал, что моя мечта о мести правильна. Меня окружали только враги, у меня не было ни одного единомышленника, зато врагов было много, и они были сильны и умны. Мысли о мести я оставила только через семь лет и то потому, что устала мечтать об этом и поняла, что слишком слаба. И я стала мечтать о более доступном – о свободе.

Девушка отняла руки от лица и уставилась в потолок.

– Вот почему когда ты начинаешь мстить, то почти всегда перестаёшь быть справедливым?

– Потому что на несправедливость хочется ответить тем же, заставить врага почувствовать ту же обиду, – спокойно отозвался Шидай, вытягиваясь рядом с ней, а потом и вовсе ложась головой на живот Майяри.

– И что вы делаете? – устало спросила девушка, чувствуя, как его руки обнимают её.

– Ну тебе в твоей яме, наверное, одиноко... – протянул лекарь.

«... в твоей яме...». Смешок вырвался сам собой.

– Вы такой несерьёзный, – фыркнула Майяри и, перекатившись набок, прижала голову господина Шидаея к своему животу. – Спасибо вам.

– Не за что. Полежим немного и полезем наверх?

Майяри опять фыркнула и тихо прошептала:

– Знаете, господин Шидай, если бы тогда, в мои десять лет, рядом со мной были вы, я выросла бы в замечательного человека, – и после недолгой паузы малость озадаченно добавила: – Хотя господину Ранхашу ваше присутствие почему-то не помогло...

Шидай смущённо кхекнул и вместо ответа погладил девушку по спине. Обломанный ноготь зацепился за волос в её косе, и лекарь, к своему смущению, выдернул его, но Майяри даже не вздрогнула.

– Ой, прости, – повинулся он, вытягивая трофей. – Ого! Да у тебя седые волосы есть. И такие длинные... – в голосе лекаря зазвучало подозрение. – Майяри, а как именно ты расчёсывалась?

– Он сам предложил, – буркнула девушка, не имея ни желания, ни сил врать и выкручиваться.

– Да ты что?! – воодушевлённый Шидай отстранился от неё и тут же притянул на свою грудь. – И как это было?

– Эй, вы чего? – возмутилась Майяри и попыталась отпихнуть приставучего лекаря. – Да волосы он мне все чуть не выдернул! Отпустите меня. Вы мне грудь зажали.

Шидай разжал руки, и девушка торопливо скатилась с него, но укатываться далеко не стала. Так и осталась лежать рядом, недовольно зыркая глазами.

– Кстати, насчёт груди, – мужчина перевернулся набок и, вытянув руку, постучал длинным пальцем в её грудь.

Майяри с недоумением осмотрела сперва палец, а потом вопросительно взглянула на его хозяина.

– Я пока ничего не говорил Ранхашу, – вкрадчиво промурлыкал Шидай. – Оставил тебе шанс самой признаться. Ты уж не забудь рассказать ему о такой важной вещи.

Майяри опять посмотрела на свою грудь, и осознание молнией прошило её. Но вместо прежнего страха внутри зашевелились лишь обречённость и усталость.

– Хорошо.

После всего произошедшего это уже не казалось ей настолько важным.

Глава 5. Судьба коршуна

Ранхаш раньше никогда не задумывался над тем, как проходят праздники в его жизни, но сейчас, глядя на украшенный город, щедро осыпаемый снегом, и радостных горожан, у него мелькнула мысль, что он впервые встречает Обновление года так паршиво. Шидай всегда измышлял способы, чтобы заставить своего господина в этот день освободиться от всех дел и обязанностей и полностью поступить в его распоряжение. Не отдавая ранее должного усилиям лекаря, сейчас Ранхаш понял, что был бы не против оказаться за праздничным столом рядом с весело улыбающимся Шидаем.

Экипаж вильнул и нырнул под чугунную арку ворот санаришской школы магии. Недалеко от учебного корпуса харена поджидал мрачный Дагрэн.

Дождавшись, когда Ранхаш ступит на снег, мастер неспешно направился к нему.

– Утро доброе, – голос оборотня, впрочем, ничего доброго не предвещал. – С праздником вас, харен.

Если бы мастер не был так мрачен и серьёзен, то Ранхаш заподозрил бы его в издевательствах. Какой уж тут праздник?

– Доброе утро. Как Род?

– Пока в постели валяется, – не очень охотно отозвался Дагрэн, – но рот у него уже не закрывается, так что скоро встанет на ноги. Вы к мастеру Милиму?

Ранхаш кивнул.

– Я провожу.

Дагрэн развернулся и направился в сторону учебного корпуса. Когда харен поравнялся с ним, оборотень неожиданно пробормотал:

– Простите, я оплошал.

– Я тоже проявил себя не лучшим образом, – отозвался Ранхаш.

– Как Майяри?

– Приходит в себя, уже огрызается.

– Неплохо, – хмыкнул Дагрэн.

Холл встретил их яркими праздничными огнями. Обычно полутёмный и освещаемый лишь солнцем, сейчас он был ярко озарён десятками стеклянных шаров, в которых игриво плясали разноцветные огни. Несколько из этих шаров ринулись следом за мужчинами на лестницу и отстали, только когда те остановились перед дверью комнаты преподавателей.

– Пошёл отсюда, поганец!

Мастер Дагрэн и харен едва успели отшатнуться, как дверь отворилась, грохнулась о стену, и через порог перескочил довольно ухмыляющийся Мадиш, с ног до головы перемазанный светящейся голубой краской.

– Мастер, мы теперь с вами одного окраса, – с самоубийственной наглостью заявил парень и, обернувшись, оторопел, круглыми глазами уставившись на мрачного харена. – Ба! Да на ловца и зверь бежит! Я... Эй!

Ранхаш наклонился и ловко поднырнул под локоть закрывающего проход парня.

– Пойдите! Мне нужно знать, что с Виидашем и Майяри. Мастер!

Дагрэн, натянув на ладонь рукав, пихнул ученика в измазанное краской плечо и, шагнув за порог, быстро захлопнул дверь перед его носом.

– Откройте! – возмущённый парень дёрнул створку на себя, но мастер оказался сильнее.

И опытнее. Начертив на двери несколько знаков, мастер Дагрэн с удовольствием отметил, что звук недовольного голоса затихает, а сама дверь словно приклеилась к косяку. О попытках прорваться внутрь теперь говорила только слегка подрагивающая ручка. Крайне довольный собой, Дагрэн с улыбкой развернулся и ошарашенно выпучил глаза.

Стоящий к ним спиной мастер Милим неохотно повернул голову и неприязненно уставился на посетителей серым глазом, от кромки на лбу до скулы перечёркнутого голубой полосой. Дагрэн невольно скользнул по обнажённому торсу артефактника взглядом и почувствовал замешательство. Широкою в плечах и узкою в талии спину украшала витиеватая татуировка с изображением хищной птицы, которая, распахнув крылья, клювом и когтями рвала кого-то с четырьмя лапами. Птица казалась сотканной из длинных узких полос дыма, а кончики её крыльев будто бы зачерпывали туман или же сами были им.

Бросив рубашку на пол, мастер Милим полностью развернулся к гостям и исподлобья уставился на харена. На груди татуировок не было, но выглядела она всё равно очень живописно, украшенная голубыми разводами просочившейся сквозь одежду краски. Но особенно интересно смотрелся густой мазок на животе. Словно кусочек статуи из голубого мрамора. Одной из тех поделок, что услаждали взор сладострастных дам.

– Вы не очень вовремя, – прямо заявил Милим, перебрасывая длинную косу на грудь и невольно украшая плащ харена мелкой россыпью голубых капель.

– Мастер Милим, что этот гадёныш учудил? – выдохнул поражённый Дагрэн.

– Шантажировать меня вздумал, белобрысый лисёныш! – с оттяжкой прошипел артефактник, окидывая недовольным взглядом свои сапоги. Разводы на них раскрывались бутонами диковинных цветов. – Из-за дружков своих, – обжигающий взгляд достался Ранхашу. Дагрэну даже показалось, что от ледяного харена сейчас пар пойдёт. – В дом Ишыев его не пускают. Наверное, это дело рук ваших оборотней?

– Состояние Виидаша и Майяри не позволяет им принимать гостей, – не счёл нужным отнекиваться Ранхаш.

Ноздри Милима дрогнули. Дагрэн решил было, что артефактник что-нибудь скажет, но тот лишь прихватил зубами нижнюю губу.

– Но почему он вас... – Дагрэн не закончил фразу, но окинул фигуру товарища по ремеслу очень красноречивым взглядом.

– Потому что меня к расследованию привлекли, – с досадой отозвался Милим, – и этот... – мастер запнулся, явно с большим трудом удерживая внутри парочку крепких определений, – с пухом вместо мозгов решил, что я в курсе происходящего.

– И ради этого он вас... – Дагрэн запнулся, и Милим с вызовом приподнял голубую бровь, – ... покрасил?

Почему-то выкрашенный голубыми пятнами артефактник смеха не вызывал. И сочувствия тоже.

– Заявил, что это его изобретение и смыть её можно только с помощью определённого ритуала, – Милим презрительно искривил губы, и Дагрэн всё же ему посочувствовал.

Хоть он и преподавал здесь совсем недавно, но о друзьях Майяри успел послушаться разного. Мадиш как изобретатель был не просто нулём, этот талант у него уходил в минус. Большая часть его изобретений появлялась случайно и выдавала такие дичайшие результаты, что тот же мастер Милим месяцами устранял их последствия, выворачивая мозг наизнанку в попытках понять причины случившегося. Даже любопытно, как долго он и сам Мадиш будут столь вызывающе светиться? Дагрэн сильно сомневался, что Мадиш на самом деле знает, как свести эту пакость.

– Тварёныш! – Мадишу очень повезло, что он уезжает учиться в Жаанидый. В этот раз он, похоже, поскрёб по донышку терпения мастера Милима.

Тряхнув головой, Милим тяжело взглянул на харена и кивнул на стулья. Ранхаш мельком осмотрел покрытые голубыми крапинками сиденья и предпочёл остаться на ногах. Сам артефактник хотел устроиться в своём кресле, но, опомнившись, хлопнул себя по заднице и, с досадой уставившись на окрасившуюся ладонь, передумал.

– Я по поводу осмотра места, где держали Майяри, – спокойно заявил Ранхаш.

– Это я уже понял, – недовольно отозвался Милим. – Результаты меня очень озадачили. Хотелось бы надеяться, что вы кое-что проясните, но, зная вашу репутацию, думаю, терзаться мне любопытством до самой старости.

– Возможно, – согласился с ним харен. – Так что вы можете сказать?

– Печать активировала Рена, – уверенно заявил Милим. – Украденные Воспоминания – штука весьма сложная в исполнении. При начертании нужно учесть очень много деталей, но сил на её активацию требуется совсем мало. Основную часть энергии для своей работы печать берёт уже у жертвы, поэтому та к концу и умирает. Вот только почему это сделала Рена?

Харен стойко выдержал пристальный взгляд и даже не подумал хоть что-то прояснить.

– А кто чертил печать? Неужели она же?

– Нет. Рена была усердной ученицей, но артефактология её не увлекала. Она не смогла бы столь аккуратно и грамотно сделать что-то настолько сложное. И это был не Арон.

– Вы уверены?

– Я знаю почерк Арона. Это не он. Кто-то другой. Очень опытный и знающий. Линии выводились прямо на каменной плите без чернового наброска: я не нашёл следов мела, угля или чего-то подобного. Ни одной переделки, ни одного затирания. Лично я не смог бы сделать всё так аккуратно.

– Может, вы нашли что-то ещё?

– Да, – серые глаза прищурились, – я нашёл, что плохо знаю Майяри.

В комнате повисла тишина. Дагрэн прислонился спиной к бесшумно подрагивающей двери и напряжённо уставился на мастера Милима и харена, которые мрачно смотрели друг на друга.

– Что-то конкретное? – почему-то в голосе Ранхаша зазвенела едва уловимая угроза.

– Весьма конкретное, – угроза в тоне артефактика была более ощутимой. – Я осмотрел трупы. От раны одного из них разит магией. Его убили чем-то магическим или же самой магией, что требует очень больших сил.

– И при чём здесь Майяри? – харен даже позволил себе приподнять брови в недоумении.

– След, оставленный её силами, я распознаю безошибочно. Дом разрушила тоже она, – Милим отвернулся от гостей и повёл плечами. Птица на его спине словно бы взмахнула крыльями. – Я знал, что она весьма щедро одарена, но не думал, что её силы настолько велики.

– Вас это беспокоит?

– Меня беспокоит, жива ли она после этого, – мастер круто развернулся. – Перегореть и сдохнуть после такого совсем несложно. Её ведь никто, кроме ваших оборотней, не видел после той ночи.

Спокойно выдержав тяжёлый взгляд, Ранхаш медленно откинул упавшую на лицо прядь, не спеша отвечать. Он ощущал какое-то странное, совершенно неблагоприятное удовольствие, мучая раздражительного артефактика молчанием. Тот так откровенно пытался вызнать детали произошедшего, может, его, Ранхаша, просто злит такая наглость?

– Не переживайте, – наконец ответил он. – Она уже пытается ругаться со мной.

Лицо Милима ощутимо смягчилось, и это отчего-то не понравилось Ранхашу ещё больше.

– А Виидаш? – казалось, мастер спросил про парня больше из вежливости, чем из интереса.

– Ему хуже, – не стал скрывать харен, – но раны затянутся.

– Рад за него, – прозвучало откровенно фальшиво.

Дагрэн вздрогнул, ощутив особенно сильный толчок в спину. Дверь тряслась сильнее, и мужчина даже заподозрил, что этот обормот сейчас вынесет её вместе с наложенным заклинанием.

– Больше вы ничего не обнаружили?

Милим отрицательно мотнул головой, и Ранхаш, мазнув взглядом по двери, решил, что ему совсем не хочется сталкиваться с наглым и упорным щенком, и, шагнув к окну, распахнул его и бесшумно выскользнул наружу.

Дагрэн ошарашенно посмотрел ему вслед и с досадой подумал, что при встрече надо высказать Шидаю всё, что он думает о воспитании мальчишки. Даже не попрощался! Раздражённо дёрнув дверь на себя, мужчина посторонился, уступая место на полу грохнувшегося Мадишу. Парень мгновенно собрался и, вскочив на корточки, совершенно звериным взглядом уставился на Дагрэна. Даже оскалиться посмел, наглец! Никакого воспитания у молодёжи!

– Живы, идут на поправку! – рявкнул он парню. – Если не будешь дурака валять, то через неделю сможешь в гости к ним сходить.

Приподнятая губа опустилась, и Мадиш обрадованно улыбнулся. Но не успел он от души порадоваться, как горло его захлестнул воротник и Дагрэн за шиворот выволок его в коридор. Дверь захлопнулась, и Милим с досадой посмотрел на неё. Он и сам был не прочь намылить шею засранцу.

Захлопнув окно за ушедшим хареном, мужчина устало вздохнул и прижался лбом к стеклу. Голубые разводы тут же украсили прозрачную поверхность и заискрились на солнце. Милим попытался уверить себя, что всё прекрасно. Ему вполне достаточно просто знать, что в ней всё в порядке. Но зверь внутри остервенело щёлкал клювом и хлопал крыльями, требуя, чтобы его выпустили на волю. Он-то уж точно притащит свою законную добычу в гнездо, и неважно, что гнезда пока нет. Гнездо будет. Своё гнездо.

Милим тряхнул головой и усилием воли задавил терзавшего его зверя. Второй раз ту же ошибку он повторять не намерен. Пусть он больше не наследник рода Кийши, но позволить себе опять показать чувства к человечке не может. Горячо обожаемые родичи только и ждут шанса, чтобы отплатить ему за его «справедливость».

Отстранившись от стекла, Милим дыхнул на него и вывел на помутневшем клочке одно слово: «Мсть». Внимательно взгляделся в него и стёр. Справедливость? Изгнанник рода Кийши, бывший наследник, отлучённый от семьи из-за своего переходящего все границы чувства справедливости... Иногда ему было даже смешно слышать подобное, но чаще всего внутри вскипала злость, не желавшая утихать и спустя почти полтора века. Справедливость? Милим стиснул зубы. Ему было плевать на справедливость. Он просто мстил. Мстил высокородным тварям, посчитавшим безродную человечку слишком унижительной партией для блистательного наследника прославленного рода Кийши. Тварям, решившим спасти честь семьи и честь брата, одурманенного похотью к очаровательной простушке. Разве столь низкая девушка способна вызывать что-то, кроме похоти?

Перед глазами мелькнули залитые кровью комнаты, растерзанное тело могучего мужчины, который до последнего пытался защитить свою жену и дочь от четырёх оборотней, изломанная фигура задушенной женщины и краешек голубого подола, выглядывающего из-за угла. Милим рывком выдернул себя из воспоминаний, так и не позволив заглянуть за угол. Затуманенный жаждой крови разум прояснился, и мужчина широко раскрытыми глазами уставился на спящую белизну снега.

Нет, о справедливости он точно не думал. Если бы не Хеш Вотый, то от семей «спасителей» никого бы не осталось. Милим и сейчас считал, что было бы очень неплохо избавиться от них. Незачем жить тем, кто не смог достойно воспитать своих сыновей. За последние три года эти мысли всё чаще и чаще посещали его.

Перед глазами встала уже другая девушка. Строгая, серьёзная, с тяжёлым тёмным взглядом. Совершенно не милая, не очаровательная, слишком взрослая для своего возраста и чересчур суровая. Её даже нельзя было назвать очень красивой, но Милиму почему-то она казалась прекрасной. А он ведь ей даже не понравился при первой встрече.

Мастер окинул недовольным взглядом первогодок, безошибочно определив будущих смутьянов и лентяев. Последних было больше, чем первых. Глаза зацепились за недовольную девчонку, которая, как нахлывшийся воробей, сторонилась скачущих вокруг наглых ворон, забившись в самый дальний угол аудитории. Одежка потрёпанная, писчие принадлежности самые дешёвые, зато осанка прямая, а взгляд кристально ясный, не замутнённый юношеской безалаберностью. Ну из этой ещё, может, выйдет какой-то толк.

– Ты, – Милим пальцем поманил девчонку. – Как тебя зовут?

Та неохотно встала и представилась:

– Амайярида Мыйм.

Брови мастера удивлённо приподнялись. Что за странное имя дали этому ребёнку?

– Подойди сюда, – велел он. – Вместе с вещами.

На лице ученицы появилось замешательство, но она всё же сгребла свои вещи и подошла к учителю. Тот приобнял её за плечи и окинул класс острым взглядом.

– Так, с кем бы тебя посадить?

Девчонка дёрнулась, и Милим, бросив взгляд на её лицо, на мгновение опешил, увидев в её глазах страх и ярость. Ученица быстро опустила голову, но неприязнь словно бы повисла в воздухе, и Милим невольно ощутил себя несправедливо обиженным. Он же ей ещё ничего не сделал? Решив не заострять внимание на непонятной реакции, мастер опять вкинул голову и уставился на высокого золотоволосого парня, занявшего стол в первом ряду у самого окна.

– Как звать?

– Видаш Ииый! – бодро отрапортовался оборотень, даже не пытаясь сдержать шкодливую улыбку.

– Подвинься, она с тобой сядет, – Милим подтолкнул девчонку в спину и с досадой отметил, что она даже посмела воспротивиться и замерла, не спеша знакомиться с будущим соседом.

Парень, даже не подумав подвинуться, вскочил и галантным жестом предложил девушке занять место ближе к окну. Та недовольно искривила губы и всё-таки пошла занимать предложенное место. Едва она уселась, как Видаш плюхнулся рядом и, нагло улыбаясь, придвинулся, прижимая её к подоконнику.

– Привет, бука. Будем дружить? – лучезарной улыбке не хватало только игриво мотающего хвоста.

Девушка живо напомнила Милиму мышку, загнанную обаятельным золотистым котяткой в угол. Зубастую мышку.

– Не прижимайтесь ко мне, господин, – холодно потребовала она, и класс прыснул, услышав её «господин».

– Да ладно, чего ты так жмёшься? – мурчал наглец. – Не съем я тебя. Даже не покусаю. И не поцарапаю.

– Сейчас я кое-кого съем, – с намёком протянул мастер Милим, и Видаш не очень охотно отодвинулся от одноклассницы. Но недалеко и ненадолго.

К концу занятия у Амайяриды был такой затравленный и ошалевший вид, что Милиму даже стало её немного жаль.

Открытая неприязнь Майяри почти полгода ставила Милима в тупик. Он всё никак не мог понять причины, даже заподозрил, что она имеет какое-то отношение к его семье, с которой он был в просто отвратительных отношениях. Но причина неприязни оказалась даже забавной.

Ошарашенно уставившись на прокушенную ладонь, Милим непонимающе уставился на не менее ошеломлённую Майяри, губы которой были измазаны в крови. Он всего-то хотел отдёрнуть её в сторону, чтобы дерущиеся парни не зацепили её. Видаш и Мадии, секунду

назад сосредоточенно мушкетировали друг друга, замерли, продолжая держать друг друга за грудки.

Девушка торопливо сложила ладони на поясе и степенно поклонилась.

– Простите, мастер, – покаянно произнесла она. – Я не специально. Это само собой вышло.

– Так, меня это достало, – Милим, и так разозлённый идиотизмом драчунов, разъярённо уставился на согнувшуюся девушку. – Я уже давно чувствую, что не нравлюсь тебе. Имеешь какие-то претензии, так говори в лицо!

Майяри подняла голову и виновато посмотрела на него.

– Видят боги, мастер, я ничего против вас не имею.

– Тогда какого Тёмного?!

Девушка замешкалась и стрельнула глазами по сторонам, словно выискивая пути к отступлению.

– Поймаю, – поставил точку в её метаниях мрачный преподаватель.

И она сдалась.

– Я не очень птиц люблю, – тихо призналась она.

– Птиц не любишь? – поразился Милим.

– Да, – неохотно подтвердила девушка. – Больших птиц.

– И хищных, – добавил ухмыляющийся Видаш.

Отпустив Мадииша, парень поднялся и, помешкав, протянул тому руку. Помощь тот проигнорировал, но, встав, бросил на недавнего соперника уважительный взгляд, мол, ты ничего так. Видаш ответил тем же, типа и ты тоже.

– Боится и не любит, – заложил подруку Видаш. – Поэтому вы для неё что-то вроде пугала.

– Видаш! – мгновенно разъярилась девчонка.

Тем же вечером Милим без стука вошёл в комнату Майяри и плюхнул на стол перед удивлённой девушкой прямо поверх учебников ястреба.

– Вот, выбрал из школьных посланников самого крупного, – мастер с достоинством отряхнул рукав и ещё раз оценил полукруглые отпечатки зубов на своей ладони. – Гладь его и отучайся бояться.

– Вы думаете, что, трогая его, я научусь птиц любить? – возмутилась Майяри, едва удерживаясь от того, чтобы на стуле не отъехать подальше от стола.

– Ты их сперва бояться отучись, балда, а потом уже любить попробуешь, – Милим не удержался от лёгкого подзатыльника.

Майяри напряжённо уставилась на объект страха, и тот, словно ощущая её «любовь», угрожающе щёлкнул клювом. Характер у посланника был тот ещё, но если поладит с этим, то и с остальными тоже проблем не будет.

– Общайтесь.

Милим развернулся и направился прочь. Уже у двери до его слуха донёсся грозный клёкот, а затем и мрачное обещание:

– Ещё раз попытаешься меня клюнуть, и я тебе хвост выдеру.

Обернувшись, Милим увидел, что Майяри и ястреб, одинаково нахохлившись и прищурившись, смотрят друг на друга и, казалось, готовятся к драке.

– Посланника вернуть в целостности и сохранности, – сказав это, артефактик оставил девушку разбираться со своими страхами.

Когда он вернулся спустя полчаса, то понял, что разборки были очень рьяными. По комнате летали перья, разгоняемые дующим в открытое окно ветром, ястреб, негодующе кле-

коча, сидел на шкафу, а мрачная Майяри, выставив перед собой подушку, пыталась испепелить его взглядом из дальнего угла на кровати.

Воспоминания потянулись одно за другим. Они успокаивали и вызывали улыбку на лице и тепло в груди.

Майяри отшатнулась от бросившегося на неё мелкого, всего-то до её колена, ящера и врезалась в мастера Милима, но отстраняться не поспешила. Наоборот, смерив преподавателя взглядом, обтёрлась об него телом, перетекая за его спину. Милим даже не попытался сдержать усмешку.

– Майяри, мы на практике или где? – провокационно спросил он.

– А мы разве пришли сюда не печатать чертишь? – разочарованно протянула девушка. – Этими тварями нам вроде мастер Лодар грозился.

Тяжело вздохнув, Майяри всё же отлепилась от спины мастера и зашарила по округе взглядом, выскивая подходящую палку, чтобы отбиться от острозубой рептилии.

– Да пошутил я, – сжалился над ней Милим, и обрадованная девушка тут же шагнула за его спину и уже из-за неё ехидно взглянула на скалящегося ящера, который по неведомой причине опасался приближаться к артефактику.

– Эй, Майяри, ты что там делаешь? – возмутился появившийся Видаш.

– Укрываюсь, – девчонка насмешливо приподняла брови.

– За мастером?!

– Надо уметь выбрать укрытия, – с достоинством отозвалась та.

– А так можно было? – Видаш перевёл взгляд уже на улыбающегося преподавателя.

– Ну если ты сумеешь до меня добраться... – Милим многозначительно кивнул на ещё двух ящерков, вынырнувших из кустов.

– Ох, ё...

А он ведь был уверен, что эти двое никогда не смогут стать чем-то большим, нежели друзьями.

– Класс, тихо! – гаркнул вскочивший на стол Видаш.

– Эй, ты чего себе позволяешь! – рявкнул мастер Милим. – У нас урок.

Парень, словно и не слыша его, вовсю мощь лёгких провонил:

– Мы с Майяри решили поженимся!

Его вопль потонул в ликующих криках, сквозь которые едва-едва пробился голос смущённой Майяри. Плюхнувшись на стул, Видаш притянул девушку к себе и, лучась широкой улыбкой, заявил:

– Как только закончим учиться, сразу сыграем свадьбу!

– Или позже, – мстительно прошипела красная как мак Майяри.

– Ты издеваешься надо мной, что ли? – возмутился Видаш, и одноклассники огульно расхохотались.

А Милим почувствовал дыхание бездны, разверзшей пасть у его ног. Внутри всколыхнулась ненависть, дикая, всепоглощающая, сжирающая заживо. Захотелось выклевать глаза этому ублюдку, разорвать его грудь когтями, поднять высоко в небо и уронить где-нибудь в горах. Захотелось убить его за то, что он осмелился любить простую человечку. За то, что он сделал то, что побоялся сделать сам Милим.

Милим с трудом вырвал себя из воспоминаний, которые опять начали опасно заволакивать разум кровавой пеленой. Тяжело дыша, он снова прижался лбом к стеклу и уставился на слепящее яркое солнце.

Видимо, судьба у него такая – любить только человек.

Глава 6. Жизнь для других

Разбудил Шидаю горестный всхлип госпожи Ярены. Женщина стояла в дверях его спальни и, комкая в пальцах платок, плакала.

– Он... собрался куда-то, – с трудом выдавила она.

Лекарь пару раз моргнул, пытаясь прогнать из головы какой-то прилипчивый, как и любой бред, сон, и зашарил рукой по полу, выискивая сапоги.

Зайдя в спальню больного, мужчина обнаружил, что Виидаш, глядя перед собой безжизненным взглядом, стоит рядом с постелью и смотрит в сторону дверей на террасу, за стеклами которых всё сильнее и сильнее падал снег. Итар, опасаясь слишком сильно давить на изломанное тело сына, пытался уговорить его вернуться в постель, ненавязчиво подпихивая в нужную сторону.

– Виидаш, тебе пока нельзя вставать. Ложись, полежи, – густым басом уговаривал отец.

Шидаю тяжело вздохнул. Так-то действительно вставать парню было ещё очень рано, но это первый его поступок, который был более-менее похож на осознанное действие. Такое нужно поощрить.

– Отпусти, пусть идёт, – велел он Итару.

Тот с сомнением взглянул на лекаря, но потом всё же отошёл с дороги, и Виидаш медленно, пошатываясь, пошёл в сторону террасы.

Подозрительно оглянувшись на дверь (не прибежала ли на всхлипывания госпожи Ярены вездесущая Майяри), Шидаю знаком велел Итару оставаться на месте и, подхватив одеяло, сам направился следом за парнем и даже открыл ему дверь. Тот, слепо выставив руки перед собой, зашаркал дальше и, схватившись за перила, наконец остановился. Подошедший Шидаю молча набросил на его плечи одеяло и встал рядом, облокотившись на каменный бортик.

Сквозь густую пелену снегопада едва-едва можно было различить тёмные очертания древесных стволов и лохматые холмики кустов. А стену, что окружала поместье, настолько сильно запылил снег, что она словно бы исчезла и глаз видел бескрайнюю снежную равнину.

Шидаю искоса посмотрел на бледного парня и слегка сдвинул брови на переносице. Раны Виидаша после совместных усилий двух лекарей потихоньку начали заживать, и тело приходило в норму, но вот душевное состояние оборотня не изменилось ни на йоту. Всё тот же безжизненный серовато-голубой взгляд и безучастное выражение лица. Лучше бы уж он мебель ломал. Достучаться до того, кто выливает свои страдания наружу, куда проще, чем до того, кто заперся изнутри.

– Где её похоронили? – неожиданно спросил парень.

Шидаю чуть удивлённо взглянул на него.

– Урну с пеплом положили в ваш семейный склеп, – помедлив, ответил он. – Арон там же, рядом с ней. Так как у них не было других родственников, оба тела отдали твоей семье.

– Благодарю, – тихо прошептал Виидаш.

– За что? – Шидаю взмахнул рукой, зачерпывая в горсть падающий снег.

– Преступникам не полагаются такие почести, но вы позволили.

– У нас были на то причины. Истину знают только пятеро: мы с тобой, Майяри, твой отец и харен. Для всех остальных Арон и Рена – невинные жертвы чужого злодеяния, – лекарь стряхнул воду с ладони. – Это не благодарность за спасение Майяри. Хотя, может быть, и она тоже...

С губ Виидаша сорвался прерывистый вздох, но Шидаю даже не обернулся, опасаясь слишком пристальным взглядом спугнуть вылезшего из внутреннего заточения парня. Расширенными от ужаса глазами Виидаш смотрел на свои дрожащие ладони и дышал всё тяжелее и тяжелее.

– Невинные жертвы... – повторил он. – Это ведь я убил её... я...

Парень дёрнулся, и одеяло сползло с его плеч. Шидай помедлил, прежде чем неспешно склониться и опять набросить поднятое одеяло на дрожащего Виидаша.

– Она умерла потому, что я её убил...

– Поверь, даже если бы её убил не ты, ты бы всё равно чувствовал себя так, словно сам поднял топор палача.

Резко вскинув голову, Виидаш уставился на лекаря с испугом и удивлением. Шидай не торопился продолжать. Глубоко вздохнув, он выдохнул облако пара и невесело улыбнулся.

– Когда-то я пережил что-то подобное, – признался он. – Только потерь было две. И ещё пожирающее осознание того, что тебя предали и что ты сам предал.

У Виидаша подкосились ноги, и он что есть сил вцепился в перила. Шидай слегка приблизился, ненавязчиво подпирая его, и продолжил, каждым словом словно бы вливая в вены парня каплю яда.

– Ты никогда не сможешь себя простить, – спокойно заявил Шидай, чувствуя, как тяжелеет тело оборотня. – Никогда. И прежним уже никогда не станешь. Со временем боль станет терпимее, но не уйдёт. Даже если захочешь забыть, не забудешь.

Виидаш подался вперёд, с хрипом выталкивая из себя воздух.

– Я не смогу это вынести, – простонал он. – Не смогу...

– Придётся, – голос Шидаи звучал равнодушно. – Придётся жить дальше.

– Это невозможно, – прошептал Виидаш. – Как можно...

– Помни Рену.

Шидаю пришлось придержать Виидаша за локоть, чтобы его обессилевшее тело не свалилось вниз.

– Помни её и помни, какие страдания тебе принесла её смерть, – безжалостно продолжал лекарь. – Помни эту боль, всегда помни. И не забывай: у тебя есть мать, отец, Майяри, которые испытают такую же боль, если умрёшь ты.

Глаза Виидаша распахнулись от ужаса.

– Ты живёшь не только ради себя. Просто помни это.

Шидай разжал пальцы и опять перевёл взгляд на заснеженный парк.

– Первое время будет очень тяжело, поэтому просто помни это. Боль иногда, очень редко, может дать силу.

Наступила тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом падающего снега. Виидаш широко распахнутыми глазами смотрел куда-то вниз. Взгляд его опять будто бы остекленел, но на лице застыла растерянность.

Прошла почти четверть часа, когда Шидай решил, что они уже вдоволь наморозились и уже хотел завести Виидаша внутрь, как тот вдруг разомкнул губы и тихо произнёс:

– Я ведь действительно её любил. Я верю в то, что любил её.

Шидай посмотрел на светловолосую голову и подумал, что выслушать парня важнее. Простуду лечить проще, чем душевные раны.

– Я ведь не просто хотел её, – голос Виидаша задрожал. – Нет, Майяри я тоже хотел, но я терпел. Я мог терпеть это. Но Рена вошла в моё сердце иначе, чем Майяри. Тогда я переживал из-за исчезновения Майяри, так боялся, что с ней что-то случится, и ни с кем не мог поделиться своими переживаниями. Рена поддержала меня, просто сказала, что верит в невиновность Майяри, сказала, что всё образуется. Мне не хочется верить, что она не была искренней!

– Думаю, она всё же была честна в тот момент, – попытался утешить его Шидай. – Она же знала, что Майяри действительно невиновна.

Виидаш словно бы и не слышал его, продолжая дрожащим голосом изливать всё, что кипело внутри.

– Я полюбил её не сразу. Разве уже это не говорит о том, что я действительно её любил? Когда говорят о любви с первого взгляда, то чаще всего это плотское влечение, вспыхнувшее не настолько явно, чтобы отличить его от сердечных метаний. Но я ведь сперва испытал сердечные метания! Неужели то, что я полюбил на самом деле, ложь?

– Не думаю, – отозвался Шидай.

– Рена всегда выглядела такой испуганной, всегда чего-то боялась, но никогда в этом не признавалась, – продолжил лихорадочно шептать Виидаш. – Я так переживал за неё, не знал, чем помочь. Она же была такой слабой, хрупкой, маленькой. Кто угодно мог причинить ей вред. Я так хотел защитить её, а сам... – голос его сорвался, и по щекам потекли слёзы. – Я не могу объяснить, почему Рену я полюбил сильнее, чем Майяри. Майяри я тоже хотел защищать, но я выбрал Рену. А потом...

– Скажи, Виидаш, – тихо начал Шидай, прислушиваясь к судорожному дыханию парня, – если бы Майяри и Рена поменялись местами, кого бы ты убил? Если бы это Майяри была преступницей и убивала Рену, кого бы ты спас?

Виидаш задохнулся и закусил губы.

– Я убил бы... Майяри, – ему потребовалось почти две минуты, чтобы осмыслить и сказать это.

– И сейчас чувствовал бы себя так же. И Майяри, и Рену ты любил одинаково. Просто по-разному. Любовь – самое сложное чувство на свете. Даже прожив века, ты порой не можешь быть уверенным, что правильно понимаешь то, что чувствуешь. У любви множество граней, она может подарить блаженство, а может доставить страдания. И те, кто говорят, что прекрасно понимают то, что чувствуют, безбожно лгут себе и часто невольно становятся причиной страданий для остальных. Так же, как и те, кто путается в своих чувствах.

– Тогда... лучше не любить, – выдохнул Виидаш.

– Нет, – Шидай усмехнулся и покачал головой, – не лучше. Тебя-то любить будут, и ты станешь причиной чужих страданий. Люби, Виидаш. Лучше страдать самому, чем заставлять страдать других. Проверь, это проще.

Холодный ветер подул сильнее, и лекарь поёжился.

– Пойдём внутрь, тут что-то становится не очень уютно.

Обхватив Виидаша за талию, мужчина осторожно повёл его к дверям.

– Как с этим справились вы? – едва слышно спросил Виидаш. – Вы же тоже теряли.

– О, меня в качестве примера лучше не брать, – Шидай сощурил глаза в улыбке. – Я не справился, – и в ответ на чуть удивлённый взгляд Виидаша добавил: – Два века я просто топил своё горе в вине. Пьянствовал и искал проблем на свою шкуру. И находил. А потом в один день мне не дали опохмелиться и всунули в руки младенца. И в жизни появился новый смысл. Так что люби, Виидаш. Всё равно сюда, – он постучал пальцем по груди парня, – кто-нибудь заберётся и останется жить навсегда. Фух, как холодно! – вздрогнувший лекарь поспешил затащить притихшего парня в тёплую комнату.

Увидев заплаканное лицо Виидаша, Итар едва сдержал вздох облегчения и поспешил на помощь. Уже в одиночку с лёгкостью дотащил ослабевшего сына до постели и несколько грубовато с непривычки запихнул его под одеяло. Госпожа Ярена бросилась отогревать стопы своего ребёнка руками: на террасу он вышел босиком. Сердце её продолжало тоскливо сжиматься, но больной, уже не пустой взгляд Виидаша давал ей надежду, что всё образуется.

– Пойду я проведаю Майяри, а вы тут поешьте, – распорядился Шидай и, почёсывая замёрзшую спину, потопал на выход.

Виидаш проводил его взглядом и устался на свои ладони.

– Дорогой, может, ты что-то хочешь? – с надеждой спросила госпожа Ярена.

Господин Итар шикнул, мол, не лезь, женщина, пусть в себя ещё немного придёт, и старательно поправил сыну подушки, а то тот как-то кривовато сидел.

- Отец, а ты знаешь, кто этот Шидай? – неожиданно спросил Виидаш.
- Шидай? – оборотень нахмурился и озадаченно потёр лоб. – Ну... да.
- Что его с прадедом связывает?

Итар помолчал, тщательно обдумывая, стоит ли говорить больному и телесно, и душевно сыну правду, а потом решил, что, возможно, это встряхнёт его.

– Дед и отец Шидая были лучшими друзьями, – наконец сказал он.

– Были? – повторил Виидаш. Он осматривал свою ладонь с таким интересом, словно разговор его уже и не занимал. – Дед будто бы его боится.

– Боится, – мрачно признался Итар, накрывая ладонь сына своей рукой. – Когда-то он и моя мать отказали Шидаю в помощи, о которой он молил на коленях.

Глава 7. Предатель

Трибан с беспокойством через окно посмотрел на подкативший к сыску экипаж. Тревожность не оставляла его с того самого момента, когда он зашёл в кабинет харена, где тот распорядился собраться, и взглянул на тех, кого господин тоже пожелал увидеть. В последние дни господин Ранхаш частенько вызывал их с Варлаем, чтобы отдать распоряжения или же сообщить новости по делу об ограблении. Последние всегда были скудны, и Трибана не покидало ощущение, что харен порой недоговаривает или вовсе говорит неправду, но то были лишь догадки.

Сегодня вместе с ним в кабинет вошёл и Варлай, что данетия мало удивило. Удивил его и вызвал навязчивое беспокойство мрачный Харийд, глаза которого так и говорили, что парень совершенно не понимает, зачем его сюда звали.

Дверь экипажа распахнулась, и на присыпанную снегом мостовую прыгнул харен. Один. Вездесущий лекарь его не сопровождал уже который день, хотя Трибан слышал, что он объявился. Сам господин Ранхаш про Шидаю ничего не говорил, а спрашивать данетий почему-то опасался.

– Начальник приехал? – безошибочно прочитал по его лицу Варлай и поспешил отойти от двери на пару шагов.

– Зачем он нас созвал? Дело, что ли, поручить какое хочет... – Харийд старательно делал вид, что совершенно не волнуется, но сцепленные на локтях пальцы аж побелели.

– Вам двоим только дела поручать, – недовольно проворчал Трибан, отстраняясь от окна и поворачивая к входу.

На лестнице загремели шаги, и в кабинет наконец вошёл харен, принёсший с собой уличный холод и комки снега, осыпавшиеся с его капюшона и плеч. Жёлтые глаза скользнули по кабинету, не задержавшись на ожидающих мужчинах, словно их и не было, и на мгновение замерли на пылающем зеве камина. Скинув с плеч тяжёлый плащ, господин Ранхаш уселся в кресло и только после этого посмотрел на подчинённых.

– Что-то ещё случилось? – нахмурился Трибан.

– Варлай, закрой дверь плотнее, – холодно попросил Ранхаш, и вздрогнувший парень поспешил захлопнуть створку и даже повернул торчащий в замочной скважине ключ.

– Мне это не нравится, – процедил сквозь зубы Харийд. – Если что-то сказать хотите, то давайте без этого накаливания атмосферы, а то как мой папаша. Сперва жуть на всех нагонит, а потом по ерунде чихвостит.

Трибан пожалел, что стоит так далеко от стола. Даже запустить в обнаглевшего гадёныша нечем. Варлай сделал большие глаза и, пользуясь тем, что харен на него не смотрит, провёл пальцем по горлу. Мол, ты уж поаккуратнее. Это тебе не мой дед, который шею намылит и дальше служить отпустит.

– Среди вас троих есть пособник преступников, и мне хотелось бы знать, кто именно.

Прямота харена оглушила мужчин и на несколько секунд заставила их оцепенеть. Воцарившуюся тишину нарушило оглушительно треснувшее полено, и Варлай, очнувшийся первым, возмущённо вскинулся.

– Какое право вы имеете заявлять подобное? – голубые глаза потемнели от гнева, но вместо синевы приобрели серовато-коричневый оттенок коры дуба.

Трибан невольно вспомнил, что этот высокий худощавый красавчик вообще-то, как и он сам, медведь и зверь у него молодой и рьяный, способный по дурости сосны ломать.

– Варлай! – прикрикнул он на мальчишку и тяжело посмотрел на харена.

– Ну вот, опять я крайний! – Харийд сплюнул на пол.

– Тебе лично ещё никто обвинений не выдвигал, так что слюни подбери! – рявкнул на него данетий. – Харен, с чего вы решили, что предатель среди нас? Детали по делу и раньше сквозь пальцы утекали, до того, как появились эти молокососы, – Варлай и Харийд отнюдь не польщённо покосились на него. – Если под подозрениями только мы трое, то я подхожу больше всего. Но, – кустистые брови сошлись на переносице, – я бы скорее лично удавил того, кто убил Арона и Рену, чем помогать ему полез.

– Госпожа Майяри при первом допросе была несколько неточна в своих показаниях, и преступники каким-то образом узнали об этом и пытались этим воспользоваться. При допросе присутствовали пятеро: я, господин Шидай, данетий Трибан, Одаш и Харийд, – харен перевёл взгляд с Трибана на хаги. – Господину Шидаю я верю как себе, – не постеснялся признаться Ранхаш. – Одаша арестовали сразу после допроса, и охраняли его мои оборотни. Передать весточку подельникам он не мог. Варлай, – холодный взгляд кольнул вздрогнувшего парня, – приставлен к делу как помощник и имел доступ к отчётам. И мне интересно, кто именно выдал посторонним детали следствия.

Мужчины растерянно переглянулись и нахмурились.

– Я вообще ни с кем это не обсуждал, – Харийд почесал макушку. – Даже родичам, как и обещал, не писал. У нас не очень ценится, если ты треплешься о чужих тайнах. Да и о чём там говорить? Она ж бредила и бред несла!

– Действительно, – согласился с ним Трибан. – Каждому сыскарю в самые первые дни в голову вдалбливается, что то, что услышано на работе, остаётся на работе. Пока новичок язык за зубами держать не научится, ни к чему серьёзному его не подпускают. Даже Варлай, каким бы недотёпой он ни казался, это уразу... Варлай?

Побледневший парень широко распахнутыми глазами смотрел в пол и беззвучно шевелил губами.

– Варлай, – уже испуганно позвал Трибан.

– В-вероятно, это я, – едва слышно прошептал оборотень. – Я... – прикрыв глаза ладонью, парень умолк и через несколько секунд всё же продолжил: – Я напился в таверне и разбрехал это всем, кто там был. Не подумал, что это важно.

Трибан глухо застонал и саданул по стене кулаком. Ранхаш, прищурившись, уставился на пошатывающегося парня, словно ожидая продолжения, но Варлаю больше нечего было сказать.

– Данетий, вы знаете, что делать, – холодный взгляд уткнулся в Трибана.

– Придурок, – с жалостью протянул тот, не отводя взгляда от ссутулившегося подчинённого, а затем обречённо посмотрел на харена. – Тюрьма всё ещё восстанавливается. Здесь его запереть?

– Да, – Ранхаш перевёл взгляд на застывшего Харийда. – Свободен.

Тот ошеломлённо посмотрел на него и опять уставился на Варлая, которого уже успел взять за локоть данетий, а затем уже неуверенно шагнул к двери.

Расслабиться себе Ранхаш позволил, только когда шаги на лестнице стихли. Вытянув безбожно ноющую ногу, мужчина откинул голову на спинку кресла и приготовился ждать. Он не был уверен, что этот гость придёт, но всё же надеялся на это.

– Это здесь.

Варлай вскинул голову, заслышав приглушённый голос данетия Трибана, а затем звяканье ключей. Тяжёлые шаги развеяли гулкую тишину подземелья и на подступах к клети разбавились похрупыванием соломы.

– Только недолго, – попросил Трибан, бросая взгляд на сидящего на полу парня. – Харен посещения не воспретил, но, вероятно, решил, что об этом я сам додумаясь. Только из уважения к тебе, Варий, и из жалости к глупости твоего внука позволяю это.

– Спасибо, – гулко отозвался данетий Варий, и Трибан, похрустывая соломой, удалился.

Звонкая тишина подземелья затягивалась. Варлай, подтянув ноги к груди, тарачился на мышь, которая в полной темноте шуршала в подстилке, пытаясь отыскать завалившиеся зёрнышки. Тяжело дышавшего по другую сторону решётки деда он словно бы не замечал.

– Варлай, – тихо, со страданием и жалостью выдохнул данетий и прижался лбом к стальной перекладине. – Что ж ты натворил...

– Зачем пришёл? – прохладно поинтересовался внук.

– Дурень! Кто за язык тебя тянул? – едва слышно простонал данетий. – Мог бы промолчать, никто бы ничего не доказал.

– За честь семьи стало совестно, – почему-то в голосе парня появилось что-то ядовитое. Варий шумно задышал, будто бы желая что-то сказать и в то же время не рискуя.

– Иди отсюда, не терзай, – Варлай прижался затылком к холодной стене и прикрыл глаза.

– Варлай...

– Иди, – процедил парень.

Опять повисла звонкая тишина.

– Я тебя вытасу, – пообещал Варий и развернулся, чтобы уйти.

– Эй, дед, – неожиданно позвал его Варлай, и данетий, обернувшись, увидел, как светятся в темноте глаза внука. – Поддай в отставку, – помолчав, парень едва слышно добавил: – А то я могу вспомнить, что не было никакой таверны и слушатель был всего лишь один. И не ходи сюда больше. Не марай честь семьи общением с таким неудачником, как я.

Закрыв глаза, Варлай опять откинулся на стену. Данетий ещё минуту постоял у решётки, а затем развернулся и, тяжело ступая, направился прочь.

Стук в дверь вырвал Ранхаш из неожиданно напавшей на него дрёмы. Внутри вскинулось недовольство, захотелось послать визитёра чистить улицу и опять окунуться в сон. Ещё и снилось что-то на редкость приятное, травяное, летнее...

– Входите, – разрешил мужчина, выпрямляясь в кресле.

Через порог решительно переступил мрачный данетий Варий. Глаза Ранхаша слегка прищурились.

– Прошу прощения за неурочный визит.

– Ничего, – харен подался вперёд и кивнул на пустующее кресло. – Я ждал вас.

Глава 8. Обновление года

Положив подбородок на колени, Майяри с задумчивым видом рассматривала свои перебинтованные пальцы. Несмотря на обезболивающее зелье, пульсирующий жар в руках продолжал её донимать. Их нельзя было даже поверх одеяла положить, чтобы не испытать неприятные ощущения, а сгибаться они и вовсе не хотели. Господин Шидай сказал, что уже можно не спеша разрабатывать их, и Майяри казалось, что она заново учится владеть своими руками. Для мага, которому гибкие и подвижные пальцы очень важны в колдовстве, это была бы самая настоящая беда, но её вернувшаяся сила даже пугала. Привыкнув к её тихому шевелению, Майяри опасалась, что не сможет больше контролировать тот океан, что глухо и раскатисто ворочал волнами внутри.

– Ну и чего ты киснешь? – не выдержал Шидай, недовольно уставившись на девушку, которая смотрела перед собой мрачным усталым взглядом. – Виидаш пришёл в себя, вроде с ума сходить не собирается. Я думал, у тебя настроение подскочит, а ты, наоборот, разнюнилась.

– Я рада, – глухо отозвалась девушка. Мужчина ненароком прикоснулся к другой грани её беспокойства.

– Не заметно. В чём дело? – лекарь плюхнулся на кровать и, скрестив руки на груди, всем своим видом показал, что правду он вытянет любыми способами.

– Боюсь, – тихо призналась Майяри.

Шидай даже не стал спрашивать, чего она боится. Только вздохнул и потёр глаза.

– Вдруг он меня возненавидит, – уточнять, кто «он», не потребовалось. – Ведь всё произошло из-за меня. Из-за того, что я взяла те артефакты. Если бы я бросила их, то он не любил бы Рену, она, возможно, не умерла бы и не было бы этих жутких страданий.

– Откуда тебе знать наверняка? Всё могло стать и хуже. Могла начаться война внутри страны. Род Ишый вряд ли бы остался в стороне, а потеря, к примеру, отца переживается отнюдь не легче. И опять бы ты винила себя: если бы я взяла те артефакты и спрятала, ничего бы этого не было... Сложный выбор, он оттого и сложный, что порой кажется, что правильного решения у него нет. Даже если Виидаш тебя возненавидит, тебе всё равно придётся с этим как-то жить.

– Я знаю, но мне страшно, – Майяри спрятала лицо в коленях и продолжила: – Знаете, господин Шидай, я тут поняла, что лучше бы было как прежде. Пусть бы Виидаш просто предал мои чувства, женившись на Рене. Пусть бы было только это. Я осознала, что, может быть, спустя годы, но я бы простила его, забыла это и мы, возможно, опять начали бы общаться. Я слишком привязана к нему, чтобы навсегда выкинуть из своей жизни. А что нам делать сейчас, если при одном взгляде друг на друга нам становится больно?

– Как прежде уже в любом случае не будет, – помолчав, Шидай добавил: – Виидаш считает, что виноват он. Когда виноваты оба, всё проще, но если груз вины слишком тяжёл, видеть друг друга становится просто невыносимо.

Столь честные слова девушку не приободрили, и лекарь ласково потрепал её по голове.

– Может, поплачешь? – предложил он. – Полегчает ведь.

Майяри глубоко вздохнула, чувствуя, как на глазах закипают слёзы, и, испуганно вздрогнув, вскинула голову, услышав шаги в гостиной. Дверь в спальню распахнулась, и внутрь вошёл харен. Мрачный, с розовыми с мороза скулами и влажной, с комками снега, головой. Окинув парочку холодным взглядом, мужчина замер, над чем-то задумавшись, а потом захлопнул за собой дверь и, шагнув вперёд, сел на постель рядом с Шидаем. Майяри вжала голову в плечи и настороженно прищурилась, став похожей на кошку, встретившую в родном доме чужака.

– Какие гости! – пропел Шидай, заботливо отряхивая косу господина от снега и оправляя ему воротник. – Я уж думал, не зайдёшь даже с праздником поздравить своего старика и... – «старик» лукаво покосился на настороженную Майяри, – воспитанницу.

Ранхаш через плечо смерил «воспитанницу» мрачным взглядом. Та в ответ посмотрела не менее ласково.

– Я нашёл того, кто сообщал Арону информацию по делу об ограблении, – не очень охотно выдал оборотень.

Глаза девушки удивлённо округлились. Майяри поразило не то, что харен всё-таки нашёл предателя, это-то как раз удивительно не было, а то, что он говорит об этом в её присутствии.

– Надеюсь, не Трибан, – поморщился Шидай. – Мужик хороший, семейный...

– Не он, – прервал его Ранхаш. – Данетий Варий.

– Данетий городской стражи? – поражённо повторила Майяри и, забывшись, невольно впила пальцами в свои запястья. Сжать их сильно не получилось, но это и не потребовалось: руки и так вспыхнули болью.

– Ты что творишь, идиотка?! – Шидай схватил девушку за локти и развёл её руки в стороны. – У тебя там только всё схватилось!

– Ты её ещё не вылечил? – нахмурился Ранхаш.

– Когда? Почти все силы бросили на лечение Виидаша. И я же уже говорил, подобное быстро не лечится. У неё там всё до мяса было сожжено. Не трогай себя за руки, – строго велел лекарь девушке и наконец отпустил её локти. – Так что там с Варием? Он знает что-то про этого Дешия?

Ранхаш отрицательно мотнул головой. Майяри даже показалось, что на его лице мелькнула досада. Девушка вспомнила ночь, когда они с хареном убегали от погони; её тогда ещё привело в недоумение недоверие господина Ранхаша к городской страже. Неужто он уже тогда подозревал данетия?

– Он имел дело с Ароном и о соучастии Дешия даже не подозревает. Его поразило, что Рена в этом участвовала.

– Точно поразило? Может, притворился?

– Я бы почувствовал, – уверенно заявил господин Ранхаш.

– А причина? Откровенно говоря, мне Варий не показался тем, кто готов за деньги или какие-то сомнительные блага продавать детали следствия на сторону.

– А он и не продавал, – харен недовольно прищурился и убрал налипшую на ухо мокрую прядь. – Арон честно сказал ему, что хочет отомстить, а кому – не уточнил. Варий уже сам додумал, что месть направлена семье Лерый и Жиин, а такая месть в его понимании священна. К тому же он был в очень хороших отношениях с матерью Арона и считал себя обязанным покровительствовать оставленному без поддержки мальчишке. Что уж Арону нужно было в сокровищнице, Варий не уточнял: там сотни самых разнообразных артефактов, что-то для мести точно сойдётся. Когда произошёл провал с Майяри, он позволил оборотням Арона взять форму городской стражи, чтобы те могли участвовать в поисках.

– Ценой этого покровительства стала смерть господина Ахрелия, который был другом Вария, – протянул Шидай.

– Я навёл справки, Ахрелий ни с кем в городе не имел тесных связей. С Варием он был хорошим знакомым, они даже пару раз вместе выпивали, но не более. Говоря о дружбе, данетий, вероятнее всего, затирал следы. Не хотел подставлять под удар семью и вообще уже не хотел лезть в это дело, но увяз.

Майяри уверилась в своих предположениях: харен уже давно подозревал данетия.

– Арон убедил его, что Майяри действительно что-то видела, но из-за потери памяти не могла рассказать об этом, – продолжил Ранхаш. Говорил он при этом с таким видом, словно каждое слово из него вытягивали насильно. – Нужно было убрать её раньше, чем память

проснётся. И Варий засуетился, вытянул из внука, что да, действительно девчонка ничего толкового не сказала, отчёт допроса какой-то сумбурный... Но дальше лезть в это дело он отказался, только информацией помогал: сокрыть следы участия как-то надо было.

– И что теперь будешь делать? – любопытствовал Шидай. – Все отношения Вария с преступниками завязаны на Ароне, а он по официальной версии – невинная жертва.

– Об Ароне он будет молчать, – уверенно заявил Ранхаш. – Пойдёт по делу об ограблении как соучастник. Он согласился заявить, будто бы случайно выдал информацию одному из погибших оборотней, бывшим его знакомым. После этого Варию светит шестьдесят лет каторжных работ. Но судить уже не я буду.

– А точно ли промолчит? – засомневался Шидай.

Ранхаш прикрыл глаза и неожиданно для Майяри плюхнулся на постель.

– Точно, – уверенно заявил он. – Я его купил.

– Что ты сделал? – поразился лекарь, со священным недоверием возрившись на господина.

– Купил, – повторил Ранхаш. – Я отпущу его внука, Варлая. Подержу месяц за решёткой в наказание за нарушение устава сыскарей и отпущу на свободу с полувековым запретом на службу в армии, городской страже и сыске.

– Ого, – озадаченный Шидай прицокнул. – Что ж ты задумал, а? Меня прямо любопытство сжирает узнать, отчего ты так покрываешь умершего Арона. Ведь не на самом же деле ты просто хочешь хайнесу досадить?

Майяри с осуждением взглянула на лекаря. Сам сомневается, а её убедить в этом пытался.

– Мне это нужно.

– Ранхаш, нас сейчас тут двое и оба горят желанием тебя придушить, а Майяри руки нельзя напрягать.

– Я сказал, что это нужно, – холодно отозвался харен, не открывая глаз. И смилостивившись, добавил: – Моя репутация широко известна. Я не стану покрывать преступника, если знаю о его преступлении. Если же я скрываю его преступление, значит, я о нём не знаю. Меня все обманули.

Майяри многозначительно посмотрела на господина Шидаю. Похоже, харен перетрудился и у него уже ум за разум заходит.

– Майяри решила не доставлять проблем другу и сорвала мне, – продолжал Ранхаш. – Врёт она не первый раз, поэтому в это поверить несложно. Виидаш умолчал по известным причинам. Варий, когда его прижали, понял, что дело совсем гиблое, и счёл ненужным опровергать мои заблуждения насчёт Арона. Лучше уже признаться в головотяпстве и сказать, что о деталях проболтался неумышленно да по пьяни старому знакомому, ведь за умышленное разбалтывание важной следственной информации полагается смертная казнь. Так что я просто по своей неопытности оказался всеми обманут. Не такой уж я и опасный и умный, да ещё и многого не знаю и позволяю скрывать от себя важную информацию.

Рот Майяри ошеломлённо приоткрылся, и она недоверчиво уставилась на серебристые ресницы харена. Даже Шидай смотрел на своего господина с весёлым изумлением.

– Ва-а-а, кто-то решил разыграть партию дурачка, – восторженно протянул лекарь. – Потянешь ли? Актёр из тебя аховый.

Харен ничего не ответил и даже не соизволил открыть глаза. Шидай подозрительно прищурился и, наклонившись, ткнул господина пальцем в щёку. Тот слегка вскинул брови, но поднимать веки не захотел.

– Надо же, уснул, – лекарь выглядел несколько озадаченным. – Ну раз уснул, пусть спит.

Ещё полминуты потарасившись на спящего господина, он всё-таки встал, стащил с Ранхаша сапоги и, подхватив его под мышки, затащил на подушку. Тот даже не поморщился.

– Он здесь спать будет? А я где? – Майяри растерянно уставилась на Шидаю.

– Да здесь же. Не бойсь. У него такая репутация, что даже если его застукают выходящим утром из твоей спальни, никто и подумать не посмеет подозревать его в том, что он покусился на твои мощи.

Девушка недоверчиво прищурилась, припомнив, что горожане очень даже охотно смаковали и передавали слух о том, что она якобы начала сомнительную совместную жизнь с хареном. Чья-то репутация для сплетен преградой никогда не являлась.

– Эй, вы куда? – всполошилась девушка, увидев, что лекарь направляется на выход.

– Оставлю вас наедине, – с ухмылочкой отозвался тот, но потом всё же смиростивился и добавил: – За ужином, сейчас вернусь.

Дверь за ним закрылась, и Майяри настороженно покосилась на спящего оборотня. Выглядел тот вполне безобидно, лежал на спине, перевернуться в её сторону не пытался. Лицо его и правда выглядело очень уставшим и даже слегка постаревшим, а волосы потускневшими. Даже самую малость жалко его стало. Но делить с самим хареном одну постель девушке всё равно не хотелось, она к господину Шидаю вон сколько привыкала. Хотя господин Ранхаш, наверное, в отличие от лекаря, во сне не стал бы её лапать...

Ранхаш слегка пошевелился, то ли попытавшись перевернуться, то ли подтянуться повыше. Скорее последнее. Он попробовал согнуть левую ногу, вероятно, чтобы упереться ею, но поморщился, едва слышно застонал и остался лежать на спине. Майяри с сомнением взглянула на него, а затем и на свои забинтованные руки.

Интересно, почему он до сих пор хромает? Она допустила где-то серьёзную ошибку, которую не смог исправить даже господин Шидай? Вроде сращивание мышц и сухожилий ей всегда давалось довольно легко. С такой памятью, как у неё, ей не составляло труда запомнить некоторые особенности мышечного строения оборотней. А может, она всё-таки что-то перепутала?

Харен нахмурился и слабо шевельнул рукой. Жарко? Майяри осторожно подалась к оборотню и пальчиком разворошила его шейный платок. Мужчина тут же откинул голову назад и с наслаждением вздохнул; девушка как замороженная уставилась на его дрогнувший кадык. Спящий харен казался ей совершенно другим, каким-то чужим и даже слегка пугающим: холодный господин сыскарь был уже как-то ближе и понятнее.

Мужчина опять глухо то ли застонал, то ли заворчал и повернул голову набок. Майяри снова с сомнением уставилась на свои ладони. Она ещё ни разу с момента взрыва дома не пробовала использовать свои силы и иногда испытывала смутную, необъяснимую и неправильную тоску по утраченным браслетам.

«Ты пропустила через них столько силы, что они просто перегорели. Когда их с тебя снимали, они только и могли слабо огрызаться», – зазвучал в голове голос господина Шидаю.

Протянув руку, Майяри, всё ещё сильно сомневаясь в правильности задуманного, положила ладонь на левое бедро харена и осторожно, внутренне сжимаясь от страха сделать что-то не так, призвала силу. Та откликнулась охотно и рьяным теплом бросилась на зов. Оборотень поморщился, но не проснулся, и девушка провела ладонью вниз, чуткими от боли пальцами ощупывая сквозь ткань штанов и портков грубый рубец шрама и окатывая теплом больную ногу до колена и немного ниже.

Появление господина Шидаю заставило Майяри вздрогнуть и покраснеть, словно бы он застукал её за чем-то неприличным, но руку девушка отнимать не стала. Раз начала делать, то надо и закончить нормально. Но лекарь не стал её смущать; лишь весело приподнял брови и промолчал, решив выждать более удобный для ехидства момент.

Тихий стук подноса о столешницу разбудил харена, и он приподнял веки. На мгновение Майяри оторопела, не зная, как оправдаться перед ним за свои поглаживания, а затем буркнула:

– Спите.

И оборотень, к её удивлению, покорно закрыл янтарные глаза и опять погрузился в сон.

– Какой послушный мальчик, – умилился Шидай, склоняясь над господином. – Прямо как в детстве. Рукам-то не больно?

Майяри отрицательно мотнула головой. Чувствовала она себя полной дурой. Сидит на постели рядом со спящим хареном, греет его ногу и слушает воркование растроганного лекаря.

– Сейчас мы это расстегнём... – Шидай сноровисто расправился с пуговицами, распустил рубашку на груди харена и отбросил шейный платок в сторону.

Девушка успела заметить на груди господина Ранхаша что-то чёрное, прежде чем лекарь слегка стянул ворот рубашки.

– А это мы почистим, – с этим словами Шидай вытащил из внутреннего кармана кафтана харена расчёску и подмигнул Майяри.

Та отвернулась так поспешно, будто бы лекарь расстегнул штаны на своём господине.

Раздавшийся грохот едва не сбросил её с постели. Испуганно прижав руки к груди, Майяри круто развернулась в сторону окна, сбрасывая на пол подушку, и застыла. По полу комнаты растёкся отдалённый всполох, и на сине-чёрном небе между хищным ободом волчьего месяца и добродушно-округлым ликом луны ярко расцвел и рассыпался искрами огненный цветок, на мгновение осветивший укутанные снежными шубами деревья и кусты.

– Ну, с Обновлением года нас, – усмехнулся Шидай и вернул вычищенную расчёску на прежнее место.

Глава 9. Неотвратимые изменения

Майяри распахнула дверь на террасу и, с наслаждением вдохнув напоённый морозной свежестью воздух, отступила в сторону, давая дорогу Виидашу. Девушка успела поймать неодобрительный взгляд госпожи Ярены и очень задумчивый, словно в душу пытающийся проникнуть взгляд господина Ювария, прежде чем шагнула следом за другом и прикрыла за собой створку.

Но к стоящему у перил Виидашу она не поспешила и застыла, спиной прижавшись к двери. За прошедший месяц тело друга сильно окрепло, Шидай больше не опасался, что срощившиеся переломы могут разойтись, и они с господином Юварием позволили оборотню ходить. Ходил тот, впрочем, неохотно и дальше террасы, где мог стоять, пока его не загонят внутрь, не уходил.

Девушка согнула пока ещё не очень послушные пальцы и послала волну тепла в сторону друга, с плеч которого подобно плащу опускалось одеяло.

– Не нужно, – глухо отозвался Виидаш.

Майяри упрямо сжала губы и тепло не отзывала.

В воздухе опять повисла тяжёлая, пригибающая к полу тишина. Она сопровождала их постоянно. Порой Майяри казалось, что если бы они наконец поговорили друг с другом о произошедшем, стало бы легче, но она боялась начинать разговор.

– Прости меня, Майяри, – неожиданно прошептал Виидаш.

Девушка с такой силой вжала перебинтованные ладони в стекло, что содрала пластами нарощий иней.

– Это я виновата! – рьяно выдохнула она.

– Нет, Майяри, – оборотень, не поворачиваясь к ней, отрицательно мотнул головой. – Я сам виноват. Я хотел быть всегда счастливым и в погоне за этим счастьем предал нашу дружбу и поймал за хвост беду. Боги решили испытать меня, и я испытание не прошёл. Моё наказан...

– Идиот! – разъярённое шипение заставило парня вздрогнуть, и, обернувшись, он даже отшатнулся, обнаружив разозлённую Майяри рядом с собой. – Не был бы больным, врезала бы!

Появление прежней уверенной в себе подруги будто бы разбудило Виидаша, и он растерянно заморгал.

– Оба виноваты! – девушка облокотилась на перила и недовольно уставилась на плоскую вершину утёса, торчащую над заснеженными кронами. – Мы всегда с тобой во всём были виноваты вдвоём. Вспомни, даже мастер Лодар говорил, что ты виноват в том, что сделал, а я в том, что не остановила тебя и ещё ввязалась. Сейчас же вышло наоборот: я ввязалась, ввязала тебя, и ты повёлся. Пусть это вышло случайно, но если кто-то один виноватым быть не хочет, то давай будем виноваты вдвоём.

В воздухе повисла сердитая тишина, и озадаченный Виидаш уставился на парк с таким видом, будто бы раньше не видел его.

– На самом деле я считаю себя более виноватой, – тихо призналась Майяри. – Я никогда не была с тобой до конца честной, но ты, даже понимая это, оставался рядом. Я даже никогда не задумывалась, что ты знаешь о моей нечестности, но всё равно принимаешь меня. Только, пожалуйста, не перебивай меня, – попросила девушка, заметив, что Виидаш уже открыл рот. – Ты меня принял со всеми моими недомолвками, а я так и не позволила тебе узнать меня настоящую. Даже оказавшись втянутой в то проклятое дело, я не подумала попросить помощи у тебя. Я ведь могла вместо школы направиться в твой дом и попросить защиты, но я даже мысли не допустила сделать подобное. Если бы я относилась к тебе с большей честностью и доверием, то всё было бы по-другому. И возможно, мы бы раньше осознали, что друзья из нас будут куда

лучше, чем супруги. Так что твоя вина не больше моей. Как друг и как возлюбленная я никогда не была честна с тобой. Я часто врала, это ведь тоже можно назвать предательством.

– У тебя есть на это причины, – едва слышно заметил Виидаш. – Я уверен, что есть.

– У тебя тоже были причины, – не отступила Майяри.

В воздухе опять повисла тишина, но в этот раз она уже не казалась такой тяжёлой.

– Мне жаль, что наша дружба уже никогда не будет прежней, – прошептала девушка. – Ты самый-самый лучший друг, что у меня был, хоть ты и недотёпа. Я тоже недотёпа, так что мы стоим друг друга.

– Мне тоже жаль, что всё так изменилось. Прости, Майяри. Просто позволь мне извиниться. Уже ничего не исправить, – Виидаш опустил голову, – но я хочу хотя бы извиниться. Прости.

– И ты меня прости. За мою нечестность.

Между ними пролетел снежок и со смачным «пуф-пляф» растёкся по дверному стеклу. Очнувшаяся Майяри с недоумением посмотрела вниз и увидела голову и плечи радостно скалящегося Мадиша. Девушка успела почувствовать холодок жути, растекающейся по спине, прежде чем она поняла, что оставшаяся часть тела друга скрыта пышной, ослепительно белой, как снежный покров, шкурой.

– Живенькие! – торжествуя, с надрывом прошептал Мадиш и пихнул локтем лежащий рядом бугор.

«Бугор» зашевелился, распахнул щелевидный рот и выпустил наружу встрёпанную голову Лироя.

– Эй, вы там как? – едва слышно спросил оборотень, но ответа не дождался: Виидаш смотрел на него с тупым изумлением, а Майяри рыскала по округе взглядом, пытаясь понять, где схоронился Эдар.

Схоронился тот за спиной Мадиша. Ровный наст вдруг вздыбился и быстро вырос до небольшого холмика, из которого вылезла улыбающаяся кучерявая голова.

– И что вы творите? – устало спросила девушка.

– Вас проводываем! – возмущённо ответил Мадиш. – Нас не пускали!

– Судя по тому, что вы всё-таки пробрались, вас пустили, – не согласилась с ним Майяри.

– Нет, – Мадиш самодовольно улыбнулся, – мы обвели охрану вокруг пальца. Пришлось для этого даже взять ритуальные шкуры моей семейки, – парень для наглядности потряс мехом снежного лиса. – А мы, между прочим, невест в них ловим. Если отец узнает, кого я в них поймал, меня ждёт очень своеобразная семейная жизнь.

Парень взглянул через плечо на друзей. Судя по тому, как поёжились Лирой и Эдар, за семейную жизнь друга они тоже очень переживали.

Майяри подозрительно прищурилась и осталась при своём мнении. Вероятно, харен уже разрешил посещения, но охрана, помня, сколько беспокойства им доставил надоедливый Мадиш, решила ему отомстить. Наверное, они знатно повеселились, наблюдая за ползущими через весь парк обормотами.

– Эй, Виидаш, ты как? – жалостливо пробасил Эдар.

И испуганно вытаращил глаза, поймав разъярённый взгляд Майяри. Напоминания о случившемся точно не пойдут Виидашу на пользу.

– Почему вы не в Жаанидые? – поспешила переменить тему девушка. – Занятия уже начались. Или мастер Резвер передумал с вами связываться?

– Мы вас хотели увидеть, – с обидой протянул Мадиш. – Решили, что пока не встретимся, никуда не уедем.

– Пропущенные занятия всегда нагнать можно, – уверенно поддержал его Лирой.

– Ну да, целый месяц пропущенных занятий, – неодобрительно проворчала Майяри.

– По-моему, с ней уже всё хорошо, – доверительно прошептал товарищам Эдар.

- Заходите уже, – устало велел Виидаш.
- Подожди, мы сейчас сообразим, как забраться...
- Через дверь заберётесь, – перебила Мадиша Майяри.
- Да кто нас пустит?!
- Да идите уже через дверь! – рявкнул кто-то с другого конца парка. – Пропустят!

Парни с недоумением переглянулись и, подобрав шкуры, не очень охотно зашагали в сторону двери.

- Мне их отвлечь на себя? – тихо спросила Майяри.
- Виидаш отрицательно мотнул головой.
- Не стоит.

Ещё один отчёт полетел в уже накренившуюся стопку, и Ранхаш мрачно уставился на пылающий камин. Месяц поисков ничего не дал. Никого, похожего на Дешия, не нашли. Были проверены все, кто только что прибыл в город, но и среди них не обнаружилось никого, под кого бы он мог замаскироваться. В спешном порядке отследили всех отставных стражников, сыскарей и военных, но обнаружили только то, что часть из них вместе с семьями подалась в другие поселения. Чтобы отследить и проверить всех, требовалось куда больше времени, а Ранхаш чувствовал, что этого времени у него не так много.

А вообще он ощущал, что уже опоздал. Деший выбрался из города, и где он залёг, могли только Тёмные духи сказать. Может, он подался не так далеко, боясь выпустить из виду Майяри, а может, решил скрыться совсем, посчитав, что дело приняло слишком дурной оборот. Если Деший предпочёл второй вариант, то он, Ранхаш, остался с пустыми руками. Ну не совсем с пустыми...

Мужчина почувствовал себя псом, разогнавшим всех амбарных крыс, пытавшихся умыкнуть мешок с зерном, и оставшимся наедине с перепуганной дикой кошкой, которая невесть зачем припрятала зерно от острозубого ворья. Зерно цело, но его нет; грабители разбежались, бросив свои норы, и теперь поди их найди; зато есть кошка, которая спасла амбар от разграбления, но теперь не хочет возвращать мешок с добром. И разбежавшиеся крысы вызывали большую досаду, нежели недоступное зерно и своевольная кошка.

К кошке он уже почти привык.

Выудив из стопки скреплённые зелёным сургучом листы, харен уставился на первую строку.

Амайярида Мыйм

Взгляд бегло скользнул по листу вниз. Ни одного слова правды. Кроме рекомендаций. Он успел познакомиться с её характером, темпераментом, складом мыслей, принципами и уже даже понимал, чего ждать от неё в той или иной ситуации. И в то же время он практически ничего про неё не знал. Сгусток эмоций, мыслей и поступков без имени и прошлого. Амайярида Мыйм! Как печать неразрешимой тайны. Которая всё-таки продолжала вызывать раздражение.

– Тпр-р-ру! Стойте, твари!

С улицы донеслись громкое ржание, возмущённый крик местного пекаря и скрежет колёс по наледи. Внутри шевельнулось предчувствие чего-то неприятного. Ранхаш поднялся и подошёл к окну.

Напротив входа в сыск остановился большой чёрный экипаж, на задке которого друг на дружке громоздилось множество чемоданов. Невысокий и кряжистый кучер с голой, как колено, головой сочно ругался на нетерпеливо переступающих коней. Те отвечали всхрапами и ржанием, которое при некотором воображении можно было принять за ехидное. Дверца экипажа распахнулась, и вниз бойко спрыгнул не очень высокий, чуть выше среднего роста, мужчина. Гибкий, подвижный, обманчиво утончённый. Короткие, чуть ниже ушей, светло-рыжие

оранжево-рассветного цвета волосы задорно изгибались вверх, придавая своему хозяину воистину хулиганский вид, и были так узнаваемы, что Ранхашу даже не пришлось присматриваться к слегка вытянутому, но приятному лицу приехавшего.

Ноздри харена хищно шевельнулись, а в глазах на мгновение словно волна лавы прокатилась. Отвернувшись от окна, Ранхаш присел на подоконник и, сложив руки на груди, приготовился ждать.

Внизу послышался знакомый до зубовного скрежета бойкий голос, которому ответил несколько растерянный сыскарь, дежуривший у входа. По лестнице загромыхали сапоги, и совершенно спокойный харен холодным взглядом встретил вошедшего мужчину.

– Ба, Ранхаш, – по лицу гостя расплзлась заразная широкая улыбка. – Даже не надеялся встретить тебя здесь в день приезда. Ты же на месте не сидишь.

Холодный взгляд столкнулся с ехидным прищуром.

– Не очень рад видеть вас, господин Иезар, – прохладно отозвался Ранхаш.

– Всё такой же нудный, – весело поморщился оборотень. – Мы так давно не виделись, а ты так холоден.

Давнего знакомого, с которым он когда-то имел несчастье вместе учиться у мастера Дагрена, Ранхаш предпочёл бы увидеть на погребальном костре. Ради такого случая он даже проявил бы немного теплоты. Ушлый и расчётливый лис обладал редкой, невероятно гадкой способностью заставлять окружающих мечтать о его смерти. И Ранхаш как-то пробовал осуществить эту мечту. Вряд ли Иезар забыл об этом.

Харен отметил, с какой пронизательной цепкостью улыбающийся гость осмотрел кабинет и задержался взглядом на накренившейся стопке. Иезар всегда успевал подметить многое за очень короткое время. Но нередко упускал самое важное. На скреплённые зелёным сургучом листы внимания он не обратил. Осмотревшись, лис опять весело сощурил светло-зелёные глаза и с улыбкой уставился на хозяина кабинета.

– Устроился, как всегда, так себе. А где господин Шидай?

– С мастером Дагреном строит малолеток, – тяжело отозвался Ранхаш.

При упоминании мастера улыбка едва не слетела с лица Иезара. Наверное, Дагрен и Шидай были единственными, рядом с кем этот проходимец был готов отбросить свои ужимки.

– Как жаль, – фальшиво опечалился он. – А я привёз тебе письмо. Думаю, оно тебя порадует.

Запечатанный конверт из плотной бумаги с вытесненным на сургуче гербом хайнеса – коронованной совой – Ранхашу совсем не понравился. Сломав сургучную нащёпку, он неспешно извлёк письмо и понял, что перед ним официальный документ, украшенный внизу размашистой подписью и пурпурным оттиском печати.

Приказ о назначении

По высокой воле хайнеса харен Ранхаш Вотый назначается главой Жаанидыйского сыска со всеми причитающимися данной должности полномочиями.

Пост главы Санаришского сыска, который харен занимал ранее, а также все дела, которые он вёл, передаются Иезару Олишо вместе с должностным чином податия².

Харену Ранхашу Вотому надлежит передать все дела податию Иезару Олишо и до начала первого месяца весны прибыть в Жаанидый для вступления в должность главы Жаанидыйского сыска.

Сей приказ подписан вторым днём второго зимнего месяца светлейшим и сильнейшим хайнесом Иерхаридом.

---

² **Податий** – тот, кто временно стоит над данетием. Временный начальник, назначаемый, как правило, для решения каких-либо вопросов или проблем.

Ранхаш развернул второй лист и увидел уже знакомый почерк самого хайнеса. Лаконичная манера письма тоже ему была знакома: на пост главы Санаришского сыска его также назначал хайнес.

Уважаемый харен!

Прежний глава Жаанидыйского сыска ушёл в отставку, и в поисках подходящей кандидатуры на такой важный пост я обратил свой взор на Вас. У Вас блестящая репутация, Вы успели проявить себя, будучи главой «теней», и Ваш прадед, Шерех Вотый, чьи слова редко расходятся с действительностью, дал Вам исключительные рекомендации...

Дальше Ранхаш читать не стал. Шерех Вотый! В груди заклокотал гнев, но, столкнувшись с насмешливым взглядом Иезара, Ранхаш заставил себя остыть.

– Поздравляю с повышением! – голос лиса вроде звучал искренне, но вот глаза...

И он, и сам Ранхаш понимали, что кое-кого отстранили от дела.

– Отлично, – харен спокойно сложил письмо и, шагнув к столу, забрал листы, скреплённые зелёным сургучом, и ещё пару конвертов. – Это моё личное, – заявил он, под хитрым прищуром Иезара убирая бумаги во внутренний карман.

– А ввести меня в курс дела? – весело приподнял нежно-рыжие брови лис, глядя, как Ранхаш набрасывает плащ на плечи.

– Уверен, что вы, податий, прекрасно справитесь сами.

Насмешливый голос Иезара остановил его уже у самой двери.

– Неужели тебе не хочется лично рассказать о том, что ты успел нарыть?

Ранхаш обернулся и честно признался:

– Не хочется.

И вышел за дверь, оставив смеющегося лиса в одиночестве.

– Ничуть не изменился, – с удовольствием протянул Иезар и, отбросив веселье, уже с серьёзным лицом шагнул к столу.

Глава 10. Решение барса

Виидаш старательно пытался отрешиться от деланно бодрого и весёлого голоса Мадиша, отзвуки которого, постепенно удаляясь, доносились из коридора. На душе было пакостно и гадко от самого себя. Друзья волновались о нём, старались поднять ему настроение, а он мечтал о том, чтобы они просто ушли и оставили его одного. Прекрасный друг, ничего не скажешь.

Зазвучал тихий размеренный голос Майяри. На сердце одновременно стало спокойнее и тревожнее. Виидаш чувствовал, что цепляется на подругу, как за тонкий волос, всё ещё соединяющий его с миром, но в то же время ему нестерпимо сильно хотелось разжать руки и упасть подальше от неё. От подобных мыслей становилось стыдно и больно.

Расстроенный взгляд матери словно солью просыпался на растерзанную душу, и парень уставился на стену. Но и в ней он не нашёл успокоения. Родной дом казался тюрьмой, в коридорах которой заунывно и жутко стонали призраки. Виидаш, будто бы оторванный от внешнего мира, чувствовал себя чужим здесь.

– Ну как наш больной? – в спальню, лучась неподдельной бодростью, вошёл господин Шидай. – Он у нас сегодня был большим молодцом. Вон сколько гостей принял.

Госпожа Ярена встретила лекаря с надеждой в глазах. По опустошённому лицу сына было сложно что-то понять, но её материнское сердце чувствовало, что Виидаш удручён более чем обычно.

Господина Шидая Виидаш встретил с облегчением. Тот словно бы был таким же чужим для внешнего мира, таким же оторванным куском, как сам Виидаш. Похожим на него. И лекарь харена никогда не сочувствовал и не жалел его. Вероятно, понимал, что ни сочувствие, ни жалость не смогут помочь.

– Госпожа Ярена, будьте добры распорядиться насчёт тёплой воды, – попросил Шидай. – Нашего героя нужно обтереть, а то его запах скоро выдворит отсюда даже вас.

– Да, я сейчас.

Женщина вышла, и в спальне воцарилась успокоительная тишина. Виидаш на мгновение порадовался, что его наконец-то не пожирают сочувствующие взгляды, и даже ощутил облегчение. Но потом опять устыдился. Даже общество родной матери его тяготит.

– Что случилось? – неожиданно спросил лекарь.

Он даже не посмотрел на Виидаша, продолжая сосредоточенно разматывать его повязки. Поджав губы, парень хотел было сперва промолчать, но затем всё же спросил:

– Когда это случилось с вами, вы хотели кого-то видеть? Вам были приятны ваши друзья или... или родственники?

– Нет, – спокойно отозвался Шидай. – Какое-то время я их терпеть не мог и приходил в ярость каждый раз, когда они являлись ко мне. Очень хотелось забыться, а их вид каждый раз напоминал о потере. Повернись спиной.

Виидаш покорно развернулся.

– Я тоже не хочу их видеть, – признался парень. – Ни друзей, ни родителей, ни... Майяри, ни этот дом...

– Это пройдёт, – уверенно заявил лекарь, избавляя больного от повязок на торсе. – Но потребуется много времени.

– Много? – повторил Виидаш. – Это будет долго?

– Очень, – не стал врать Шидай. – По уму тебе бы уехать куда-нибудь, но твои вряд ли отпустят. Побоятся, что что-нибудь с собой учудишь.

Лекарь произнёс последнее совершенно безбоязненно. Он не опасался вложить в голову парня дурные мысли. Знал, что они уже там давно роятся. И Виидаш вздрогнул, словно его уличили в плохом.

– Хотя знаешь, – лекарь замер и, скомкав снятые повязки, решительно бросил их на пол, – есть одна идея. Можно уехать туда, где за тобой присмотрят, но это будет совершенно другое место и другие оборотни, которые не будут знакомы с произошедшим так близко, как мы. С ними тебе будет легче, а твои родственники и друзья будут меньше опасаться. Хотя твой прадед может не одобрить.

– Неважно, – отмахнулся от последнего Виидаш.

– Ну раз неважно... Думаю, ты знаешь, что Ерон когда-то рассорился с основной семьёй Ишыев и уехал сюда. Я хорошо знаю ту семью и могу им написать, чтобы они приняли в своё лоно одного из заблудших потомков. Уверен, они согласятся принять тебя. Поживёшь там, придёшь немного в себя, может, к учёбе вернёшься... – Виидаш решительно мотнул головой. – Ну нет, так нет, – не стал настаивать на последнем Шидае. – Живут они севернее Жаанидыя, примерно в неделе пути к Сумеречным горам. Клан большой, дружный, доставучий... – не удержался от ехидства лекарь. – В большинстве своём хорошие ребята. Пристроят тебя к делу, и заживёшь потихоньку новой жизнью.

Голос господина Шидае звучал тихо и вкрадчиво, и Виидаш вдруг ощутил, что описываемая жизнь его соблазняет. Это не был соблазн в его истинном виде. Просто лёгкий интерес, точнее призрак интереса, но и этого уже было достаточно. Может быть, он действительно выберется из кошмара, в котором варится каждый день, и обретёт хоть какой-нибудь смысл жизни.

– Подумай, – Шидае опустил на колени и занялся повязками на ногах.

– Подумаю... – почти неслышно отозвался Виидаш, хотя для себя он уже всё решил.

– Фух, теперь ты!

Господин Шидае влетел в спальню Майяри, держа в руках таз с водой. Выглядел он несколько растрёпанным и уставшим, из-за чего заслужил неодобрительный взгляд девушки. Но вслух она ничего не сказала.

– Как Виидаш?

– Замечательно, – рассеянно отозвался Шидае, устанавливая таз на полу и сбрасывая болтающиеся по руке чистые повязки и нити амулетов. – Перевязал его. Ещё пара недель, и может ехать, куда хочет.

– Что? – Майяри непонимающе уставилась на него.

– А, ничего, – отмахнулся мужчина, распуская повязки на её руках. – Засиделся, гулять хочет.

Смутная тревога кольнула Майяри, но сползшие полосы ткани отвлекли её. Взгляд сам притянулся к коже, украшенной багрово-красными шрамами от ожогов. Шрамы выглядели жутковато и даже омерзительно, в некоторых из них можно было угадать символы, ранее украшавшие браслеты. Но особенно чёткими были широкие полосы на запястьях и чуть ниже локтя, там, где проходили края её кандалов.

Чуткие, но довольно безжалостные пальцы господина Шидае начали разминать повреждённые руки, и Майяри пришлось поднапрячься, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

– Ну, – брови лекаря сошлись на переносице в сомнении, – ещё чуть-чуть, и можно будет ходить без амулетов. И да, шрамы можно начинать сводить. Не сразу, потихоньку...

– Я сама разберусь со шрамами, – тихо заявила Майяри.

Шидае посмотрел на неё с весёлым недоверием.

– Ты-то?

– У меня достаточно сил и знаний для этого.

– Но недостаточно памяти, – съехидничал лекарь. – Я так думаю, что про эту звезду, – он кивнул на её грудь, – ты Ранхашу до сих пор не сказала.

Тёмные! Майяри досадливо зашипела, но, спохватившись, постаралась опять принять невозмутимый вид.

– Он редко нас навещает, а если и приезжает, то всегда в самое неподходящее время.

– Ну да так-то, – не стал спорить с последним Шидай. Он и сам ни разу не вспомнил о занимательной тайне девчонки, когда Ранхаш изволил маячить перед глазами. – Ладно, давай помоем их и опять замотаем.

Когда со сменой повязок и амулетов было покончено, господин Шидай с тихим стоном растянулся на постели и замер, уткнувшись лицом в покрывало. Глядя на его растрёпанные волосы, Майяри нестерпимо захотелось погладить его по голове, но она поджала непослушные ещё пальцы и осторожно спросила:

– Устали?

– Да, – жалобно простонал мужчина. – Ужасно устал. Хочется завалиться в какое-нибудь весёленькое заведение с красивыми женщинами и провести месяц в компании вина и мягких грудей.

Вспомнилась Рыжжа и её незабвенная жизненная мудрость.

– Сходите на кухню, – посоветовала Майяри, знакомая с поместьем Ишыев и его обитателями. – Госпожа Маика обычно очень щедра. Думаю, она обеспечит вас и первым, и вторым.

Шидай приподнял встрёпанную голову и, ненадолго задумавшись, резко пошёл на попятную.

– Не, я люблю груди поменьше. Такие, чтобы не тонуть в них.

Вот привереда. А госпожа Маика как раз ценила таких мужчин, как господин Шидай.

– Скоро уже можно будет переезжать к Ранхашу. Ты готова?

– Уже? – растерялась Майяри.

– Уже. Моя помощь здесь уже почти не нужна. И твоя тоже.

– Но... – девушка запнулась, не зная, как высказать то, что снедало её.

– Виидаш справится и без тебя. У него есть помощники, так что хватит цеплять его к своей юбке.

Майяри недовольно пожала губы. Но в глубине души она была вынуждена согласиться с лекарем. Она чувствовала, что между ней и Виидашем прошла незримая пропасть. Пока не очень широкая, но девушке казалось, что с каждым днём её края расходятся всё дальше и дальше друг от друга. Майяри никак не могла избавиться от желания придумать что-то, чтобы срastить эту трещину, но она также видела в своём желании нечто эгоистичное. Неправильное.

Шидай перекатился на спину и рывком поднялся на ноги.

– Не хочешь прогуляться? – предложил он. – Сегодня чудесная погода.

– Не... – начала было девушка, но лекарь бессовестно перебил её:

– Я знал, что ты захочешь. Помочь тебе одеться?

Девушка бросила на него мрачный взгляд и молча поднялась на ноги. Но шагнуть в сторону гардеробной не успела.

В гостиной раздался грохот, и в следующий момент дверь в спальню с треском распахнулась, отскочила от стены и ударилась в плечо вошедшего харена. Майяри удивлённо взглянула на него и оторопела. Глаза господина Ранхаша гневно сверкали, а ноздри так яростно раздувались, что, казалось, он был готов вцепиться в горло тому, на кого смотрел. А смотрел он на господина Шидая, который приподнял было брови в изумлении и уже через секунду понимающе прищурился. Без насмешки прищурился.

Не успела Майяри опомниться, как харен вжал лекаря в стену и схватил его за грудки.

– Это ты ему написал! – он не спрашивал, утверждал.

Шидай и не думал отнекиваться. Взглянув на господина сверху вниз, он совершенно спокойно заявил:

– Я. И я имею на это право. Можешь беситься сколько угодно, но в это дело я тебе влезть не позволю. Если бы знал раньше, что оно связано с хайнесом, то мы бы и дальше гоняли по болотам разбойников.

Стиснув зубы, Ранхаш тряхнул самоуверенного лекаря и, отпустив его, отшатнулся. Майяри в растерянности наблюдала за этим новым незнакомым хареном. Порывистым, резким в движениях и откровенно злым. Да что там злым! Он был просто взбешён. Запустив пальцы в волосы, Ранхаш взлохматил их и, коротко рыкнув, опять развернулся к Шидаю. Тот встретил его тяжёлым упрямым взглядом.

– Хватит перекладывать на меня свои страхи, – прошипел Ранхаш, на шаг подступая к лекарю.

Тот слегка склонился, сравнившись в росте с хареном, и едва слышно поправил:

– А я не перекладываю, Ранхаш. Свои страхи я ношу на своих плечах, – и приподняв уголки губ в улыбке, добавил: – Прости, не повезло тебе со мной, но уж потерпи старика.

Стремительно развернувшись, харен с рыком саданул кулаком по столешнице и ураганом вылетел за дверь. Рот Майяри приоткрылся, и она вытаращилась на совершенно спокойного, хоть и несколько мрачного господина Шидаю.

– Всё в порядке? – осторожно спросила она, с опаской поглядывая на распахнутую дверь.

– Не переживай, – отозвался Шидай, не отрывая взгляда от входа, – его слегка раздражает, когда решают за него. Ничего, потерпит, – по его губам скользнула чуть виноватая улыбка, – я не так часто позволяю себе подобное. А чего ты замерла? Собирайся давай, пока все деревья в парке не разбежались!

О том, что Виидаш собрался уезжать, Майяри узнала уже на следующий день, правда, совершенно случайно и вместе с, наверное, всеми жителями дома. Несмотря на почтенный возраст, орал господин Ерон с молодецкой удалью. Его вопль девушка услышала ещё в своей спальне и выскочила в коридор, обеспокоившись, что с другом приключилось что-то худое.

– К ним?! – голос патриарха рода Ишый поднялся на такую высоту, что Майяри заподозрила, что эту фразу старик повторяет не первый раз и повторяет, повышая голос всё выше и выше. – Эти униженцы только и могут покорно лизать задницы хайнеса и его приспешников, принимая каждое их слово как дань богов! И ты хочешь бросить наш славный род и уехать в эту гниющую изнутри семейку?! Я потратил годы, чтобы вырваться из их лап и построить свой оплот свободы, чтобы мои потомки могли сами решать свою судьбу, а теперь ты сам хочешь засунуть голову в этот хомут?!

– Ты хотел сказать: построить свой оплот свободы, чтобы самому решать, как жить твоим потомкам? – мрачно, не очень охотно огрызнулся Виидаш.

– Заткнись, мальчишка! Мало тебе тех ошибок, что ты уже по дурости наворотил? Я сразу тебе сказал, чтобы ты не связывался с этой Майяри. Подобные ей девки с туманным прошлым никогда ещё и никому не приносили счастья!

– Не трогай Майяри! – голос Виидаш зазвучал злее.

– Ты даже сейчас, после всего, что произошло, продолжаешь её защищать? – изумился господин Ерон. – Она втянула тебя в такую историю...

– Заткнись, дед! Ты даже не знаешь, о чём говоришь!

– Да об этом уже все знают и треплются на каждом углу!

– И что они знают?! – заорал Виидаш. – Сказочку, которую придумали, чтобы сохранить честь прославленного рода Ишый? Сказочку, придуманную хареном, дабы уберечь твои седины от выпадения! Каково это, дед, – осознавать, что сохранением чести рода ты обязан вездесущим Вотым?

Наступила звенящая тишина, и ошеломлённая Майяри наконец заметила госпожу Ярену, испуганно притаившуюся в коридоре за занавесью.

– О чём ты...

– Забудь!

– Причём здесь Вотые? – казалось, господин Ерон разъярился сильнее прежнего. – Ты встрял в их игры? Я предупреждаю тебя, что связь с этим ушлым семейством отправит тебя на самое дно мира! У них нет никакого понимания чести!

– А тебе это понимание помогло? – Виидаш невесело рассмеялся. – Знаешь, я долгое время не мог понять, почему, прожив здесь столько лет, ты не обзавёлся хоть какими-то близкими знакомыми? Почему старые друзья никогда не приезжали проведать тебя? До меня доходили разные истории о тебе, но я думал, что люди в отместку за твой скверный характер привирают. И до меня только сейчас стало доходить, что их рассказы могут правдой. Ты растерял всех своих друзей! Цепляясь за мелкие обидки, ты ссорился с ними, разрывал связи, считая их недостойными своего внимания, а затем и сам становился недостойным.

– Ах ты гадкий зверёныш...

– Отец господина Шидая, – стоило Виидашу произнести эти слова, и господин Ерон умолк. – Стоило тебе прознать, что тот заимел какие-то дела с Вотыми, и ты возвёл его в злейшие враги. Каково тебе было, когда ты узнал, что это ложь? Это ведь был твой самый старый, самый преданный друг, готовый до скончания времён терпеть твой паршивый характер. Да даже если бы он действительно имел дела с Вотыми, неужели нельзя было ради вашей большой дружбы закрыть на это глаза? Но ты отказал его сыну, когда тот пришёл просить о помощи. Что ты тогда сказал? Попроси Вотых? Мне действительно интересно знать, что ты чувствовал, когда понял, что это не тебя предали, а ты предал!

Последнее слово звонко, как пощёчина, разлетелось по коридору и выкатилось на лестницу.

– Ты в своей жизни сотворил столько ошибок, что не тебе меня попрекать и заставлять следовать твоей мудрости! – разозлённый Виидаш распалялся всё сильнее. – Я столько раз слышал, что якобы похож на тебя, что сейчас с ужасом думаю: неужели и мне суждено стать таким, как ты? Но я не хочу! Ты знаешь, почему именно Майяри осталась жива, а не Рена? – внутри Майяри всё похолодело, а Виидаш перешёл на едва различимый шёпот: – Потому что я не хотел терять своего друга. Я ещё не дошёл до той черты, за которой смогу, как и ты, просто выбрасывать близких из своей жизни. И не хочу доходить! И если ради этого мне придётся уехать и начать жизнь с чистого листа, то я уеду. Я не собираюсь сидеть рядом с тобой и вариться в своей и твоей желчи.

– Всё сказал? – холодно уточнил господин Ерон.

– Нет, – запальчиво ответил Виидаш, – но с тобой говорить всё равно что с глухим.

– Ты никуда не поедешь. Я всё сказал.

– Я никого спрашивать не буду, – мрачно ответил парень.

Майяри вздрогнула, заслышав шаги, и вскинула голову. Мимо стремительно прошёл господин Итар.

– Что происходит? – сурово спросил он у сына и деда.

– Твой отпрыск надумал уехать, – сухой голос господина Ерона так и сочился ядом. – К нашим гнилым родственникам!

– И уеду.

Госпожа Ярена с надеждой прислушалась к воцарившейся тишине.

– Хорошо, сын. Как только ты оправишься, я тебя провожу.

Его жена закрыла лицо руками и горестно всхлипнула, а господин Ерон разразился потоком брани.

– Это его жизнь и ему решать! – гроыхнул господин Итар, и разозлённый дед стрелой вылетел из комнаты, на ходу цедя ругательства и проклятия, и едва не столкнулся с Шидаем, вынырнувшим из выделенных ему покоев.

Лекарь с интересом посмотрел вслед взвинченному Ерону, затем взглянул на плачущую госпожу Ярену и перевёл взгляд на растерянную Майяри. Лицо его осветилось пониманием.

– Решился-таки, – пробормотал мужчина, приближаясь.

– Решился?! – мать Виидаша отняла руки от лица и разъярённо уставилась на него. – Вы знали! Знали! Это вы ему сказали!

– Он спросил, я ответил, – не счёл нужным отпираться Шидай. – Рано или поздно он захотел бы уехать.

– Но не сейчас же!

– Сейчас самое подходящее время.

Женщина разрыдалась и, подхватив юбки, бросилась прочь по коридору. Шидай проводил её сочувствующим взглядом. Детей отпускать всегда очень тяжело. Вот он так и не смог отпустить.

– Ну как ты? – мужчина перевёл сочувствующий взгляд на Майяри.

– Плохо, – не стала врать та. Новость об отъезде Виидаша подняла в душе взвихряющиеся клубы мрака, проснулась тоска и заворочался колючий страх. – Он... он ведь будет один.

– Не один. Там большое семейство.

– Но он их не знает.

– В этом вся прелесть, – тонко улыбнулся господин Шидай. – Раны заживают быстрее там, где их не теребят. А близкие нередко, сами того не желая, раздирают их ещё сильнее.

– А вдруг с ними будет ещё хуже? – не унималась Майяри. – Господин Ерон сказал про них много нехорошего. От него, конечно, похвалы не дождёшься, но вдруг он в кои-то веки прав?

– Не переживай, это неплохая семья. Просто когда-то они не поддержали Ерона в той борьбе, что он начал, решив, что мир в стране важнее.

– Это как-то связано с Вотыми?

– Вотые? – Шидай посмотрел на девушку с интересом, но без удивления. – Нет, они тут не причём, но Ерон предпочитает винить во всех бедах именно их.

– А почему именно Вотые? – не поняла Майяри.

– О, это дела глубокой юности, – мужчина мечтательно прищурился. – Вражда эта началась в те времена, когда Ерон был юн, лет на двадцать старше, чем Виидаш сейчас, красив и весел. Говорят, был таким обаятельным, что сожрал не один десяток девичьих сердец, – Шидай хехекнул. – А потом его собственным сердцем завладела черноокая знойная Жадала. Вроде бы она даже благосклонно посматривала на его дерзкие ухаживания. Но история эта закончилась несколько печально. Объявился некто Шерех, начавший резать всех, кто был в родстве с семьёй Вотый, и оказался он так силён, что отловить его и убить никак не удавалось. Семья Вотый и в те времена была знатна, и многие именитые рода имели с ней кровную связь. Они уж и не знали, как спастись, а тут сам псих Шерех дал им шанс выжить, попросив отдать ему Жадалу. Сопrotивляющуюся девчонку выдали замуж за убийцу – бастарда рода Вотый, и тот наконец унял свою жажду крови.

Помолчав, Шидай добавил:

– Отец рассказывал, что для Ерона это стало сокрушительным ударом, определившим всю его оставшуюся жизнь. Он начал видеть вокруг себя одних только мелочных трусов, готовых ради сохранения собственной жизни на любую подлость. Проявление трусости и нежелание бороться за что-то или против кого-то стали для него слабостями, достойными лишь презрения. С годами характер его портился всё сильнее, Ерон становился всё категоричнее и в итоге превратился в старика, уверенного, что его окружают только враги. А вот Шерех, полтора

года после свадьбы промаявшись с воздержанием, всё же добился благосклонности молодой жены, обзавёлся большой семьёй и возвёл род Вотый на такие высоты, какие он ранее никогда не занимал. И это он-то – убийца, бастард и мужчина, женившийся на девушке против её воли. Если смотреть так, то здесь чувствуется мировая несправедливость. Вроде бы Шерех плохой, – Шидай лукаво подмигнул Майяри, – но ему досталось столько благ и в старости он окружён почётом, уважением и любовью близких. А Ерон старался быть правильным, но все эти блага обошли его стороной.

Почему-то Майяри не смогла пожалеть господина Ерона. Нет, молодой Ерон, в её воображении похожий на Виидаш, вызывал у неё сочувствие, но тот Ерон давно исчез, превратившись в желчного патриарха рода Ишый. Наверное, всё-таки правильно, что Виидаш решил уехать. Майяри было сложно с этим смириться, она боялась за друга и переживала, но понимание, что со временем он может стать собственным прадедом, заставило её смириться с будущим отъездом. Господин Шидай прав, так будет лучше.

– Что-то мне кажется, что после такой ссоры наш мальчик не захочет ждать полного выздоровления и постарается улизнуть из-под бдительного ока прадеда как можно скорее, – лекарь задумчиво посмотрел на дверь, из-за которой доносился тихий рокот господина Итара. – Ерон молчать не будет и сам своим неодобрением додавит его. Если Виидаш действительно темпераментом пошёл в него, то терпеть он не будет. Кстати, это не твоё? – оборотень запустил руку в карман. – Виидаш притащил это с собой из... ну, того дома. Сегодня утром во время уборки служанка достала его из-под кровати.

На его ладони блеснул тёмный бок шара, и брови девушки изумлённо приподнялись. Руки сами потянулись к нему.

– Я так и понял, что это твоё. И кто там? – глаза Шидая предвкушающе сверкнули. – Знойная искусительница? Ещё один воин? Что-то хитренькое?

– Это Защитница, – отозвалась Майяри, сосредоточенно осматривая шар в поисках повреждений.

Брови мужчины сошлись на переносице. Он уже слышал о некой Защитнице, теперь ему стало ясно, кого именно имела в виду Майяри.

– И что она такое?

– Она? – девушка растерянно моргнула и, не отрывая глаз от шара, повернулась к свету. – Она лучшее, что я когда-либо создавала.

Глава 11. Семейство Ррьявля

Ранхаш соскочил с подножки на расчищенную тропинку и, взмахом руки отпустив экипаж, окинул взглядом сперва высокий забор, сбитый из основательно крепких дубовых досок, а потом, с трудом оторвав взгляд от затейливой резьбы, посмотрел на невысокий, но широкий дом – такой же кряжистый и крепко сложенный, как и его хозяин. Только выглядел он посимпатичнее. Взор харена невольно опять притянулся к забору, каждую доску которого покрывали столь искусные узоры, что даже равнодушный к искусству Ранхаш не смог не оценить эту красоту: ветвистые деревья, диковинные цветы, звери, подобно двуногим сидящие на пеньках и рассказывающие маленьким зверятам что-то или же воровато утаскивающие какие-то узелки в передних лапах... Последнее напомнило Ранхашу сюжет одной из сказок, которые в детстве рассказывал ему Шидай – большой знаток разного рода баек. Забор украшало ещё множество сенок и все, как полагал харен, в живописной форме излагали самые известные и добрые истории южных народов Салеи.

На краткое мгновение Ранхаш засомневался, что прибыл к нужному дому. Но провожаемым выступал Рладай, который пару раз искал данетия Трибана по его приказу. Помешкав, мужчина всё же шагнул за бесшумно распахнувшуюся калитку – точнее за реалистично вырезанный куст шиповника, чьи деревянные цветы продолжали цвести и зимой, – и, подняв голову, уставился прямо в глаза дракону, оседлавшему конёк крыши. Его длинное змеевидное тело расслаблено возлежало на кровле, а сам дракон, подняв голову и изогнув шею, со снисходительным интересом взирал на гостя. В покрытых лаком глазах огоньком вспыхнул солнечный луч, и Ранхаш на какую-то секунду почувствовал томительное волнение, словно бы действительно оказался под взглядом опаснейшей твари.

Дверь своей обычностью несколько отрезвила Ранхаша. Её, в отличие от окон и карнизов, не украшало кружево резьбы. Обнаружив рядом длинную верёвочку колокольчика, харен дёрнул её и услышал где-то за дверью переливчатый звон. Через некоторое время до его слуха донеслись торопливые шаги и дверь распахнулась. На мужчину подслеповато уставилась сухонькая женщина с седыми волосами, зябко кутавшаяся в шаль.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Ранхаш. – Я хотел бы видеть данетия Трибана. Он дома?

Женщина подалась вперёд, всматриваясь в лицо гостя, а затем расплылась в улыбке.

– Варлай, душка, это ты? – не дождавшись ответа, проворно ухватила харена за рукав плаща и затащила внутрь. – Проходи-проходи. Ой, как я рада видеть тебя, негодник! А то Трибанушка сокрушался, что якобы посадили тебя. Но я знала, что хорошего оборотня долго держать не будут. Садись, мой мальчик, – обомлевшего от такого гостеприимства Ранхаша впихнули в кресло и тут же укрыли его ноги пледом. – Сейчас я позову его.

Оставив ошарашенного гостя, женщина заторопилась прочь, на ходу плотнее заворачиваясь в шаль.

Ранхашу понадобилось время, чтобы прийти в себя. С подобной теплотой его встречали только в домах родственников-Вотых, но и там никто не позволял себе запихивать его в кресло и укутывать в одеяла. Осторожно, словно плед был живым и мог наброситься, мужчина стащил со своих ног ткань и, сложив её, аккуратно уместил на подлокотнике. И только после этого осмотрелся.

Вытянутая комната с более низким потолком, нежели принято, вызвала у Ранхаша двойственные чувства. Соотношение высоты с площадью оказалось несколько непривычным, и мужчина почувствовал что-то похожее на неловкость. Ещё большую неловкость он ощутил, обнаружив, что с его сапог успела натечь лужа. И натекла она на большой пушистый ковёр.

Одного взгляда хватило, чтобы понять, что вся мебель в комнате сделана вручную и тем же мастером, который запечатлел сказку на заборе. Внимание зацепилось за вышивку, что покрывала обивку и занавеси на окнах, и Ранхаш против воли отметил богатый растительный узор, прекрасное сочетание цветов и пышное разнообразие элементов. Шидаю бы понравилось. Уже пристальнее осмотрев комнату, харен ощутил ещё большую неловкость. Гостиную наполняло множество красивых вещиц, создававших тонкую атмосферу уюта и... чуждости. Каждый предмет в комнате носил на себе такой яркий отпечаток индивидуальности хозяев дома, что Ранхашу казалось, будто бы он без спроса заглянул на что-то очень личное, вторгся в мир, совершенно непохожий на мир, в котором жил он сам. Ещё и ковёр умудрился испортить.

Мужчина встал, запоздало вытер ноги у порога и повесил плащ на вбитый в стену крючок. Взгляд его зацепился за картину парка, обрамлённую рамой окна, расположенного в противоположном конце комнаты, и Ранхаш направился к нему.

Между яблоневыми стволами и холмиками присыпанных снегом смородиновых кустов пролегла широкая тропа, словно бы не выкопанная, а проложенная кем-то большим. Вытекала она круглую поляну, по центру которой лежал огромный бурый медведь. Ранхаш сразу же признал в нём господина Трибана, хотя ни разу не видел его в зверином облике. Огромная мощная зверюга напоминала данетия уже одной своей густой и длинной шерстью, такой же непослушной, как и его волосы. Где-то торчащая дыбом, где-то прилизанная, на животе она свивалась мягкими растрёпанными кольцами. Развалившийся на спине медведь спал, раскинув лапы в разные стороны и слегка приоткрыв пасть. Рядом с ним катался в снегу маленький, похожий на сгусток пламени ярко-рыжий медвежонок, вокруг которого нарезала круги суетливая длиннохвостая лисичка. Рыжая плутовка пыталась призвать расшалившегося детёныша к порядку и умыть его, но с тяжёлым и крупным зверёнышем было не так легко сладить. В конце концов выйдя из себя, лисичка куснула спящего медведя за мех на боку, и тот, лениво заворочавшись, сел и лапами загрёб рыжего шалуна и хвостатую красавицу на своё брюхо, после чего опять откинулся на снег и, казалось, мгновенно уснул.

Медвежонок с восторгом пробежался по папаше туда-сюда и уже хотел скатиться с его крутого бока как с горки в снег, но лиса в самый последний момент успела схватить малыша зубами за куцый хвост и под его отчаянное возмущённое верещание с натугой затащила обратно. Обиженный зверёныш ткнулся мордой в подбородок отца и, не дождавшись сочувствия и понимания, плюхнулся на его грудь, где растёкся рыжей мохнатой звездой.

Обеспокоенная заботой об увесистом малыше лисичка несколько присмирела и даже начала вылизывать свой примявшийся хвост и уже с него перешла на умывание медвежьего брюха. Ранхаш оценил размеры данетия: лиса заняла себя надолго.

На тропинке появилась кутающаяся в шаль женщина. До Ранхаша донёсся её неотчётливый голос. Медведь неохотно повернул башку и уже следом за ней и всё тело. Лиса и медвежонок, к явному восторгу последнего, скатились с него, а медведь, поднявшись на лапы, встряхнулся и подпихнул их мордой в сторону тропинки. Ранхаш ещё некоторое время понаблюдал, как медведь лапами подгоняет непослушного детёныша, стремящегося улизнуть куда угодно, лишь бы не в сторону дома, и отошёл к креслу, куда ранее был впихнут.

Уже через пару минут в гостиную, торопливо завязывая пояс халата и оставляя на полу следы мокрых лап... ног, вошёл данетий. Судя по его просветлённому радостной надеждой лицу, он действительно ожидал увидеть Варлая. Ранхаш утвердился в этом мнении, когда в глазах оборотня появилось сперва удивление, а затем и разочарование.

– Харен? Мама сказала, что здесь Варлай.

– Простите, я не успел её переубедить. Но я думал, ваша матушка... – Ранхаш замешкался. В своём кабинете он бы не задумываясь сказал «мертва», но в этом доме поминать смерть казалось кощунством.

– Она не моя мама. То есть моя, но жены... Теперь она наша общая мама, – запутавшийся в собственных родственных связях Трибан недовольно поморщился. – Видит плохо, но к лекарю обращаться отказывается наотрез. Мол, раз боги решили закрыть мир от неё за туманной завесой, значит, так тому и быть. А вы зачем здесь? Что-то случилось? – видеть самого харена в своём доме было так странно, что Трибан поневоле заподозрил, что приключилось нечто очень паршивое. Может, с новым начальником что-то случилось? Очень уж ретиво податий начал вникать в дело, успел снискать нелюбовь и у нового данетия городской стражи, и у начальника охраны сокровищницы, и у гавария, и даже у будущего главного хранителя сокровищницы, избранного на должность, но ещё не утверждённого.

– Нет. Как вы знаете, меня отстранили.

– Повысили и перевели, – поправил его данетий.

– Не будем скрывать очевидное, – в голосе харена зазвучала прохлада. – Я был отстранён.

И теперь мне нужно передать все дела новому начальнику.

Трибан с недоумением пошевелил бровями, не понимая, какое отношение это имеет к нему. Податий Иезар, посмеиваясь, заявил ему вчера, что харен якобы отказался с ним беседовать. Может, у харена и есть личные счёты с податием, но господин Ранхаш не был похож на того, кто из-за обид будет умалчивать о чём-то. Скорее уж податий лукавил, желая послушать его, Трибана, версию событий.

– С господином Иезаром я дел иметь не хочу, – прямо заявил Ранхаш, разбив представления данетия о себе. – Но и уехать из Санариша и так всё бросить я тоже не могу. Это не в моих правилах. Поэтому я пришёл ввести в курс дела вас. Дальше вы уже сами решите, делиться ли полученными сведениям с податием, но я осмелюсь советовать не делать этого.

Задумчиво пожевав губами, Трибан махнул в сторону двери, ведущей вглубь дома.

– Поговорим в моём кабинете.

В дверях они столкнулись с седовласой женщиной, которая, широко улыбаясь, обхватила мощное запястье данетия своими тонкими сухими пальцами и спросила:

– Сынок, представь мне своего гостя? – и уже харену: – Прости меня, мальчик. Боги наказали меня плохим зрением. Как тебя зовут?

Глядя в её почти прозрачные зелёные глаза, Ранхаш действительно ощутил себя мальчишкой. Словно на него смотрел сам Шерех Вотый.

– Ранхаш, госпожа, – вежливо представился он и склонил голову. – Ранхаш Вотый.

– О, ты один из потомков Шереха Вотого? – в изумлении женщины проскользнули весёлые нотки. – Из какого ты поколения?

– Я его правнук.

– Значит, ты ещё очень и очень юн, – заключила женщина и тихо рассмеялась. – Когда я была глупой девчонкой, то мечтала, что меня похитит один из сыновей Шереха Вотого и станет моим мужем. Знала бы я тогда, что встречу потомка консера в таком почтенном возрасте.

– Вы ещё очень молоды, госпожа, – ложь сорвалась с языка раньше, чем Ранхаш успел осознать, что врёт.

– Какой вы! – посмеиваясь, почтенная госпожа погрозила ему сухоньким пальчиком. – Трибан, этот юноша должен обязательно остаться на обед.

Данетий смущённо посмотрел на «юношу», не зная, как поделикатнее воплотить пожелание тёщи.

– Простите, госпожа, но меня ждут на обед дома. Думаю, мне стоит появляться там хотя бы иногда, – шутка, сказанная совершенно серьёзным тоном, вызвала смех у госпожи и удивление у Трибана.

– Достойный потомок консера! – женщина хлопала харена по руке. – Не буду вас задерживать, но если вы передумаете, то мы всегда готовы поставить лишний прибор.

– Прошу сюда, – данетий указал рукой на лестницу.

В кабинете Трибана витала та же чуждая Ранхашу атмосфера уюта. Шидай всегда старался придать жилищу приятный вид, но созданный им уют был каким-то другим. Не таким пронизывающим до самых костей. Резьба, вышивка, мелкие безделушки... Всё это присутствовало и в кабинете, что ничуть не умаляло его строгого вида. В воздухе витал сильный аромат дерева и лака, а у двери, расположенной напротив входа, валялись щепки и опилки.

Трибан предложил высокому гостю кресло и сам сел по другую сторону стола. Заметив, как осматривается харен, оборотень тоже скользнул взглядом по кабинету.

– Моя жена любит, когда всё красиво, – сказал он и, ничуть не смущаясь, добавил: – И мне тоже нравится. Когда дома всё нравится, и вернуться хочется, верно?

И Ранхаш осознал, что его и данетия Трибана разделяет огромная пропасть. В его владении находилось несколько домов, но хотел ли он вернуться в хотя бы один из них? Ему было всё равно, где жить.

– Верно, – согласился он с данетием.

Дверь скрипнула, и в кабинет прошмыгнула рыжеволосая девочка, одетая лишь в длинную рубашку.

– Лалуша! – с укором пророкотал отец. – Мы разговариваем. Давай я сам зайду к тебе попозже?

Но девочка, проигнорировав его, уставилась на гостя широко распахнутыми голубыми глазами, в которых плескалось что-то восхищённое.

– Я помню тебя, – малышка обличающе ткнула в Ранхаша пальчиком. – Ты тот дядя, что ожил из камня!

Трибан закрыл глаза ладонью и едва сдержал стон.

– Простите, харен. Она спросила, почему вы такой... неэмоциональный, и пришлось как-то так объяснить, чтобы не породить ещё больше вопросов.

Лалуша решительно подошла к гостю и, прижавшись всем телом к его голени, положила на его бедро влажные ладошки. Выбрала она, конечно же, больную ногу. Ранхаш ощутил, как внутри яростно вскидывается волк, запрещающий ему даже думать о том, чтобы причинить вред щенку.

– Вы будете ругать папу? – рыжие брови строго сошлись на переносице.

От горячего мягкого тельца по ноге расползлась волна тепла.

– Нет, я пришёл за советом, – Ранхаш сам не мог понять, зачем ответил ребёнку.

Девочка тут же прониклась к нему расположением и заулыбалась.

– Папа умный, он обязательно поможет, – заверила она гостя, беззастенчиво прижимаясь щекой к его колену. – А вы хороший! А ещё красивый и... – малышка запнулась и испуганно вскрикнула, уставившись на ладони харена.

Данетий привстал, а Ранхаш обеспокоенно осмотрел свою одежду, не понимая, что так напугало ребёнка. Лалуша ухватила за его пальцы и с ужасом уставилась на покрытую красноватыми рубцами ладонь. Губки её задрожали, и Ранхаш вдруг чего-то испугался. Сердце глухо метнулось в груди, и печать на спине запекло.

– Больно? – на него уставились полные слёз и жалости глазки.

– Совсем нет, – поспешил ответить харен, ощущая смутную тревогу.

– Врёшь! – малявка недоверчиво прищурилась и вдруг дунула на шрамы. – Пусть боль улетит на небушко и упадёт дождиком. Из дождика вырастет травка, а из травки цветочек.

По сердцу расползлось тепло, будто бы малышка дунула на него, а не на шрамы. Ранхаш неожиданно припомнил, что во времена его детства Шидай тоже говорил что-то подобное. Только дыхание лекаря, совмещённое с целебными заклятиями, действительно уносило боль.

– Спасибо, мне стало легче, – рука сама легла на голову девчонки и осторожно помяла её рыжие волосы.

– Жди меня, я сейчас! – Лалуша вывернулась из-под его ладони и бросилась к двери, сверкая розовыми пяточками.

– Простите, – покаянно пробормотал Трибан, хотя искренности в его голосе не было ни на каплю.

– Ничего.

В конце концов, когда-нибудь и у него будут дети. Оказывается, с ними порой приятно иметь дело.

Дверь опять распахнулась, и Лалуша бросилась к Ранхашу.

– Вот, это тебе! Подарок, – и протянула ему куклу.

Трибан поджал губы, чтобы не дать волю смеху, и пообещал себе, что до конца жизни не забудет оторопевший взгляд харена. Тот неуверенно принял презент и повертел его. Добротная сделанная деревянная кукла была достойна того, чтобы встать в один ряд с творениями столичных мастеров. Высотой в локоть, с подвижными руками и ногами, мягкими тёмно-русыми волосами и реалистично выточенным лицом. На нём и замер взгляд Ранхаша.

– Извините, – в этот раз в голосе данетия было куда больше искренности. – Лалуша попросила сделать ведьму-злодейку, а мы тогда только-только отловили Амайяриду и у меня все мысли были заняты ею. Случайно вышло, но вышло неплохо.

– И она не злодейка! – Лалуша оскорблённо воззрилась на отца. – Она королева-магиня!

– Ну я же говорю, хорошо получилось, – Трибан подмигнул дочери, и та сменила гнев на милость.

– Тебе нравится? – с надеждой спросила Лалуша, упираясь ладонями в колени харена.

Тот поднял к глазам деревянную Майяри, облачённую в богатое бархатное платье с золотой и серебряной вышивкой. Кукла действительно была хороша, и её не портили ни строгое выражение лица, ни надменный взгляд. Наоборот, это добавляло достоверности, даже дух перехватывало.

– Так ты возьмёшь? – девочка потянула гостя за штанину.

Ещё минуту назад Ранхаш хотел отказаться от дара.

– Да. Спасибо.

Глазки малышки ликующе вспыхнули.

– А ты останешься с нами пообедать? Ну пожалуйста, останься!

– Ох, Лалуша!

Ранхаш вскинул глаза на дверь и увидел госпожу Иларию. Женщина выглядывала из-за двери и даже не пыталась зайти в кабинет, отчего харен предположил, что она не одета.

– Ты мешаешь папе. Иди ко мне.

– Так ты останешься? – Лалуша требовательно уставилась на гостя.

– Я с удовольствием отобедаю с такой прекрасной госпожой, – отозвался Ранхаш.

– Лалуша, ты слышала? Пойдём накрывать на стол, – опять позвала дочь госпожа Илария. – Нужно достать для гостя самую красивую посуду.

Девочка радостно взвизгнула и бегом припустилась на выход.

Илария украдкой, из-за занавески, наблюдала за удаляющимся хареном. Хромающий мужчина казался задумчивым и прижимал к груди свёрток с куклой.

– Станный он какой-то, – рискнула заметить женщина, поворачиваясь к мужу.

Тот рассеянно кивнул, погружённый в какие-то свои не очень радостные мысли. Илария почувствовала дурное настроение мужа, ещё когда он вышел вместе с хареном из кабинета. Видимо, бывший начальник принёс не очень хорошие новости, но спрашивать, что случилось, она не стала. Трибан бы всё равно не ответил. Он никогда не рассказывал о работе, предпочитая отшучиваться или прямо заявлять, что не может ничего сказать.

Опять повернувшись к окну, Илария успела увидеть, как закрывается калитка за гостем, а затем отъезжает чёрный экипаж.

– Я представляла его другим. Мы же с ним уже встречались. Помнишь? Ты привозил нас тогда с Лалушей к его лекарю. Он с нами только поздоровался и больше ни словом не перекинулся. Был таким холодным и отстранённым... Но, похоже, ему нравятся дети.

Заявление прозвучало не очень уверенно. Харен выглядел скорее не довольным общением с Лалушей, а удивлённым, но с «маленькой госпожой» он разговаривал очень учтиво и проявил безграничное терпение.

– Но он действительно странный.

Увидев его в трапезной, мама рассмеялась и сказала, что теперь ей понятно, ради кого внучка разбила свою любимую тарелку. Лалуша сидела рядом с ней с заплаканным и покрытым красными пятнами лицом. Харен просто остолбенел, а его лицо озарилось таким ошеломлением, что малость испугавшаяся Илария попыталась успокоить уже его, заверяя, что завтра у дочери появится новая любимая тарелка. Всю трапезу господин Ранхаш выглядел крайне раздосадованным и даже виноватым.

– Странный, но милый, – Илария развернулась и с игривой улыбкой посмотрела на мужа. – Трибан.

Муж поднял глаза на залитую солнцем улыбающуюся жену и ощутил, как ослабевают сдавливающий сердце обруч. Несколько секунд назад он безрадостно размышлял, что никому в этом мире верить нельзя. Мог ли он, матёрый медведь, подумать, что обаятельный лукавый Арон, охочий до прелестных женщин, и его очаровательная застенчивая племянница окажутся настоящими злодеями? Но сейчас, глядя на рыжеволосую прекрасную Иларию, он решил, что кое-кто всё же достоин доверия, и распахнул свои могучие объятия. Радостно хихикнув, жена бросилась на его грудь.

Глава 12. Недостаток харена

Ранхаш подцепил пальцем подбородок Майяри и приподнял его. Вид у куклы стал ещё более высокомерным, и оборотень, ощутив лёгкую досаду, заставил её опустить голову. И почувствовал невольное восхищение талантом данетия. Весь вид куклы говорил, что она покорилась, но не смирилась. Как всё-таки похоже на оригинал!

Внизу раздались какие-то звуки, и Ранхаш напрягся, прислушиваясь.

– Ты встал?! – громыхнуло взбешённое из холла.

Харен мгновенно признал Шидаю. Тот навещался сюда не так часто, главным образом за какими-то вещами и чтобы проследить за выздоровлением Гвария. Последний на поправку шёл тяжело, несмотря на усилия трёх лучших лекарей Санариша и присмотр самого Шидаю. И затягивалось выздоровление главным образом из-за дурости самого больного, не желавшего лежать на месте.

– Да что у меня за больные?! – продолжал беситься Шидай. – Один дурнее другого!

– Господин Давий занят, я только дверь открыл, – виновато пробубнил парень, не додумавшийся сперва выглянуть в окно и посмотреть, кто там явился.

– Я и сам открыть мог. Подождал бы и открыл, – в голосе лекаря звучали досада и вина. Похоже, понял, что ему самому бы следовало подумать о непревзойдённой глупости Гвария и не стучать в дверь.

– Шидай, чего беснуешься? – откуда-то с кухни пророкотал Давий.

– Твой помощничек опять по дому разгуливает, – наябедничал лекарь. – Хоть бы приструнил его.

– Как? Да если ж я ему оплеуху отвешу, он на встречу к давно почившим предкам уйдёт.

– В постель, обормот! – рявкнул Шидай, и в холле опять воцарилась тишина.

Ранхаш приподнял голову куклы и уставился в её карие глаза. Воображение нарисовало в них тёмный живой блеск, и дерево под пальцами словно бы налилось теплом. Опомнившись, оборотень досадливо поморщился и убрал куклу со стола в ящик. Чем он вообще занимается?!

Взгляд зацепился за фарфоровые зубочистки, подаренные насмешником Виканом, и у Ранхаша руки зачесались убрать их в ящик к кукле. Но вместо этого он представил, как обрадуется братец, прознав, что его пожелание сбывается. Давно уже Ранхаш не мучился столькими эмоциями. А ведь ему казалось, что это проклятие больше никогда не коснётся его.

С тоской осмотревшись, мужчина отметил, что ему даже заняться нечем. В другое время бы он уже ехал в столицу исполнять свои новые обязанности. Но обстоятельства отличались от прежних. Неожиданно он оказался отягощён ответственностью, которую сам же на себя взял. Майяри должна набраться сил перед поездкой. Оставлять её в Санарише он, конечно же, не собирался, хотя Иезара вряд ли обрадует, когда из-под его носа умыкнут самого важного свидетеля. Ранхаш даже испытал мрачное торжество, представив досаду лиса. Ничего, обойдётся. Внутри шевельнулось что-то пьяняще радостное, хулиганское.

В дверь постучали, и Ранхаш быстро обвёл стол взглядом в поисках куклы, на мгновение позабыв, что уже спрятал её. Не дождавшись ответа, посетитель распахнул створку и шагнул за порог. Ранхаш встретил Шидаю ледяным взглядом.

– Дуешься? – лекарь насмешливо изломил брови.

Даже если дуется, то что с того?

– Дуешься, – уверился Шидай, заходя в кабинет и закрывая за собой дверь.

Ранхаш мрачно уставился на него. Он думал, что уже давно привык к постоянному вмешательству в свою жизнь, но, как выяснилось, нет, не привык. Хотелось разбить великовозрастному интригану морду и сломать пару рёбер. Если бы Ранхаш ценил его меньше, то так бы и сделал.

– Прости, – лекарь произнёс это без насмешки, и в его голосе звучала искренняя вина. – Я знаю, тебе тяжело с нами, но прости меня, я по-другому не могу. Все преступные дела, связанные с правящей семьёй, рано или поздно принимают дурной оборот. Последствия невозможно контролировать, и они часто слишком серьёзны. Мне не хотелось бы, чтобы это коснулось тебя.

– А я не имею право самостоятельно выбирать, чем заниматься? – ноздри Ранхаша яростно раздулись, и лёд в глазах наконец-то треснул.

– Ранхаш, ты же прекрасно знаешь, почему я сам бросил сыскарское дело и тебя долгое время не пускал в сыскари, – Шидай устало потёр глаза. – Последнее расследование, которым мы с Борланом занимались, было связано с покушением на хайнеса и его семью. Нас предупредили, что мы зашли слишком далеко и что стоит остановиться, но разве такие горячие головы, как мы, могли это сделать? В результате я потерял своего лучшего друга, твоего деда, жену, дочь и две трети своего рода. Мне было тяжело найти новый смысл жизни, и если я потеряю и тебя, то просто сдохну.

В кабинете повисла тяжёлая тишина. Как же Ранхаш не любил, когда Шидай вспоминал о своём прошлом! Теперь он чувствовал себя виноватым в том, что лекарь опять пустился в воспоминания.

– Может, ты прав, – куда спокойнее согласился он. – Я упустил в этом расследовании слишком много важного. Возможно, расследования – это не моё.

– Ну почему же, – не согласился с ним Шидай, – ты очень хорошо себя проявил, особенно если принять во внимание, что это твой первый подобный опыт. Тебе просто со мной не повезло, – мужчина тихо рассмеялся.

– Нет, – Ранхаш отрицательно мотнул головой, – я допустил много ошибок из-за своей принципиальности и не проницательности. Слишком медлил, пытаюсь поступить по закону и найти доказательства. Я позволил Амайяриде дважды сбежать и не смог защитить её, когда обещал это. Думаю, это место действительно достоин занять кто-то более рассудительный. Но не Иезар, – глаза харена нехорошо прищурились.

– Иезар? – изумлённо повторил Шидай. – Они прислали на твоё место его? Боги, чем Шерех думал? У него наконец-то старческий маразм начался?

– Это уже неважно. Я оплошал.

– Не наговаривай на себя, – лекарь опёрся бедром на край стола и сложил руки на груди. – Гениев, способных уследить за всем и принять во внимание все детали, да ещё и правильно их между собой связать, на самом деле очень мало. Ни я, ни Борлан к ним не относились, но это не мешало нам почти двести лет успешно заниматься расследованиями. Преступники они, знаешь ли, тоже бывают весьма башковитыми. Помню я одного такого, – глаза оборотня затуманились. – Два года нас за нос водил, подлец! Хорош был! Живым так и не дался.

– Я не нуждаюсь в утешениях, – Ранхаш посмотрел на Шидая с прохладой.

– Ба, какие утешения? – мужчина возмущённо фыркнул. – Я, между прочим, ещё не договорил. Борлана я припомнил не просто так. Есть у тебя один весьма существенный для сыскаря недостаток. Ты привык работать в одиночку. Вспомни, как ты построил свои отношения с местными сыскарями. Простые исполнители твоих приказов! Пойдите туда, принесите то, сделайте это... Они не участвовали в самом расследовании и выполняли ту же роль, что и городская стража. Ты не позволил им думать над делом, не делился информацией. Всё это ты взял на себя. А ведь сыскари созданы для того, чтобы думать, Ранхаш! Расследовать. Когда над делом размышляют два сыскаря, от этого больше пользы. У каждого из них свои идеи и варианты, каждый может внести что-то новое в расследование со своей позиции. В расследовании очень важно прислушиваться к другим, а ты работаешь в одиночку. В этом твой самый главный недостаток, Ранхаш. Ты прекрасно командуешь, но работать на равных с другими не умеешь.

– В расследовании важно сохранение секретности, – мрачно отозвался харен и припомнил фразу Майяри: – То, что знают двое, уже не тайна.

– Везде есть недостатки, – не стал спорить Шидай. – Но, видишь ли, двое успеют сделать больше, чем один. Пока ты расследуешь что-то в одном месте, второй изучает что-то другое. И следствие движется быстрее. Пока ты берёшь всё на себя, ты медлишь и растрачиваешь силы. Вспомни, как ты последний раз потерял Майяри.

Шидай осознанно наступил на большую мозоль Ранхаша и хорошенько её придавил.

– Меня там не было, но я могу с уверенностью сказать, что там произошло. Наверное, ты вступил в схватку со всеми, кого успел увидеть, чтобы девчонку освободить от необходимости драться, и оказался так занят, что упустил момент, когда её увели.

Ранхаш слегка поморщился. Когда кувшины с огненными цветами начали разрываться, он действительно пытался различить в дыму силуэты врагов, но специально на себя их не при-манивал. Они сами к нему шли.

– Слышал притчу о войне и девае?

– Шидай... – харен поднял руку, пытаясь остановить его.

– Нет, ты послушай! – Шидай наставительно ткнул в него пальцем. – Спасаясь от врагов, знатная дева и её доблестный страж оказались в пустыне. Еды и воды у них было мало, и в первый день воин благородно отказался от пищи, решив, что важнее накормить хрупкую госпожу. На второй день он опять отказался от еды и на третий тоже. А на четвёртый день на них напал медведь и растерзал ослабевшего от голода воина и его госпожу.

– Откуда медведь в пустыне? – не понял Ранхаш.

– Это притча! – Шидай взглянул на него, как на идиота. – Если бы воин не взваливал на себя все тяготы пути и поделился лишениями с девой, то у него нашлись бы силы справиться с диким зверем. Ты понял что-нибудь?

– Нет, – упрямо заявил Ранхаш, исключительно чтобы позлить его.

– Ах ты мальчишка! – разъярённо прошипел Шидай и отвесил ему оплеуху.

Харен покорно пригнул голову, принимая наказание, но взгляд исподлобья говорил о чём угодно, но не о смирении.

– Не взваливай всё на себя, и будет тебе счастье! – подвёл итог Шидай. – И вообще найди себе напарника. Кто-то же должен вызывать у тебя доверие.

Напарника? Ранхаш ощутил растерянность.

– Только кого-нибудь рассудительного, – поспешил добавить лекарь. – Кто-то в паре обязательно должен уметь вовремя останавливаться. Мы с Борланом оба были безбашенными, отчего постоянно в истории влипали. Эй, ты чего?

Шидай подозрительно уставился на задумавшегося харена.

Напарник? Что-то в этом было. У него даже есть кандидатура на эту роль. Неопытная, несколько импульсивная, но сообразительная и даже, как ни странно, вызывающая доверие. Первые два недостатка легко покроют его, Ранхаша, рассудительность и хладнокровие. Кроме того, у неё не останется времени на опасные проделки и он сможет присматривать за ней. Да, в идее Шидаея что-то есть...

– Надеюсь, ты не задумал какую-то глупость? – с опаской спросил лекарь.

– Не переживай, – Ранхаш вынырнул из своих размышлений. – Я думал об отъезде.

– О, кстати... – Шидай замаялся, и на его лице появилось воистину виноватое выражение. – Что будет с Майяри?

Бойтся старый волк за девчонку! Ранхаш почувствовал себя почти отомщённым. У него даже мелькнула мысль пощекотать нервы Шидаея ещё чуть-чуть, но он всё же не позволил себе этого.

– Мы забираем её, – и, высокомерно вскинув брови, добавил: – Или ты действительно думаешь, что я отдам Иезару то, что с таким трудом достал?

Глава 13. Прощание

– Виидаш, может, ты ещё передумаешь? – шёпот госпожи Ярены звучал умоляюще.

Сын отрицательно мотнул головой и прижал заплаканную мать к груди, отчего та опять пустилась в слёзы.

– Ярена, ну чего ты? – смущённо пробасил Итар, косясь на харена, который с непонятным выражением на лице пристально наблюдал за катящимися по щекам женщины слезами. – Будто он насовсем уезжает и неизвестно куда. Писать же будет. А к лету сами к нему поедем, с родичами заодно нормально познакомимся.

Увещевания на женщину не действовали, и она, всхлипывая, отчаянно цеплялась за одежду сына.

Майяри сама едва сдерживалась от слёз. Отпустить Виидаша оказалось очень сложно. За многие годы она привыкла к тому, что близких у неё нет, и вот, заимев наконец друзей, девушка дико боялась отпускать одного из них. Вдруг он больше никогда не вернётся, вдруг с ним что-то случится, вдруг он сам сделает что-то с собой! Хотелось вцепиться в Виидаша и закричать, что она никуда его не пустит, но вместо этого Майяри что есть сил сжимала руку господина Шидаея.

Господин лекарь оказался прав: не прошло и недели, как Виидаш заявил, что уезжает. Господин Ерон достал его уже на третий день, и между ними разгорелся грандиозный скандал. Виидаш так взбесился, что разнёс всю комнату, чуть не прибил прадеда и сильно растянул не до конца зажившие связки на руках. И на следующий день начал готовиться к отъезду. Госпожа Ярена плакала не переставая, и Майяри была готова присоединиться к ней, но крепилась.

С отъездом Виидаша её пребывание в доме Ишыев тоже становилось излишним, и Шидаея назначил их отъезд на тот же день, когда парень решил покинуть родовое поместье.

У ворот имения ожидали три экипажа, два из которых были доверху нагружены поклажей. У одного из них нервно мялись Мадиш, Эдар и Лирой, решившие уехать из города вместе с другом. Путь того всё равно пролегал через Жаанидый, так что они могли с чистой совестью заявить, что им просто по пути. И Майяри была очень рада, что они едут вместе с Виидашем: присмотрят.

Провожали Виидаша все родственники, кроме прадеда, и часть слуг. Майяри и Шидаея стояли немного в стороне, недалеко от экипажа, на котором приехал забрать их харен. Сам господин Ранхаш не спешил приближаться, оставшись рядом с каретой.

– Господин Шидаея, прикроете меня? – тихо попросила Майяри, не отрывая взгляда от Виидаша.

– Что? – не понял тот.

Девушка молча развернулась и под подозрительным взглядом харена шагнула за экипаж. Лекарь, помедлив всего мгновение, направился за ней.

– Что такое? – обеспокоенно спросил он, наблюдая, как девушка запускает руку в карман.

С ладони Майяри скатился тёмный шар. Едва он соприкоснулся со снегом, как перед ней появилась она сама. Шидаея удивлённо вскинул брови, рассматривая точную, только более здоровую копию девушки с суровым выражением лица и пустыми глазами. Майяри что-то начертила пальцами в воздухе, и обманка, круто развернувшись, – только подол длинного платья ширхнул по снегу – шагнула в сторону отъезжающих. Но прежде чем она показалась из-за экипажа, образ её истаял и исчез.

– Что такое? – Шидаея напряжённо уставился на Майяри, ожидая, что она расстроится, но та смотрела перед собой с такой мрачной решимостью, будто исчезновение обманки было запланировано.

Оно и было запланировано.

Защитница. Лучшее, что она когда-либо создавала. Невидимая ни для кого, она защитит Виидаша от любой опасности, даже от него самого. Привязанная к силе мира хаггаресским знанием, она прекратит своё существование, только если уничтожат её оболочку. Невидимая, с огромным запасом магических сил, с самыми совершенными навыками, что смогла дать ей Майяри, она представляла из себя самую идеальную защиту. Майяри даже учла недостаток, который позволил Дешию спастись, и устранила его.

В воображении Майяри Защитница продолжала быть видимой, и девушка смотрела, как она подходит к Виидашу и замирает за его спиной, чтобы остаться там навсегда либо до момента, когда ей придётся явить себя.

– Майяри, где он? – лекарь, сидя на корточках, пытался найти в снегу шар.

Девушка молча уставилась на него, и Шидадая кольнуло осознание.

– Да быть не может... – неверяще протянул он.

– Она – лучшее, что я создавала, – напомнила Майяри.

– Ты хочешь сказать, она где-то здесь? – недоверчиво спросил Шидадай, переходя на шёпот. – Это невозможно!

– Почему же? – девушка едва заметно и не очень весело улыбнулась. – Вспомните тифрити. Взять кое-что от них, переделать, слегка усовершенствовать и дать всему этому безграничную энергию.

Рот Шидадая ошеломлённо приоткрылся.

– Майяри, ты понимаешь вообще, что именно сделала? – наконец поражённо выдохнул он. – Над невидимостью бились многие величайшие маги, но так ничего и не добились. А тебе всего двадцать девять, и ты уже смогла это! Ты осознаешь, что это... невероятно... гениально?

Девушка безразлично пожала плечами.

– Семья, в которой я родилась, богата на гениальность. Наследственность, – последнее она выплюнула с презрением.

– Эй, Майяри, ты чего там спряталась? – к ним заглянул Мадиш. – Я уж думал, ты плачешь на груди этого старика.

Шидадай ласково улыбнулся парню и поднялся, сразу став выше него, отчего тот почувствовал себя не в своей тарелке.

– Поплачет она потом, когда мы будем наедине. Я сожму её в своих объятиях и...

– Да делайте что хотите! – поспешил заткнуть его Мадиш. – Ты с Виидашем-то прощаться будешь?

– Вы уже уезжаете? – сердце Майяри упало.

– Ну не будем же мы здесь весь день стоять!

Девушка, подобрав юбки, стремительно обогнула друга и поспешила к отъезжающим. У экипажа она ненадолго замерла, столкнувшись с посеревшим взглядом Виидаша, а затем бросилась к нему и крепко обняла.

– Пожалуйста, береги себя, – горячо попросила она. – Пожалуйста, Виидаш, очень прошу тебя! Я боюсь за тебя.

Парень неловко погладил её по спине и отстранил от себя.

– Я справлюсь, – тихо пообещал он. – Я постараюсь справиться.

– А ты приезжай к нам в гости, – подошедший Мадиш потрепал готовую расплакаться подругу по волосам. – И пиши. Почаще пиши. Не кисни тут. Да и вообще, перебирайся в Жаанидый. Чего тебе здесь торчать?

– Я подумаю, – невесело отозвалась Майяри. Вот только кто её туда отпустит? Опять сбегать?

– Будь осторожнее, – Виидаш тоже потрепал понурившуюся подругу по волосам и развернулся к экипажу.

Господин Итар помог ему забраться внутрь и сам залез следом. Мадиш, Лирой и Эдар, наперебой выкрикивая слова прощания, загрузились в другой экипаж, и вся процессия наконец тронулась в путь. Госпожа Ярена в очередной раз залилась слезами и уткнулась лицом в необъятную грудь Маики.

– Госпожа Майяри, нам пора, – донёлся до слуха Майяри голос харена.

Девушка крепко-крепко зажмурилась и, сцепив руки на груди, едва слышно взмолилась:

– Боги, пожалуйста, прошу вас, уберегите Виидаша!

Лёгкий ветер прошуршал по снегу и в ушах разнёсся отзвук задорного женского смеха.

– Я готова, – Майяри развернулась к харену.

Тот озадаченно мотнул головой, осмотрелся и потёр ухо. На мгновение ему послышался чей-то смех, а в лицо пахнуло болотной сыростью.

Глава 14. Дочь рода Вотый

Ранхаш пересчитал перекладыны на лунной тени от окна и перевёл взгляд на потолок. Почему-то не спалось. Перед глазами продолжала стоять понурая девчонка, сейчас спящая через комнату от него, а в ушах раздавались горестные охи Давия: домоправителя привела в ужас фигура Майяри. По какой-то причине выбросить из головы эти досадные мелочи не удавалось. Может, оттого что он до сих пор не сообщил девушке об отъезде? Но она казалась такой опечаленной, что Ранхаш посчитал возможным перенести разговор на утро. Или же это из-за хаггаресских символов на стенах? Мужчина, только увидев, с каким недоумением Майяри взглянула сперва на свои руки, а потом уже с досадливым осознанием на стены, вспомнил про них. Надо было убраться!

Отчаявшись уснуть, Ранхаш сел и, натянув штаны, направился к двери. Ему всё равно нужно написать пару писем, а раз такой случай...

Проходя мимо двери комнаты, где спала девчонка, оборотень, поддавшись шёпоту паранойи, осторожно приоткрыл створку и заглянул внутрь.

Амайярида не спала, но неурочный гость не привлёк её внимания. Девушка сидела на постели, уткнувшись лицом в колени, и медленно раскачивалась из стороны в сторону. В этом было что-то жуткое, и Ранхаш забеспокоился.

– У вас всё хорошо? – тихо спросил он.

Девушка замерла, прекратив качаться, и, медленно подняв голову, уставилась на мужчину. Несколько секунд она просто смотрела на него чёрными, как сама темнота вокруг, не светящимися глазами, а затем отрицательно мотнула головой.

– Нет, – едва слышно отозвалась она.

– Позвать Шидаю?

Майяри словно призадумалась, а затем опять отрицательно мотнула головой. Ранхаш ощутимо занервничал.

– Я могу чем-то помочь?

В этот раз девчонка долго не отзывалась, но потом всё же разомкнула губы и хрипло попросила:

– Подойдите.

Харен, неслышно ступая босыми ногами по полу, подошёл к её кровати и замер. Вдруг девчонка резко – у него даже сердце скакнуло – подалась вперёд и, схватив его за руку, прижалась мокрым лицом к его длани.

– Харен, пожалуйста, помогите мне...

Всё её тело дрогнуло от всхлипа, и Ранхаш ощутил внутри нечто тёмное и пока не понятное.

– Пожалуйста... Я думала, что справлюсь, но я не знала, что будет так больно и так тяжело, – Майяри подалась ещё ближе и, крепко, судорожно обхватив мужчину руками, вжалась мокрым лицом уже в его обнажённый живот. – Я не смогу нести всё это в одиночку. Не смогу... – стиснув зубы, она разрыдалась. – Я отдам вам эти артефакты, я полностью доверюсь вам, только, пожалуйста, помогите...

Ранхаш осторожно положил руки на её трясущиеся плечи, ощущая, как им всё сильнее и сильнее овладевает ужас. Сильная негибкая Амайярида, готовая умереть и унести все свои тайны в могилу, со слезами молила его о помощи. Мужчина почувствовал, что произошло что-то кошмарное.

Отстранив её от себя, харен склонился к её лицу и тихо прошептал:

– Я всё сделаю, только...

Он не смог сказать, что «только». Его словно парализовало, когда лунные лучи отразились блеском на залитом слезами лице. Странное онемение и непонимание, что же ему делать, овладели им, и Ранхаш лишь лихорадочно прошептал:

– Подождите... подождите...

Из комнаты он выбежал. Ворвавшись в спальню к Шидаю, он схватил спящего лекаря за плечи и тряхнул что есть сил.

– Проснись! Да проснись же!

Шидай распахнул глаза и ошалевшие уставился на искажившееся лицо господина.

– Что такое?

– Она плачет! – выдохнул Ранхаш. – Сделай что-нибудь.

Понадобилась только одна секунда, чтобы лекарь окончательно проснулся и, стряхнув с себя харена, бросился на выход.

Ранхашу потребовалось больше времени, чтобы прийти в себя. Опустившись на пол и прислонившись спиной к кровати, он запустил пальцы в волосы и с ужасом уставился на темный пол. Почему-то было так страшно. Сердце бухало в груди, печати нещадно жгло, а в душе металась ужас, злость и отчаяние. Что происходит? Что с ним происходит?!

До слуха продолжали доноситься тихие всхлипывания, и отчего-то они вносили в душу ещё большее смятение. Усилием воли Ранхаш загнал путающие сознание эмоции глубоко в себя и постарался восстановить хрупкое равновесие. Но от звуков, доносившихся из спальни Майяри, мужчина продолжал нервно вздрагивать. Ноги сами понесли его к той комнате, и Ранхаш, застыв на пороге, жадно взглянул в сторону постели.

Шидай нежно укачивал рыдающую девчонку в своих руках и вместо того, чтобы успокаивать её, шептал:

– Поплачь-поплачь.

Майяри задыхалась от слёз и судорожно цеплялась перебинтованными пальцами за плечи мужчины, впивалась в его спину и, казалась, боялась, что её оторвут от него. Ранхаш невольно провёл рукой по животу, всё ещё слегка влажному, и с неожиданной и необъяснимой злостью подумал, что так он и сам смог бы её успокоить.

Утром мрачное ночное настроение так и не развеялось. Вволю наплакавшись, Майяри уснула в обнимку с Шидаем, а вот сам Ранхаш поспать так и не смог. Раздражение, объяснение которому он так и не смог найти, гнало сон прочь. Остаток ночи Ранхаш провёл в кабинете, в свете лампы вглядываясь в лицо деревянной Майяри, которая даже и не думала плакать. И от этого она вдруг перестала быть похожей на оригинал и стала менее живой.

Наутро Ранхаш всё же решил, что то, что происходит с ним, как-то неправильно, и постарался вернуть себе равновесие. Внутри опять воцарилось спокойствие, но оно было каким-то ненадёжным и хрупким. Что же с ним всё-таки происходит?

В дверь кабинета постучали, и Ранхаш бросил взгляд в зеркало, отмечая прежнего себя: волосы в порядке, кафтан застёгнут на все пуговицы, лицо спокойно. Не дождавшись ответа, дверь всё же распахнулась, и внутрь заглянул недовольный Давий.

– Господин, там какой-то рыжий видеть вас хочет. Представился податием Иезаром, но выглядит как настоящий пройдоха.

Ранхаш нахмурился. Вообще-то он ждал Майяри, которую пригласил для серьёзного разговора, и Иезар в его планы не входил. Но просто так выставить нового главу санаришского сыска как-то уж совсем невежливо. Нужно хотя бы узнать, что тот хочет, а то напакостит ещё исподтишка.

– Проводи его ко мне. И скажи Майяри, чтобы она не заходила сюда.

Давий скрылся, и Ранхаш тщательно осмотрел свой стол: не забыл ли убрать что-то важное.

Когда солнечно улыбающийся Иезар вошёл в кабинет, харен уже сидел в кресле за столом и с удовольствием ощущал, что привычные равнодушные и холодность вернулись к нему. Сразу стало так легко и просто.

– Ох, Ранхаш, сегодня такое доброе утро! – Иезар плюхнулся в кресло и с нескрываемым любопытством осмотрелся. – Ещё не гулял?

– Нет, – прохладно ответил хозяин кабинета. – У меня нет времени на прогулки, готовлюсь к отъезду. Надеюсь, вы пришли не просто так? У меня очень мало времени.

– Что ты! – наигранно ужаснулся лис. – Как я мог посметь беспокоить тебя по пустякам? – и, улыбнувшись ещё шире, добавил: – Я по делу. Видишь ли, среди материалов по делу об ограблении не хватает кое-чего очень нужного.

– Разве? – прохладно удивился Ранхаш. – Неужели вам не хватает описания одного из участников расследования?

– Ай-яй, Ранхаш, – Иезар укоризненно прицокнул. – С твоей стороны, конечно, было очень нехорошо забирать кое-какие бумаги, но их я достал. В санаришской школе магии.

Мужчина почему-то потёр шею, и Ранхаш заметил край синего пятна, выглядывающего из-под стоячего воротничка. Почему-то вспомнился вспыльчивый мастер Милим. С каким-то злорадным удовольствием вспомнился.

– Но пришёл я не затем, чтобы корить тебя за такую мелочность, – лис прищурился. – Среди материалов не хватает кое-чего более важного. Я бы сказал, невосполнимого. Понимаешь, я нигде не смог найти самого главного свидетеля по делу. Мне не хватает Амайяриды Мыйм. Может быть, вернёшь?

Щёлкнула проворачиваемая ручка, и под взглядами вскинувшихся мужчин в кабинет вошла Майяри. Увидев незнакомца, девушка нахмурилась и сделала шаг назад.

– Я не вовремя?

Ранхаш так тяжело посмотрел на неё, словно хотел взглядом выдавить обратно в коридор. Зато Иезар быстро поднялся и, сияя улыбкой, сделал шаг навстречу насторожившейся девушке.

– Разве красивая девушка может прийти не вовремя? – пропел лис, Майяри насторожилась ещё больше и наконец взглянула на мрачного харена. – Я буду очень рад, если вы составите нам компанию. Понимаете, у меня такое чувство, что это именно вас я искал всю эту неделю, – последнее прозвучало так, словно рыжий мужчина ждал встречи с ней всю свою жизнь.

А Ранхаш с неожиданным неудовольствием отметил, что девчонка похорошела. Раньше это почему-то в глаза не бросалось, но сейчас, видя сияющий взгляд Иезара, харен вдруг отметил, что лицо Майяри порозовело и приобрело здоровый цвет, губы налились краской, в волосах появился блеск, а глаза стали ещё темнее и ярче.

Ничего не отвечая лису, Майяри просто развернулась и молча вышла за дверь, оставив несколько обескураженного мужчину стоять посреди комнаты.

– Эй, Майяри, я тебя везде ищу! – донёсся из коридора возбуждённый бас Давия.

– С характером красотка, – заметил ничуть не расстроенный Иезар, возвращаясь в кресло. – Так вот, Ранхаш, я за девчонкой.

– За какой девчонкой? – харен уставился на него с холодным недоумением.

– Брось. Ты прекрасно знаешь, что обязан отдать её мне. Ты не можешь держать при себе самого главного и единственного свидетеля ограбления. Не вернёшь по доброй воле – приду со стражей и всё равно заберу. Подумай, Ранхаш, разве тебе нужны эти проблемы? Слухи пойдут, что самый честный из Вотых в угоду своей слабости помешал расследованию очень важного дела...

– Ты не можешь её забрать, – прямо заявил Ранхаш, переходя на «ты». – И даже требовать этого не можешь.

Иезар сохранил улыбку, но глаза его нехорошо сощурились: наглое заявление уязвило рыжего пройдоху.

– Ранхаш, не забывай, тебя отстранили. Что бы ты там против меня ни имел, сейчас я веду это дело, и мешать ты не имеешь права.

– Амайярида Мыйм готовится стать дочерью рода Вотый, – спокойно сообщил Ранхаш.

– Что? – улыбка наконец сползла с лица Иезара, и он непонимающе нахмурился. – Не можешь же ты... – он недоверчиво осмотрел харена.

– Мой брат Викан сделал Майяри предложение, – перебил его Ранхаш. – Пока он отсутствует, вся ответственность за Амайяриду лежит на моих плечах. Думаю, ты сам понимаешь, что не можешь требовать то, что уже принадлежит моей семье.

– Вотые! – разъярённо выдохнул Иезар и, грохнув кулаком по подлокотнику, раздражённо усмехнулся. – А ты, оказывается, достойный член своей семейки.

– Спасибо, – сухо поблагодарил Ранхаш.

– Как всегда, впереди всех! Прибрали девчонку к рукам!

– Она станет достойным украшением нашей семьи, – харен приподнял уголки губ. – Господин Иезар, вас ещё что-то интересует? Нет? Тогда позвольте проводить вас.

Ранхаш встал, и гость, смерив его мрачным взглядом, тоже поднялся.

– А ты изменился, Ранхаш. Раньше ты брезговал такими методами.

– О чём вы? – харен распахнул перед Иезаром дверь. – Разве властен я над чужими чувствами?

Лицо податия исказила усмешка. Поравнявшись с волком, он склонился к его лицу и с полной уверенностью выдохнул:

– Конечно же, – и шагнул за порог.

Глава 15. Соглашение

Майяри зашла в кабинет харена с не очень хорошим предчувствием: не понравился ей рыжий посетитель. Было в нём что-то такое... неприятное, опасное, несмотря на кажущуюся любезность. Да и харен довольным не выглядел, едва взглядом не прожёт, стоило ей войти.

Господин Ранхаш встретил её за столом и молча махнул на кресло, предлагая сесть.

– Что-то произошло? – напряжённо поинтересовалась девушка, присаживаясь. – Кто этот господин, что был здесь? Или мне нельзя это знать?

– Это новый глава санаришского сыска, – не стал скрывать харен, – податий Иезар Олший. Меня отстранили от вашего дела...

– Оно не моё, – невольно поправила Майяри, ощущая стылый холодок внутри.

– ... и назначили главой жаанидыйского сыска, – закончил оборотень. – Скоро я уезжаю.

Повисла тишина.

– Уезжаете? – растерянно повторила девушка. – Но... – в голове мелькнули постыдные воспоминания о ночной истерике, когда она обещала отдать артефакты и молила харена помочь ей.

Получается, она опять осталась в одиночестве и теперь находится во власти совершенно незнакомого оборотня? Майяри сцепила дрогнувшие пальцы и высоко вскинула подбородок. Мгновения ночной слабости остались позади. Она столько лет прожила в борьбе, проживёт и ещё немного.

– Я хотел бы забрать вас с собой, – харен пристально посмотрел на неё.

Сердце ухнуло вниз, и Майяри на мгновение забыла как дышать. Волна облегчения и благодарности захлестнула её, и девушке пришлось опустить голову, чтобы скрыть неожиданно овладевшие ею эмоции.

– Я уже знаком с вашим противоречивым характером, поэтому мне не хотелось бы увозить вас силой. Я надеюсь договориться.

Договориться? Майяри взглянула на оборотня с удивлением.

– Признаюсь честно, мне не хочется бросать начатое дело, – господин Ранхаш откинулся на спинку кресла. – Но и вести открыто я его тоже не могу: видите ли, господин Шидай был тем, из-за кого меня отстранили.

– Господин Шидай? – поразила Майяри. – Но...

– Не будем вдаваться в причины, – голос харена похолодел. – Но вести это дело в одиночку я тоже не могу, поэтому я предлагаю вам, госпожа Майяри, стать моим партнёром. Несмотря на ваши постоянные недомолвки и ложь, точнее, благодаря им, я уверен, что могу доверять вам. Возможно, моё предложение покажется вам не очень привлекательным и вы предпочтёте, как всегда, решить всё побегом, но я бы посоветовал вам всё же подумать. Господин Иезар не так мягок, как я, и его методы дознания могут вызвать неодобрение даже у самых жёстких санаришских сыскарей. При этом как следователь он не отличается честностью. Он служит лишь самому себе, а не закону, и если он увидит выгоду в неправде, то примет её сторону. Поверьте, я его хорошо знаю.

Майяри даже немного удивило, когда харен предположил, что она опять захочет решить проблемы побегом. Ярость за боль друга продолжала кипеть внутри и требовать мести.

– Господин Ранхаш, сейчас я сильнее, чем когда-либо, хочу вырвать этот корень зла, – решительно заявила девушка, но на этом её решимость и иссякла. Опустив глаза, Майяри уже тише продолжила: – Но одна я не справлюсь. Я до сих пор плохо знаю традиции Салеи, путаюсь в хитросплетениях её истории, о которых не написано в книгах, у меня почти нет знакомств и я слаба. Довериться же кому-то, кроме вас, я не могу. Я приму ваше предложение, но разве вы сможете увезти меня? Я же свидетель по делу. Господин Иезар ведь приходил за мной?

Харен качнул ресницами, подтверждая это. Губы его слегка дрогнули, и Майяри на мгновение показалось, что в зрачках оборотня мелькнуло злорадное торжество.

– Да, господин Иезар имел смелость требовать вас, но, госпожа Майяри, сейчас вы принадлежите семье Вотый, – девушка непонимающе хлопнула глазами, и Ранхаш продолжил: – Вы всё ещё невеста Викана, а, значит, будущая дочь нашего рода.

– Но в свадьбе с господином Виканом больше нет необходимости, – Майяри взглянула на свои руки.

– Верно, – согласился с ней Ранхаш, – но помолвка защищает вас от посягательств господина Иезара и даёт мне разумный повод проявить заботу о вас, не вызывая лишних вопросов и подозрений. Подготовку же к замужеству можно растянуть на годы.

Вот это Майяри не очень нравилось. Быть чьей-то невестой, пусть это и ложь... Девушка нервно переплела пальцы.

– А можно как-то без помолвки?

– Могу оформить опеку, – предложил харен.

– Сойдёт и помолвка, – мгновенно пошла на попятную Майяри.

– Отлично. Так как репутация у Викана отвратительная, мало у кого возникнут вопросы, почему заботу о вас взял я.

Вообще-то возникнут. Ранхаш никогда не был уличён в заботе о ком-то, а тут невеста Викана, с которым у него сложились не самые прекрасные отношения. Но девушке об этом знать совсем необязательно.

– А почему не его семья? – девчонка всё-таки подозрительно прищурилась.

– Викан живёт со своими родителями, и в их доме вы не будете защищены от его посягательств. Кроме того, у него есть брат – тоже большой любитель женщин.

Всё же Майяри казалось это несколько странным, но свои мысли она оставила при себе. Она же всё-таки собиралась иметь дело именно с хареном: ни к чему сблизиться с господином Виканом, который, кстати, доставлял одни проблемы. Кстати, где он? Что-то давно она его не видела...

– Вашу защиту я полностью беру на себя, – продолжил харен. – Преступники на свободе, и вы по-прежнему являетесь их главной целью. Мои оборотни будут следить за вами, надеюсь, вы сможете с этим смириться.

– Я постараюсь, – заверила его Майяри, хотя от мысли, что за ней опять будет ходить охрана, её едва не перекосило. Но с этим действительно можно было смириться.

– Я уже взял на себя смелость написать в Жаанидыйскую школу магии и переслать ваши документы туда. Ответ пока не пришёл, но, думаю, вас без труда зачислят на четвёртый год обучения по специальности боевого мага. Придётся досдать некоторые экзамены, всё же вы пропустили пять... даже уже шесть месяцев обучения. Вы справитесь? Можете продолжить обучение с осени.

– Я хотела бы попробовать раньше.

– Если захотите, можете сдать все экзамены за четвёртый год и перейти на пятый к вашим друзьям.

Майяри посмотрела на него с удивлением: про друзей она забыла. Глаза её вспыхнули и забегали, девушка начала лихорадочно представлять, как они отреагируют, что сделают...

– Жить вы будете в моём доме. В Жаанидый приезжают учиться юные маги со всей страны и достать место в общежитии непросто. И так будет безопаснее.

– Я уже привыкла к вашему присутствию, – заверила его девушка.

И замерла, столкнувшись с пристальным взглядом оборотня. Она что-то не то сказала?

– Очень рад, – спустя небольшую паузу сказал харен, – так как я планирую видеть вас очень часто. Я думаю пристроить вас в жаанидыйский сыск в качестве своего помощника и будущего сыскаря. Потенциал у вас есть, нужно просто его развивать.

– Что? – поразились девушка. – Да как так можно? У меня же нет никаких навыков для работы сыскарем? Что я там буду делать? Я даже на боевого мага не доучилась!

– Госпожа Майяри, неприятности преследуют вас по пятам, – в голосе харена появился холод, – и мне хотелось бы как можно чаще видеть вас и иметь возможность лично присматривать за вами. Не забывайте, вы прекрасный артефактик, ваши навыки могут пригодиться.

– Но я артефактик-хаги! – попробовала возмутиться Майяри. – Мои знания... в обычной артефактологии обрывочны и неполны. Я же боевой маг!

– Можете перевестись на артефактологию, – невозмутимо предложил харен.

– Господин Ранхаш, я же буду бесполезна! – попыталась убедить его девушка. – Подумайте, какую репутацию вы заслужите! О вас будут говорить, что вы протащили в сыск девчонку только потому, что она невеста вашего брата!

– Я в вас верю, – спокойно отозвался Ранхаш. – Вы действительно многого не знаете, но вы обладаете поразительной целеустремлённостью. Я тоже. Думаю, мы прекрасно сработаемся.

Майяри сжала зубы и раздражённо уставилась на мужчину. Тот ответил проникновенно спокойным взглядом и лёгкой улыбкой.

– Даже не думал, что мы так быстро придём к такому прекрасному согласию.

– Вы ещё пожалеете, – мрачно предвела девушка.

– Ах, ещё кое-что, – жёлтые глаза пронзительно посмотрели на неё. – Я собираюсь вернуть вам ваши артефакты. Надеюсь, об этом я не пожалею?

Майяри дёрнулась от неожиданности и чуть не свалилась с кресла.

– Мои? – недоверчиво повторила девушка. Вот уж чего точно не ждала!

– Ну мои вас вряд ли заинтересуют, – Майяри потребовалось время, чтобы осознать, что харен изволил пошутить. – Я внимательно рассмотрел все камни и пересчитал их, чтобы время от времени проверять, всё ли на месте. Надеюсь, вы понимаете, что это разумная предосторожность? Мне не хотелось бы в один не очень хороший день увидеть вас в образе тёмного хаги.

– Я... – растерянная девушка запнулась. Мысли в голове смешались от непонимания и благодарности. – Я приложу все усилия, – в порыве признательности она даже поспешила предложить: – Вы можете держать их у себя, а я буду брать их у вас по мере необходимости.

Взгляд харена нехорошо прищурился, и Майяри мгновенно пожалела о своей поспешности.

– Не думаю, что это хорошая мысль, – с видимым сожалением отказался господин Ранхаш. – Велика вероятность, что в какие-то моменты я буду отказывать вам, и ваши артефакты станут причиной раздора между нами. Уверен, мы и без этого найдём причины для споров.

Майяри с всё крепнущим подозрением уставилась на оборотня и всё-таки не выдержала:

– Вы себя хорошо чувствуете? Может, господина Шидаю позвать? Нет, вы не подумайте, – поспешила отмахнуться девушка, столкнувшись с моментально похолодевшим взглядом, – я очень хочу получить свои камни назад. Просто вы какой-то не такой...

– Госпожа Майяри, раньше вы обвиняли меня, что я нарушаю условия сотрудничества, а теперь, видимо, сами не горите желанием поддерживать их, – прохладно заметил харен.

– Просто это неожиданно, – призналась девушка. – Вы же так любите контроль.

– Поверьте, мне нелегко далось это решение и в дальнейшем я ещё не раз о нём пожалею, – в последнем Ранхаш ничуть не сомневался.

– Спасибо, – скомкано поблагодарила девушка.

Оборотень удивлённо вскинул брови, но Майяри не стала пояснять, что благодарна не только за возвращение артефактов, которые харен отобрал у неё. Она не могла ожидать, что он поможет ей, пусть и из стремления достичь собственных целей, но он помог и ввязался в опасную авантюру, отказавшись отдавать её представителю власти. Он ведь очень сильно рисковал.

– Скажите, а хайнес знает о том, что это за артефакты? – Майяри нервно сцепила пальцы между собой.

– Возможно, знает, – не стал отрицать Ранхаш. – Шидай написал моему прадеду Шереху. Тот мог сказать повелителю правду или же умолчать.

– Но если хайнес знает, то меня не оставят в покое.

– Покой вам в любом случае будет только сниться, – девушка досадливо поморщилась. – Даже если хайнес знает правду, давить на вас прямо он не посмеет из опасения, что о вас прознают главы других родов. Вы сейчас храните смерть его семьи, и в его интересах не привлекать к вам лишнего внимания. Но я сомневаюсь, что прадед сказал ему правду. Этим бы он подставил меня под удар, а меня он... – Ранхаш запнулся, и Майяри уловила в его глазах сдержанную ярость, – бережёт.

Бережёт? Майяри словно в очередной раз зашла на запретную территорию и случайно узнала о харене то, чего ей знать не полагалось. Она невольно отметила, что он не такой холодный, как обычно, не такой спокойный. Внешне это было почти незаметно, но воздух словно накалялся от сдерживаемых эмоций. Стало как-то неуютно: холодный и равнодушный харен казался понятнее и проще.

– По поводу артефактов, – Майяри неуверенно покосилась на дверь, опасаясь больших и чутких ушей господина Шида, – и моих слов... этой ночью. Они не спонтанные. Я готова исполнить обещание.

Я отдам вам эти артефакты, я полностью доверюсь вам, только, пожалуйста, помогите...

Ранхаш откинулся на спинку кресла и пристально уставился на Майяри. Та ответила тяжёлым уверенным взглядом. Почему-то опять вспомнилась кукла, надёжно запертая в ящике стола, и оборотень в очередной раз попытался сравнить их. Оригинал оказался куда ярче и живее. Даже, в, казалось бы, неподвижном ожидании девушка пребывала в движении: плечи её слегка подрагивали, губы едва уловимо сжимались, брови вопросительно изгибались, а в глазах тяжёлыми волнами прокатывались разнообразные эмоции. Живая версия бесспорно была интереснее.

– Так что? – вернула мужчину к действительности Майяри.

Ранхаш медленно поднялся.

– Как вы смотрите на то, чтобы прогуляться со мной? – не успела девушка изумиться странной просьбе, как он добавил: – Направление можете выбрать сами.

В глазах Майяри мелькнуло понимание.

– Я соскучилась по свежему воздуху, – покладисто отозвалась она. – Но можно мне сперва получить мои амулеты?

Харен молча развернулся к зеркалу и отодвинул его, открывая взгляду дверцу схрана.

Глава 16. Украденное

Стражник с тоской посмотрел на ночное небо с тонким серпом волчьего месяца и надкусанным ликом луны, застенчиво прикрытым тёмным облаком, а затем недовольно уставился на могучего бородатого всадника, решившего, что именно сейчас самое время отправляться в дорогу. Перед мужиком сидел мальчишка лет десяти с живыми блестящими глазами, такой хорошенький, что стражник сразу же вспомнил, что видел эту парочку в полдень, когда они въезжали в город на торг.

– Утром бы выехали, – с досадой сплюнул он. – Чего уж дитя по ночному холоду морозишь?

Бородач сурово поджал губы и отвечать не стал. Стражник, продолжая ворчать, толкнул задремавшего товарища, чтобы тот помог открыть ворота. Гигантские створки натужно закрипели, выпуская всадника на освещённую ночными светилами заснеженную равнину.

Майяри облегчённо вздохнула и опять покосилась на свой сапог, слишком уже большой для детской ножки. Досадную оплошность она заметила уже у ворот и исправлять побоялась: вдруг стражник углядит внезапно меняющуюся ногу, а так, может, в глаза не бросится. К их удаче, охрана уже устала и дожидаться не могла смены.

– Всё хорошо? – бородатый верзила-харен склонился к её уху, хотя со стороны могло показаться, что он лишь слегка наклонился над головой ребёнка. Макушка самой Майяри располагалась выше и уши, соответственно, тоже.

– Теперь да, – под взглядом девушки кожаный сапог сменился меховой обувкой меньшего размера, туго перетянутой ремешками.

Растягивать цветной щит на двоих оказалось не самой простой задачей. А ещё сложнее было натянуть щит на кого-то другого и контролировать его. Свой-то Майяри ощущала всем телом и сразу замечала прорехи в образе, но, постоянно отвлекаясь на харена, она упускала из внимания и себя. При первой попытке натянуть облик господина Давия на харена, а облик его правнука Ривия – на себя Майяри обнаружила, что у мощного «домоправителя» остались тонкие руки господина Ранхаша. Со второй попытки она вроде бы сладила, но затем обратила внимание на то, как хмурится господин Ранхаш, и наконец заметила, что «правнук» продолжал щеголять в её платье.

До торга они добрались в таком виде, а уже там девушка заметила дородного бородатого оборотня с сыном, и торг они с хареном покинули уже в их облике.

– Нам в ту сторону, – «мальчик» подбородком кивнул на тёмную полосу леса на западе. – Боюсь, придётся побродить. Я была здесь год назад осенью и не уверена, что узнаю места под покровом снега.

Харен молча одной рукой дёрнул за поводья, второй прижимая девушку к себе. Майяри в очередной раз напряглась. Придерживать её не было никакой нужды, она и сама прекрасно могла о себе позаботиться, но господин Ранхаш, видимо, опасался её побега, и Майяри не могла его винить. Эта мысль, исключительно по привычке, действительно мелькнула в её голове.

– Вроде бы здесь, – девушка неуверенно воззрившись на тёмный контур сосновой кроны, возвышающийся над лесом. – Та вроде бы выглядела так же растрёпано. О, точно! – Майяри возбуждённо зашипела и ткнула пальцем в широкий дубовый ствол с корявыми ветками, живописно выделяющийся среди стройных лип и кривых клёнов. – У того тоже ветки как рога торчали!

Конь неохотно ступил под заснеженные кроны леса и, шумно ломая скрытые снегом ветки, направился к указанному дубу. Майяри сбросила щит, необходимость в котором отпала, и напряжённо подалась вперёд, пытаясь высмотреть в зимнем лесу хоть что-то знакомое.

Последний раз она была здесь тоже ночью, но путь ей преграждали покрытые листвой ветви, в ногах путалась трава, а стопы цеплялись за поваленные стволы. Сейчас ничего этого не было.

– Что-то ещё знакомо? – господин Ранхаш спокойно осматривался и приняхивался. Рядом ощущались чужие запахи, но несильные, принадлежащие ночному зверью. Их же собственные благодаря амулетам были весьма невыразительны.

– Подождите, – поморщилась девушка. – Я тогда торопилась, за мной же гнались, и не очень хорошо запоминала дорогу. Кажется, я обошла дуб по правой стороне... нет, по левой! Я же немного на юго-запад забрала.

Ранхаш отметил и запомнил эту информацию. Вдруг пригодится.

Девушка в его руках закопошилась и, перекинув ногу, скатилась по лошадиному боку в сугроб. Высоко задрав юбку, она обошла дуб по левой стороне и торжествующе, правда очень тихо, выдохнула:

– Ага!

Спешившись, мужчина привязал лошадь и направился следом за Майяри. Та обнаружилась около пня, зубастую верхушку которого она злорадно попирала ногой.

– Я об него тогда споткнулась и нос себе сломала, – с ликованием объяснила своё злорадство Майяри. Глаза её блестели, и она казалась очень воодушевлённой. Похоже, ей нравилось искать клады. Впрочем, через несколько секунд воодушевление её померкло. – Но я не помню, в какую точно сторону пошла после этого... У меня в глазах тогда помутилось, – она невольно потёрла зазудевший нос. – Но я вышла на юго-запад... – повторила девушка опять и повернулась, чуть-чуть отклонившись к югу.

Почти четверть часа они мерили глубину сугробов в окружении мрачных мохнатых елей. В конце концов растерянная девчонка остановилась и огляделась с видом заблудившегося человека.

– Не помню этот ельник, – расстроено призналась Майяри.

– Мы можем вернуться назад и попробовать ещё раз, – не огорчился Ранхаш.

Девушка виновато взглянула на харена, и его спокойное лицо приободрило её. Закусив губу и упёршись руками в колени, Майяри ещё раз осмотрелась, бдительно заглядывая под еловые лапы: может, за ними будет что-то знакомое?

Вшу-у-урх! С дерева в небо что-то взмыло, и над лесом раскатилось протяжное уханье. Майяри шарахнулась и испуганно уставилась на тёмный птичий силуэт, пересёкший лунный диск.

– Спокойно, это сова, – Ранхаш проводил птицу равнодушным взглядом. – Дикая сова.

Раздражённо выдохнув сквозь зубы, Майяри бросила взгляд в сторону и заинтересованно замерла. Продравшись между еловыми лапами и вымазавшись в смоле, девушка вынырнула с другой стороны и радостно хлопнула в ладоши. Вот эта прогалинка определённо выглядела знакомой! Позади тихо зашуршал харен, умудрившийся пролезть между деревьями, не прихватив с собой ни одной иголки.

– Не уверена, но, может быть, я проходила здесь... Вот эта осинка, возможно, та самая.

– Это тополь.

– Правда? – удивилась Майяри, осматривая дерево. – Ну, я плохо в них разбираюсь, но дерево похожее.

Обойдя его по кругу, девушка, что-то бубня под нос, сделала пятнадцать шагов на север, потом три строго на запад и семь на юг. Знакомое ощущение силы окатило её, и она замерла на месте.

– Здесь! – девушка села и как можно глубже запустила руку в сугроб. – Да, это камень, что я закопала.

– Вы поместили клад драгоценным камнем?

– Нет, – Майяри встала. – Это знак для меня. Я боялась, что они будут искать артефакты с помощью хаги, и постаралась сделать так, чтобы тот ничего не смог почуять. Этот камешек ещё не клад.

Развернувшись на юго-запад, девушка пошла вперёд, отсчитывая шаги:

– Один, два, три...

Она не обходила кусты, проламываясь прямо через них, а каждый древесный ствол, встречающийся на пути, считала за один шаг. Даже дуб необъятных размеров удостоился только одного шага. Замерла она на цифре семьдесят два в совершенно непримечательном месте: здесь не было ни пней, ни коряг, ни деревьев странных очертаний... Стремясь найти надёжный схрон, Майяри избегала всего, что можно было принять за условный знак, и теперь сама не могла найти нужное место.

– Кажется, здесь. Осенью тут пролегла звериная тропа, и я закопала ящик прямо под ней.

– Закопала? – харен нахмурился. – Почему вы мне не сказали? Я не взял ничего для раскопок.

– Да и не нужно, – Майяри потопталась на месте, очерчивая площадку. – Я же не в браслетах. Отойдите.

Шагнув следом за оборотнем, девушка взглянула на потоптанный сугроб, и он слегка дрогнул. Через пару секунд дрожь почувствовалась сильнее, сугроб словно бы подрос, потом стал выше окружающего его снежного наста, и где-то глубоко внутри что-то хрустнуло: ломалась промёрзшая земля. Снег посыпался в стороны, открывая растущий земляной холм, от которого начали отваливаться твёрдые куски. Вытоптанную площадку пересекла широкая трещина, в которую и заглянула Майяри, запустив туда бледно-зелёный светляк. Болотное сияние осветило чёрные комья, жутковатые переплетения корней, тёмные отверстия ходов в звериные норы и часть продолговатого ящика.

– Вот он! – возбуждённо прошептала Майяри и попыталась сунуться в трещину, но харен решительно перехватил её за шиворот и сам запустил руку внутрь.

Он легко выдернул ящик из мёрзлой земли и вытащил его наружу. Ликующая девушка приманила светляк ближе, и он осветил длинный прямоугольный короб размером чуть больше локтя, всю поверхность которого испещряли символы, выведенные явно на скорую руку. Ранхаш повертел находку, осматривая знаки, и уточнил:

– Хаггаресские?

– Ну да, – неохотно призналась Майяри. – Если хочешь скрыть что-то от хаги, то лучше всего использовать их.

– Я всегда думал, что хаги скорее умрут, чем воспользуются знаниями хаггаресов.

– А я не гордая, – с достоинством отозвалась девушка и перевела взгляд на разлом, который начал втягивать вытолкнутую землю назад. Через пару минут на его месте опять красовался нетронутый снежный наст.

Ранхаш снял крышку и обнаружил внутри короба два небольших мешочка, размерами совсем не соответствующих месту хранения. Один из них был пуст, а тесёмки на его горловине – распущены.

– Там лежал камень Обана, но я его к другим артефактам запихнула, – Майяри соврала раньше, чем успела задуматься о причинах вранья. Боги, она же обещала господину Шидаю, что всё расскажет!

Харен высыпал в короб содержимое второго мешочка и замер, рассматривая предметы. Первым в глаза бросился гигантский, почти с куриное яйцо размером, розовый бриллиант, в сиянии светляка кажущийся серовато-зелёным. Знаменитый камень Обана, названный так по имени прославленного мага, владевшего им. Ранхаш провёл пальцем по выведенным на его поверхности письменам и перевёл взгляд на сероватое ожерелье, сделанное из крупных кусков камня так грубо, что выглядело оно отталкивающе.

– Колье из розового кварца магианы Овеи, – тихо протянула Майяри, пряча руки за спину. – У уважаемой магианы, вероятно, была очень крепкая шея.

Колье обвивалось вокруг серебряного створчатого браслета, украшенного двумя овальными камнями яшмы. Вокруг них заплеталось затейливое узорочье, изображавшее вставших на задние лапы косматых медведей. На втором браслете, тоже украшенном яшмой, сплетались в схватке вихрастые драконы. Изделия из Лобайи всегда отличались очень узнаваемой манерой изображения звериных фигур: диких, злых и зловещих.

В одном из лобайских браслетов лежало простое кольцо из золота с изумрудом грушевидной огранки. Самой примечательной частью украшения был именно камень размером с вишнёвую косточку. Но Майяри знала – и харен, видимо, тоже, так как он взглянул на внутреннюю сторону кольца, – что главная сила амулета заключалась в надписи, что оставил почтенный Дамм.

Ожерелье Сашелии – изысканное утончённое изделие, словно сотканное из дождевых капель, застывших чистейшим горным хрусталём, было безжалостно спутано тонкой безыскусной цепочкой, на которой красовалось непритязательное украшение из скрещённых полос металла – простой стали, по центру украшенное плохо огранённым алмазом размером с ноготь на мизинце младенца. Свет скользнул по тёмным желобкам узоров, что украшали перекрестье.

– На рисунке в каталоге перекрестье Хведа выглядит иначе, – Майяри осторожно протянула руку, предварительно осмотрев перчатку со всех сторон, и указала на концы украшения. – Здесь они плоские, а на рисунке – заострённые. И камень в центре по описанию должен быть горным хрусталём, огранённым в форме кабошона. Хвед был небогат, вряд ли он мог позволить себе алмаз, пусть и такой заурядный. И символы несколько отличаются. Зато это перекрестье очень похоже на то, что мы с вами видели в той странной книжонке.

Ранхаш внимательно осмотрел украшение и положил его обратно.

– А остальные?

– Ну их описание соответствует каталогу. Вот только насчёт ожерелья Овеи я точно не помню, – Майяри опять не смогла понять, зачем соврала. Но не растёгивать же ей платье прямо посреди леса? Вернутся, и она сразу же расскажет харену о своём маленьком секрете. – Думаю, они взяли эти артефакты, чтобы скрыть факт кражи перекрестья и не привлекать к нему особого внимания.

– Да, очень на это похоже, – согласился Ранхаш. – Только камень Обана мог оттянуть на себя всё внимание.

– Но, конечно, проверить эти артефакты не мешало бы. Я могу ошибаться.

– У вас будет время, чтобы этим заняться, – пообещал Ранхаш.

– Правда? – недоверчиво переспросила девушка. – Вы дадите их мне?

– Естественно, – оборотень сложил артефакты обратно в мешок и, закрыв ящик, поднялся. – Возвращаемся.

– Интересно, что скажет стража, когда мы опять постучимся? – Майяри тихо захихикала, топая следом за мужчиной.

– Они уже сменились.

Позади раздался тихий вскрик и сильный хруст снега. Ранхаш обернулся и смерил взглядом лежащую лицом в сугробе девушку.

– Нос цел? – спокойно поинтересовался он.

Майяри с досадой зашипела и ошупала нос.

– Цел...

Вернулись домой они далеко за полночь. До двери ночные кладоискатели дошли в облике двух сыскарей и уже на крыльце превратились в замёрзшую Майяри и бодрого харена, на плече которого в мешке лежал короб с самыми знаменитыми в Санарише драгоценностями.

Внутри мужчина и девушка постарались пройти как можно тише, но не успели они сделать и пары шагов от порога, как раздался шелчок пальцев и в воздухе вспыхнул ослепительно белый светляк, своим сиянием озаривший мрачного Шидаю, развалившегося в кресле.

– Ну и где вы изволили шляться в такой поздний час, детишки?

У Майяри аж душа в пятки ушла, а сердце в уши перескочило и захотелось приложить лекаря площадной руганью за испуг, но мрачный взгляд оборотня охладил её, и девушка едва удержалась от того, чтобы не посмотреть на харена.

Так, господину Шидаю знать об делах совсем-совсем нельзя.

Майяри угрюмо взглянула на мужчину и обиженно процедила:

– Потрошили мой последний схрон с артефактами! Теперь у меня вообще ничего не осталось!

Бросив на харена полный неприязни взгляд, девушка вскинула подбородок и направилась к лестнице, всей своей спиной демонстрируя гнев и обиду.

Шидаю перевёл взгляд на Ранхаша, и тот, холодно взглянув вслед Майяри, заявил:

– Я должен был убедиться, что у неё больше не осталось тайников с артефактами, и упредить будущие побеги. Они ещё ни к чему хорошему её не привели.

И, поправив мешок на плече, спокойно прошёл мимо.

Несколько обескураженный Шидаю проводил их удивлённым взглядом и, откинувшись в кресле, пробормотал:

– Неужели ладить начали?

Глава 17. Прощание с Санаришем. Догадка Шида

– Так ты и не отъелась, – горестно вздохнул господин Давий и, подняв пискнувшую Майяри, прижал к своей необъятной груди. – Ты уж себя береги, кушай хорошо, не более и в неприятности не влезай. Слушай Шида и... – домоправитель перешёл на громкий шёпот, – поменьше слушай харена, – и совсем уж доверительно добавил: – Он порой безголовый.

Ранхаш сделал вид, что ничего не услышал.

Давий опустил слегка придушенную девушку на пол и развернулся к Шидаю.

– Ну давай, друг, – облапав лекаря, медведь гулко похлопал его по спине и, выпустив задохнувшегося мужчину, развернулся к харену и сгрёб в объятия уже его. – Вы уж осторожнее, господин. Прислушайтесь иногда к тому, о чём Шидай болтает.

Майяри с тоской осознала, что привязалась к заботливому домоправителю, и уезжать ей совсем расхотелось. Разве только взять господина Давия с собой... Девушка постаралась задавить грустные мысли и, натянув шарф до самого носа, принялась надевать перчатки.

Прощание проходило в холле, но провожатых было не так уж и много. Сам господин Давий, дородная кухарка и подпирающий стену бледноватый Гварий. Вещи уже погрузили в экипаж, и в руках у отъезжающих были только небольшие дорожные саквояжи: харен предпочёл держать поклажу первой необходимости (в которой были запряганы кукла и короб с драгоценностями) при себе, так же, как и Шидай, взявший с собой чемоданчик с лекарскими инструментами и лекарствами. Майяри достался большой, аппетитно пахнущий свёрток, подготовленный господином Давием и весящий больше чемоданчика господина Шида.

– Эй, Ривий, ну иди сюда! – громыхнул домоправитель в темноту кухонного коридора.

Оттуда застенчиво шагнул покрасневший мальчишка, почему-то прячущий руки за спиной.

– Давай, пока она не уехала, – дед подмигнул ему и кивнул на Майяри.

Та насторожилась и напряжённо посмотрела на ребёнка. Общаться она с ним толком не общалась: он её пугал, она его, похоже, тоже. Стоило бросить на него взгляд, как мальчишка краснел и сбегал.

Подбодрённый дедом, Ривий подошёл к девушке и в нерешительности замер рядом с ней.

– Руку протяни, – велел Давий напряжённой девчонке.

Та неохотно протянула левую ладонь, и мальчишка быстро плюхнул на неё что-то очень увесистое и крупное. Майяри даже не смогла обхватить презент пальцами.

– Это медвежье сердце, – торопливо затараторил Ривий, смущаясь ещё больше, – талисман, чтобы ты была такой же красивой и ещё... – он замешкался, не зная, что добавить, но всё же нашёлся, – чтобы стала ещё толще!

Выпалив это, он сорвался с места и скрылся в тёмном коридоре, оставив озадаченную девушку в окружении ухмыляющихся мужчин. Серьёзность сохранил только харен.

– Приглянулась ты моему сорванцу, – Давий игриво подмигнул растерявшейся Майяри. – Если подождёшь лет двадцать, то он на тебе и женится!

– Деда! – раздался возмущённый и смущённый вопль.

Майяри стало так неловко.

– С-спасибо. Оно... – она повертела подарок, по форме действительно напоминающий сердце, и обнаружила, что у него есть глаза – один больше другого, – нос и улыбка, – оно очень красивое. Я буду его беречь.

Ривий осторожно выглянул из-за угла, и Майяри, встретившись с ним взглядом, вдруг подумала, что дети всё-таки милые и такие честные.

– Нам пора, – поторопил харен, и девушка помахала медвежонку зажатым в руке сердцем.

Провожая взглядом мелькающие мимо здания, улицы и прохожих, Майяри почувствовала лёгкую тоску. Санариш она покидала с радостью. Это город стал для неё несколько враждебен, она сама последний раз постаралась над тем, чтобы создать себе весьма неоднозначную репутацию. Жители уже и не знали, в какие истории о ней верить. Друзья тоже отсюда уехали, и здесь её больше никто не держал. Только школу покидать было жаль.

Но сейчас Майяри тосковала. Всё-таки она успела привязаться к городу. Она строила планы на дальнейшую жизнь в нём, знала почти каждую его улочку, привыкла к местным порядкам... Вроде бы она всегда была готова к очередному побегу, так как так вышло, что она привязалась к этому городу?

Дома отступили немного вглубь, и Майяри поняла, что они уже почти добрались до северных городских ворот. Их санный экипаж дёрнулся и замер. Снаружи донёсся недовольный голос кучера, и харен вместе с Шидаем выглянули в окно.

– Досмотр выезжающих, – лекарь прищурился. – Наш друг Иезар здесь, а с ним какой-то живчик.

Майяри выглянула из-за занавески и уставилась на невысокого шуплого паренька, который просто прохаживался туда-сюда следом за улыбающимся податием. Увидев экипаж харена, господин Иезар заулыбался ещё шире и направился уже к ним.

– Харен, прошу простить за эту задержку, но, сами понимаете, в связи с последними событиями нужно быть настороже, – из-за распахнутой двери потянуло холодом.

– Не стоит извиняться, – прохладно отозвался Ранхаш. – Делайте своё дело.

Майяри поспешила откинуться на спинку, когда взгляд податия упал на неё. Слегка склонив голову, лис закрыл дверь и не спеша прошёл мимо. Когда с окном поравнялся его сопровождающий, девушка запоздало ощутила колебания силы.

– Хаги, – чуть слышно предупредила она.

Ранхаш прищурился. Закралось подозрение, что Иезар не зря оказался здесь именно сегодня. Похоже, новый глава санаришского сыска подозревает, что они могут вывезти кое-что очень важное. Как хорошо, что он додумался запахнуть амулеты девчонки в короб с хагаресскими знаками: такое обилие драгоценных камней могло стать причиной обыска.

– Он мог понять, кто вы? – поинтересовался харен у девушки.

Та отрицательно мотнула головой.

– Я позаботилась об этом.

Шидай смерил их подозрительным взглядом. Он чувствовал себя третьим лишним рядом с двумя заговорщиками. Вроде бы они не касались каких-то особых тем, но чувствовалось, что они стали как-то ближе.

Экипаж слегка продвинулся вперёд и опять замер.

– Это надолго, – протянул Шидай. – Давайте, что ли, поболтаем? Расскажите мне, куда это вы ходили прошлой ночью?

– Мы же сказали, – мрачно отозвалась Майяри, рассматривая в окно бродящий туда-сюда народ.

– Слушай, мне тут Ранхаш сказал, что тебе двадцать девять?

– И?

Лекарь ехидно улыбнулся.

– Девять тебе. Если незнакомый дяденька предложит яблочко – не бери.

Майяри изумлённо уставилась на него, не понимая причин ехидства.

– Злой харен вчера, значит, разграбил твой тайник, – продолжил посмеиваться Шидай, – а сегодня ты села с ним рядышком вместо того, чтобы гордо прижаться ко мне.

Девушка озадаченно уставилась на харена, сидящего справа от неё. Их разделял только саквояж мужчины. Да, она как-то не подумала о своей «обиде», но какая, в целом, разница? Экипаж же маленький, господин Ранхаш всё равно будет близко.

– Я не гордая, – подбородок вскинулся сам по себе, – но если вас это смущает, могу пересесть, – она перевела взгляд на место рядом с господином Шидаем и как раз напротив харена, занятое чемоданчиком лекаря и свёртком с гостинцами.

– Мы ездили к господину Трибану.

Шидай и Майяри уставились на харена с одинаковым удивлением, но девушка поспешила скривиться от досады. Мол, проболтался...

– Но давай не будем обсуждать это здесь, рядом с шавками Иезара, – холодно вато попрощал Ранхаш и перевёл взгляд в окно.

Озадаченно нахмурившись, лекарь прекратил допытываться и задумался.

Всё же поторопилась она прошлой ночью открывать рот. Майяри едва удерживалась от того, чтобы досадливо не закусить губы. Такой оборотень, как господин Ранхаш, конечно же, имел отговорку на случай, если их кто-то увидит. Но она запаниковала и поторопилась. В очередной раз.

– Я надеюсь, мы не будем гнать без остановки, как в прошлый раз? – Шидай вынырнул из задумчивости. – Сейчас с нами девушка.

– Не переживай, у нас будет две остановки в день и ночлег в нормальной постели.

– Обо мне можно не переживать, – мрачно отозвалась Майяри. – Я путешествовала и в куда менее комфортных условиях.

– Я не переживаю, – Ранхаш медленно повернулся и холодно уставился на неё. – Уверен, вы способны преодолеть путь до самого Жааниды пешком. Но моя больная нога требует большей заботы, поэтому мы будем останавливаться так часто, как это понадобится.

Майяри слегка изумилась. А она-то думала, что харен относится к своему здоровью ещё хуже, чем она! Даже странно было так ошибиться.

Шидай же так поразился, что на мгновение онемел. Его ли это мальчик? Не прислышилось ли? Взгляд его скользнул по плотно сжатым губам Ранхаша; удивлённо вскинутые брови опустились, и лекарь подозрительно прищурился. Что-то во внешности господина его насторожило. Ответ он нашёл почти сразу: Ранхаш был напряжён. Куда подевалось его ледяное равнодушие?

Ресницы харена опустились, и Шидай поймал мимолётный взгляд, брошенный на Майяри, опять отвернувшись к окну. Взор был тут же отведён, но лекарь его отметил и внимательно осмотрел розовощёкое от мороза девичье лицо, яркие губы и лихорадочно блестящие глаза. Запах от девчонки шёл чужой, не её собственный, но всё же достаточно приятный. Шидай опять посмотрел на Ранхаша и обратил внимание на то, как напряжены его пальцы. Подозрение, больше похожее на отчаянную надежду, закралось в его душу.

Наконец экипаж тронулся. Но только Майяри расслабленно повела плечами и приготовилась долгому и необычно комфортному для неё путешествию, как раздался истошный крик:

– Стой! Стой! Подожди!

Карета дёрнулась и замерла, на окно легла тень и в следующий миг дверца стремительно раскрылась и внутрь нырнул ВIKAN. Горячий рот накрыл губы Майяри, и не успела она удивиться или хотя бы возмутиться, как влажный язык нагло проник внутрь и огладил её нёбо. Отстранился мужчина так же быстро, как и приник, девушка только и успела зубами клацнуть. Слепительно улыбаясь и щуря ярко-жёлтые глаза, оборотень навис над ней.

– Прежде чем что-то делать, посмотри направо, – ласково прошептал он.

Разъярённая Майяри невольно перевела взгляд и увидела в окне соседнего экипажа порозовевшее лицо госпожи Лоэзии, а посмотрев ещё правее, заметила и господина Иезара. Пришлось, стиснув зубы, просто упереться ладонями в грудь «жениха», вместо того чтобы врезать ему, как хотелось ранее.

– Моя дорогая, я думал, что не успею тебя повидать перед отъездом, – Викан притиснул пискнувшую девушку к своей груди и с наслаждением потёрся щетинистой щекой о её шею. Майяри зашипела.

– Викан, ну не на людях же! – попробовала тихо возмутиться «невеста».

В окошке рядом с госпожой Лоэзией появилась незнакомая брюнетка, лицо которой сперва вытянулось от узнавания, а потом исказилось негодованием.

– Моё сокровище! – Майяри смирилась со страстностью «возлюбленного» и обняла его.

Ошеломлённый Шидай не отрываясь глядел на своего побелевшего господина, мрачно смотрящего в окно на истоптанный снег. Ранхаш словно бы не замечал шумного брата и не слышал тихих попискиваний девушки. Но Шидай успел поймать мгновение, когда в глазах господина мелькнула чистая и незамутнённая ярость. Миг, когда в губы девчонки впился наглец Викан. Пальцы харена до сих пор продолжали стискивать сиденье, а выпущенные когти никак не желали убираться.

– Я так скучал, – стонал Викан, – и теперь не могу даже вдоволь полюбоваться на твоё личико. Спасибо дорогому брату, – взгляд, полный обещания отомстить, достался харену, – отправил меня пастись по лесам!

– Всегда к твоим услугам, – отозвался Ранхаш. – С порученным делом хотя бы справился?

– Нет, я просто так полтора месяца на деревья любовался, – процедил сквозь зубы братец. – Но притащил только одну треть от банды, две трети, уж не обессудь, к праотцам отправил. Только... – Викан понизил голос до шёпота и ещё сильнее навис над Майяри, глубже просовываясь в нутро экипажа, – мне кто-нибудь объяснит, почему твоё место занято этим ублюдком, а ты из города выметаешься?

Ранхаш молча кивнул на Шидая, и тот мгновенно просиял улыбкой.

– Дядя! – брови Викана изумлённо приподнялись. – Неужели Ранхашик столкнулся с чем-то серьёзным, м-м-м?

– Не сейчас и не здесь, – лекарь многозначительно подмигнул. – Тут уши ходят. Тебе много времени потребуется, чтобы отчитаться по своему делу и выехать из города?

Не отпуская Майяри, Викан задумчиво пошкрябал ногтями по подбородку.

– Дня три, если за меня возьмётся Трибан, и куда дольше, если это будет Иезар.

– Не задерживайся, – посоветовал Шидай. – Наш бука, – почти нежный взгляд достался Ранхашу, – отказался дружить с новым податием, и тот теперь землю роет в поисках информации, которой ни у кого нет. Если что, пиши сразу Хешу или даже Шереху.

– Меня так просто не взять, – нагло оскалился Викан. – Расскажу рыжему сказочку. Придумаю что-нибудь очень занятное, чтобы он стал очень занятым, – тихо рассмеявшись, оборотень чмокнул расслабившуюся «невесту» в щёку, за что заслужил томную улыбку и убийственно острый взгляд. – Какая ты у меня ершистая! – возгордился «жених».

С сожалением выпустив девушку из своих рук, Викан соскочил с подножки и строго велел Ранхашу.

– Глаз с моей малышки не спускай! Ты за неё сейчас в ответе, помни об этом! Дядя Шидай, вы тоже проследите за моей крошкой. Её же так любят неприятности.

– Иди уже, – посмеиваясь, велел Шидай.

Оборотень уже хотел захлопнуть дверь, но неожиданно вперёд подалась Майяри и придержала створку. Викан остолбенел, когда увидел её печальный влажный взгляд и закушенные губы.

– Викан, я очень сильно по тебе скучала, – едва слышно прошептала девушка. – Догоняй нас быстрее.

– О, Майяри... – мужчина подался к ней.

Потерявший терпение Ранхаш распахнул дверь со своей стороны и холодно крикнул кучеру:

– Трогай.

Экипаж дёрнулся раньше, чем ВIKAN успел опять приблизиться, и Майяри, захлопнув дверь, помахала ему в окошко.

Пользуясь тем, что девчонка отвлечена воздушными поцелуями «жениха», Шидай пихнул коленом Ранхаша в бедро и, стрельнув глазами на Майяри, вопросительно изогнул брови. Ранхаш нахмурился и отвёл взгляд в окно. Лекарь толкнул его ещё раз, но господин просто проигнорировал его.

Ранхаш был в отвратительном настроении. Внутри продолжала кипеть злость на шумного родственника, появившегося так внезапно, что харен решил, что на Майяри напали. Вспомнив нападение, оборотень прикрыл глаза и потёр переносицу. Лучше бы уж напали. Было бы кому кости переломать.

Шидай опять пихнул его в бедро, между прочим, в больное бедро, но Ранхаш не повернулся. Он и так знал, что заинтересовало лекаря, но подтвердить его подозрения не спешил. Отчего-то было страшно. Страшно от той новой, совсем юной и оттого плохо скрываемой привязанности, что стала вызывать в нём Майяри. Заинтересоваться девчонкой с тёмным прошлым и кучей неприятностей... Женщиной! Смутно ощущалось, что эта привязанность может обернуться чем-то ранее ему неизвестным.

Сам во всём виноват! Не нужно было её трогать!

Снег перед глазами поплыл, сменяясь картинками воспоминаний более чем месячной давности...

Его разбудил жар. В горле пересохло и казалось, что тяжело дышать. Почти минуту Ранхаш смотрел на потолок, освещаемый лишь бликами камина, и пытался понять, где он. Скрытая в полумраке комната была знакома, но не до конца проснувшийся разум не мог её узнать. Приподнявшись на локтях, мужчина обнаружил, что лежит одетым на постели. На второй половине кровати, отделённая от него рядом подушек, спала Майяри.

Он наконец-то вспомнил. Вспомнил, что пришёл навестить её и Шидаю. Вспомнил, как рассказывал о роли господина Вария в осведомлённости злоумышленников, делился тем, что его якобы все обманули... Воспоминания загадочным образом обрывались, и Ранхаш досадливо прикусил губу. Шидай уснул или сам уснул? Наверное, всё же сам. Шидай уснул бы его в своей комнате.

Ранхаш осторожно сел, взглядом отыскал свои сапоги и проверил, не разбудил ли девчонку. Та продолжала спать и недовольно хмуриться во сне. Её перебинтованные руки были раскинуты в разные стороны, и одна из ладоней покоилась на разделявшей их подушке. Лечебный амулет выбился из-под повязки, и его нить соскользнула с большого пальца, на который он был накинута. Оборотень подался вперёд, вернул амулет на место и прижал край повязки к ладони. Кисть девушки дрогнула, и её пальцы обхватили его пальцы. Это было так неожиданно, что Ранхаша бросило в жар. Тонкие, длинные и необычайно сильные женские пальцы... В голове помутилось от всколыхнувшегося тепла, между лопаток выступил пот и все мысли исчезли из головы.

Майяри недовольно искривила губы, и её пальцы расслабились, выпуская пойманного харена. Тот осторожно отстранился и поспешил покинуть кровать, с недоумением смотря на спящую девушку. Что произошло? Что такое?

Из дома Ишыев Ранхаш выскочил спустя семь минут и, остановившись у ворот, ещё долго-долго вдыхал холодный воздух.

Нельзя было её трогать.

Но ведь он трогал её и раньше. Что изменилось? И как это изменение произошло?

– Эх, Майяри, – Шидай взглянул на девушку так ласково и нежно, что в глазах той появилось недоумение, – теперь тебе нужно очень сильно заботиться о себе. Не смей больше болеть!

– Почему? – с опаской уточнила Майяри, невольно вжимаясь в спинку сиденья.

– Какая ты всё-таки славная! – невпопад ответил лекарь и перевёл ласково прищуренный взгляд на харена.

Майяри тоже уставилась на мрачного господина Ранхаша и замерла, случайно взглянув на его ладони. Впервые заметив сине-багровые рубцы, девушка озадаченно моргнула, не понимая, что её шрамы делают на руках харена. Понимание посетило её лишь полминуты спустя, и она резко отвернулась. Майяри никогда не спрашивала, как именно господин Ранхаш снял с неё браслеты, и сейчас, увидев на его ладонях те же символы, что украшали её руки, испытала сложную смесь благодарности и неловкости.

– Эй, Трибан!

Данетий остановился и неохотно обернулся к окликнувшему его пекарю. Плечистый светловолосый мужчина поспешил к нему, вытирая руки о передник.

– Слушай, правду бают, будто бы харен в Жаанидый подался и ему на смену на это проклятое дело какого-то лиса прислали?

Поморщившись, медведь кивнул. Утаивать всё равно смысла нет, это ж не секрет какой.

– А чё такое? Харен не справился? – пекарь ехидно прищурился, но тут же отшатнулся под грозным взглядом Трибана.

– Думай, что мелешь! Ему сам хайнес другую работу поручил. Куда важнее возни с этими цацками!

– Да что ж важнее? – возмутился пекарь. – Тут и грабёж, и убийства, а самый главный участник как был на свободе, так там и ходит. Слышал, эту Амайяриду так и не засадили, а ведь она ж...

– Да что ж вы на девчонку-то всех собак повесили? – устало вздохнул данетий.

– Ну все ж так говорят, – смутился пекарь.

– Друг за другом невесть что повторяете, а потом ещё ноете: что ж это так справедливости в мире мало, – проворчал Трибан, введя собеседника в ещё большее смущение.

Взгляд его зацепился за высокую знакомую фигуру с шапкой светлых волос, и данетий мгновенно потерял все крохи интереса, которые у него вызывал разговор, и, махнув на прощание пекарю, поспешил через улицу.

– Варлай! Варлай! Да стой ты!

Парень неохотно остановился и слабо улыбнулся догоняющему его данетию.

– Тебя когда отпустили? – выдохнул Трибан, осматривая ссутулившегося оборотня.

На его взгляд, мальчишка как-то поблёк: волосы потускнели, глаза посерели, а в выражении лица появилось что-то тоскливое.

– Да только что, – неохотно ответил Варлай, продолжая удерживать на губах улыбку.

– И куда ты сейчас? Домой?

Парень поморщился и отрицательно мотнул головой.

– Переночую где-нибудь, а там разберусь.

Трибан смерил его задумчивым взглядом и решительно распорядился:

– Ко мне пошли.

– Да нет, не нужно, – Варлай поёжился.

– А я тебе предлагал, что ли?! – рявкнул Трибан, отвешивая ему оплеуху. Парень удивлённо моргнул и потёр затылок. – Я сказал, ко мне пошли! Так что лапы в зубы и разворачивай морду в нужную сторону. Не нужно ему! – передразнил данетий. – Мех ещё не отрастил со мной спорить. Топай-топай!

Растерянный Варлай подтянул сползший с плеча мешок и, подпихиваемый рассерженным медведем, неуверенно зашагал вперёд.

– Мальчишка! – продолжал ворчать Трибан.

– Данетий... – начал было Варлай, но его грубо перебили.

– Если есть возражения, то лучше подавись ими прямо сейчас!

Парень с удивлением и непониманием взглянул на Трибана и всё же промолчал. А данетий с удовольствием отметил, что в сероватых глазах проскользнула прежняя голубизна.

Глава 18. Начало пути

Ранхаш провожал взглядом проплывающую мимо заснеженную полосу леса. Яркое солнце отражалось бликами на стекле и осыпало искрами снег, а в карете, несмотря на плотно прикрытые двери и горячие камни, которыми Шидай обложил уснувшую Майяри, пахло морозной свежестью. Нестерпимо остро захотелось вонзить зубы в снежный ком и почувствовать подтаявшую воду на языке. Пить, что ли, хочется?

Повернув голову, мужчина уставился на вжавшуюся в уголок девушку. Спала она, обхватив себя руками за пояс и поджав ноги под сиденье, словно бы опасаясь соприкоснуться со своими попутчиками. На лице её застыло недовольное выражение, аж в пальцах зудело от желания разгладить морщинку между её бровями. Даже во сне не расслабляется. Шидай укрыл девчонку толстым шерстяным пледом и впихнул в него после горячие камни, чтобы уж точно было тепло.

– Такая сердитая... – Шидай опирался локтем на оконную раму и с широкой улыбкой смотрел на Майяри. – Так и хочется перетащить на колени и зацеловать её до сердитого кипения, да? – хитрый взгляд упал на Ранхаша.

Тот оценивающе осмотрел девушку.

– Нет, – наконец решил он.

Лицо лекаря вытянулось от разочарования.

А Ранхашу почему-то казалось, что разозлить Майяри поцелуями под силу только Викану. В его воображении девчонка с покорной обречённостью замирала на коленях Шидаи, позволяя тому делать всё, что он захочет. Более же никого, кто бы осмелился к ней так прикоснуться, он не знал.

Взгляд мужчины зацепился за экипаж, следующий вместе с ними в одном направлении. Внутри проснулось чувство вины. Он даже не подумал о том, чтобы перед отъездом проститься с госпожой Лоэзией. Более того, он предполагал, что в тех неразобранных письмах, что сейчас покоились в его саквояже, лежит послание от неё с уведомлением о дате отъезда. Надо всё-таки завести секретаря.

После ночной прогулки по лесу в течение двух дней всё было подготовлено к отбытию в Жаанидый. Ранхаш, конечно же, никому не сообщил планируемую дату переезда в целях безопасности Майяри, хотя Иезар всё равно успел на встречу у ворот. Наверное, устроил слежку за домом. Ранхаш бы так и поступил. Но вот чего он не мог предположить, так это того, что в этот же день город решит покинуть его невеста. И почему-то это показалось ему неудобным.

Шидай проследил за взглядом господина и улыбнулся ещё слаще.

– Кто бы мог подумать, что так случится... – протянул он.

– Ты знал, – Ранхаш невыносимо остро посмотрел на веселящегося оборотня.

– Что ты! – отмахнулся тот. – Просто я был дома в тот день, когда принесли письмо от госпожи Лоэзии, которое ты так и не прочитал. Я его не вскрывал! – поспешно добавил он. – Но предположил, что девочка готовится к отъезду. Просто так она бы постеснялась тебе писать. Особенно после того не очень удачного визита, когда тебя не было дома. Давно бы уже пора нормально просматривать корреспонденцию без игнорирования личных писем. Ты уже Шереху на пятое письмо подряд не отвечаешь. Дождёшься, и он в гости приедет, – мрачно пообещал лекарь.

– Я был занят, – холодно отозвался господин.

– Ты всегда слишком занят для семьи! – недовольно процедил Шидай. – Разорвал бы уже помолвку. Лоэзия милая девочка, ей бы влюбиться в кого-нибудь нормального.

– С помолвкой уже всё решено. Я не возьму своё слово обратно.

– И себе, и девчонке жизнь портишь, – не одобрил лекарь. – Ты ей, между прочим, льдина такая, нравишься, хотя убей боги не могу понять почему! Она в Санариш-то из-за тебя приехала, чтобы хоть немного, но быть ближе. Лучше уж сейчас прекратить эту глупость. Она попечалится, но полюбит кого-нибудь получше.

Внутри заудело раздражение. Шидай поднимал эту тему не первый раз.

– Это моё дело, – сухо отозвался Ранхаш.

– Не только твоё! – лекарь разъярённо уставился на него. – Но ещё и её, – он кивнул на экипаж за окном. – Только ей всего двадцать и у неё чувства и эмоции правят разумом. Зато ты вроде бы рассудительный, но вот эмоций тебе явно не хватает хотя бы чтобы посочувствовать!

Шидай умолк и с раздражением уставился в окно. Майяри, словно ощутив, как накалилась атмосфера внутри экипажа, пошевелилась, но не проснулась.

– Мы с ней обо всём поговорили и пришли к соглашению. Она понимает, что её ждёт, – тихо произнёс Ранхаш, – и знает, что я буду не лучшим мужем.

– Ранхаш, она ещё девчонка и, как и почти любая девочка, надеется, что ты как раз наоборот будешь хорошим мужем, – устало ответил Шидай. – Если ты хочешь, чтобы тебя действительно приняли именно таким, какой ты сейчас, то нужно выбрать женщину постарше, без иллюзий, – взгляд оборотня упал на спящую Майяри. – Ну или кого-то похожего на неё.

– На неё? – слегка удивился Ранхаш. – Не заметил, чтобы я ей нравился.

– А ты ей не нравишься, – уверенно заявил Шидай, – но она достаточно смелая, чтобы пнуть тебя и заставить быть другим. Если ей этого, конечно, захочется.

– Шидай, – харен устало поморщился и отвернулся.

Майяри шевельнулась, и с сиденья скатился и бухнулся на пол один из горячих камней. Девушка вздрогнула и, распахнув глаза, настороженно уставилась на мужчин. Её заспанное подозрительное личико опять привело Шидая в хорошее расположение духа.

– Выспалась?

Майяри призадумалась и честно ответила:

– Нет.

Подтянув одеяло к подбородку, девушка отвернулась от мужчин к окну и замерла, встретившись глазами с Лоэзией. Некоторое время девушки просто смотрели друг на друга, а затем осторожно кивнули в приветствии. Рядом с Лоэзией появилось лицо уже виденной ранее брюнетки. Она что-то отрывисто сказала среброволосой девушке и надменно уставилась на Майяри. Та слегка удивилась.

– А это кто такая?

Шидай склонился к окну.

– О, госпожа Диэна! – невесть чему обрадовался он. – Насколько я знаю, она очень неравнодушна к Викану.

– Вот как? – с пониманием протянула Майяри и ответила брюнетке тонкой издевательской улыбкой.

– Её отец даже обратился к родителям Викана с предложением устроить помолку, но сам Викан отверг идею в не самых лестных выражениях. Как понимаешь, девочка немножко на него обижена. И на тебя теперь тоже.

– А до Жааниды мы едем с ними? – уточнила Майяри. – Будет же невежливо, если харен не сопроводит свою невесту, когда им по пути. Она же расстроится.

Шидай косо посмотрел на Ранхаша. Мол, слышишь? Даже Майяри понимает, что ты ответственен за чувства невесты.

– Да, мы поедem вместе, – подтвердил лекарь.

– Значит, меня ждут славные мгновения, – с удовлетворением протянула девушка.

Диэна, возмущённая её сладкой улыбкой, с негодованием скрылась из её поля зрения.

К полудню санный кортеж пересёк замёрзшее полотно реки Ревыший и выехал к небольшой деревеньке, где и остановился рядом с постоялым двором. Хозяин, видимо, знал о прибытии высоких гостей. Конюхи ждали их у ворот, а расторопный мальчишка поспешил указать путь к трапезной. Майяри с удивлением обнаружила, что помимо трёх экипажей – два из них принадлежали невесте харена – их сопровождало почти три десятка всадников.

– Они все наши? – тихо уточнила девушка.

Вряд ли харен потащил бы с собой такое внушительное сопровождение. Он не казался тем, кто любит привлекать чужое внимание. Скорее бы господин Ранхаш отправил ещё один отряд лесами, чтобы глаза не мозолили.

– Нет, – подтвердил её сомнения господин Шидай, с улыбкой отвешивая поклон госпоже Лоэзии и её подругам, которые с опаской косились на здание постоялого двора и не осмеливались выйти из-за спины Мариша. – Больше половины, почти две трети, принадлежит нашим спутникам. А остальные твои.

– Мои?! – Майяри так громко поразилась, что Мариш бросил на неё укоризненный взгляд. Поди пойми ещё, что именно ему не понравилось: либо то, что она оскорбила криком слух его госпожи, либо её несдержанность. Ведь девушкам благородного происхождения таким высоким тоном говорить не полагается. Но скорее всего ему не понравилось и то, и то.

– Ты у нас теперь важная особа, – Шидай, посмеиваясь, потрепал ошеломлённую девочку по волосам. – Мы с Ранхашем предпочитаем путешествовать налегке, а его охране приходится ныкаться по укромным уголкам. Он, видишь ли, не любит, когда за ним следуют по пятам.

– Так я тоже не люблю!

– Но ты же не Ранхаш, – лекарь нагло ухмыльнулся.

– Что такое? – харен наконец-то отвлёкся от разговора с плечистым серьёзным мужиком (Майяри почему-то заподозрила, что тот является главой охраны госпожи Лоэзии) и вернулся к ним.

– Ей не нравится охрана, – наябедничал Шидай.

– Мы же обсуждали это, – Ранхаш приподнял брови и с холодным укором взглянул на Майяри. – И вроде бы договорились, что вы не имеете ничего против неё.

Та малость смутилась.

– Ранхаш, ты не понял, – Шидай так пакостно улыбнулся, что насторожился даже случайно взглянувший на него Мариш. – Они ей внешне не понравились. Не красавчики.

Ранхаш и Майяри с одинаковым удивлением посмотрели сперва на ухмыляющегося Шидая, потом смерили взглядами друг друга и уже после этого уставились на охранников, явно увидев их в новом свете.

– Очень даже ничего, – осмелилась опровергнуть заявление лекаря Майяри.

В глазах Шидая мелькнуло торжество, и он уставился на Ранхаша с лихорадочным ожиданием. Но тот его расстроил.

– Вот и прекрасно. Шидай, проводи её в трапезную. Пока обедаем, нам сменят лошадей. А я ненадолго отойду.

И, оставив досадливо скривившегося лекаря, направился к ярко вспыхнувшей Лоэзии. Майяри едва сдержала любопытный взгляд. Всё же харен, и жених... В её понимании это было нечто несовместимое. О чём они между собой говорили, слышно не было, но госпожа Лоэзия расцветала на глазах.

– Ладно, пошли, – не очень довольный протянул Шидай. – Они сейчас к нам подтянутся.

Харен, Мариш и юные оборотницы действительно присоединились к ним очень скоро. Расторопные прислужницы даже ещё не успели до конца накрыть стол. Черноволосая красавица надменно сморщила носик, увидев приготовленные блюда, и с ещё большим недовольством взглянула на столовые приборы. Интересно, она когда в Санариш ехала, так же себя

вела? Майяри, расположившись рядом с господином Шидаем, без стеснения рассматривала девушку, когда-то покушавшуюся на её «жениха», и пришла к выводу, что та очень и очень красива, но малость испорчена высокородным воспитанием. А вот её рыжеволосая, слегка полноватая подруга была куда приятнее. По сторонам она посматривала с интересом, на накрытый стол – с одобрением, а на сидящих за другими столами охранников – со смущением и волнением.

Брюнетка замерла рядом со столом и окинула стулья таким растеряннo-возмущённым взглядом, словно ни один из них не был достоин принять на своё сиденье её величественную особу. Её замешательство разрешила рыжая подруга, просто подпихнув ей под коленки стул.

– Садись, Диэна, у нас не так много времени. Поешь или просто посиди.

Диэна, не устояв, совсем неграциозно плюхнулась на стул и едва удержалась от вскрика.

– Благодарю, Элда, – сдержанно прошипела она.

Рыжая весело улыбулась и села напротив господина Шидаю, который тут же добродушно улыбулся ей. Лицо Диэны слегка утратило свой смуглый цвет, когда она обнаружила напротив себя ласково улыбающуюся Майяри.

– Ох, Диэна, Элда, познакомьтесь, это госпожа Амайярида, – Лоэзия наконец-то опомнилась и оторвала взгляд от жениха, который только что помог ей избавиться от шубки и присесть. Судя по мрачному взгляду оставленного не у дел Мариша, поведение харена он не очень одобрял. – Я вам рассказывала о ней, помните?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.